

Российская академия наук
Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера)

Центр коренных народов Ленинградской области

**ПРЕДАНИЯ И СКАЗКИ ВОДСКОГО НАРОДА
VAD'D'AA RAHVAA JUTUD JA KAAZGAD**

Санкт-Петербург
2009

УДК 391/397(=511.1)

ББК 63.5(2)

П 71

Академическая научно-популярная серия
«ФОЛЬКЛОР КОРЕННЫХ НАРОДОВ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ»

*Книга издана при финансовой поддержке Финно-угорского
культурного центра Российской Федерации*

П 71 Предания и сказки водского народа. Vad'd'aa rahvaa jutud ja kaazgad.

Составитель и автор вступительного раздела О.И. Конькова. СПб.: МАЭ РАН, 2009. — 144 с.; илл.

ISBN 978-5-88431-171-8

Книга открывает новую академическую серию «Фольклор коренных народов Ленинградской области» и посвящена фольклору воды — одного из самых малочисленных коренных народов России. В книге рассказывается об истории, языке, верованиях и фольклоре воды, в ней впервые представлены тексты преданий и сказок водского народа на водском и русском языках. Приведенные образцы прозаического фольклора воды дают представление о прежде неизвестной российскому читателю древней водской вере в «чудесные» места, в ведьм и «знающих», в духов и сверхъестественные создания. Также книга знакомит с разнообразными видами сказок, записанных у вожан в XIX–XX веках.

Уникальный публикуемый материал делает эту книгу интересной как для профессиональных исследователей и студентов, так и для краеведов и всех интересующихся историей Северо-Запада России, культурой и языками населяющих его народов.

Перевод водских текстов

*Н.А. Дьячков, О.И. Конькова, М.З. Муслимов, Т.В. Ефимова, С.К. Ефимов,
Е.П. Кузнецова, Е.В. Николаева, А.В. Гореликов*

Редактор водских текстов

М.З. Муслимов

Рисунки

О.И. Конькова, Л.В. Пости, Л.А. Сакса

Дизайн обложки

Л.А. Сакса

© О.И. Конькова, составитель, 2009

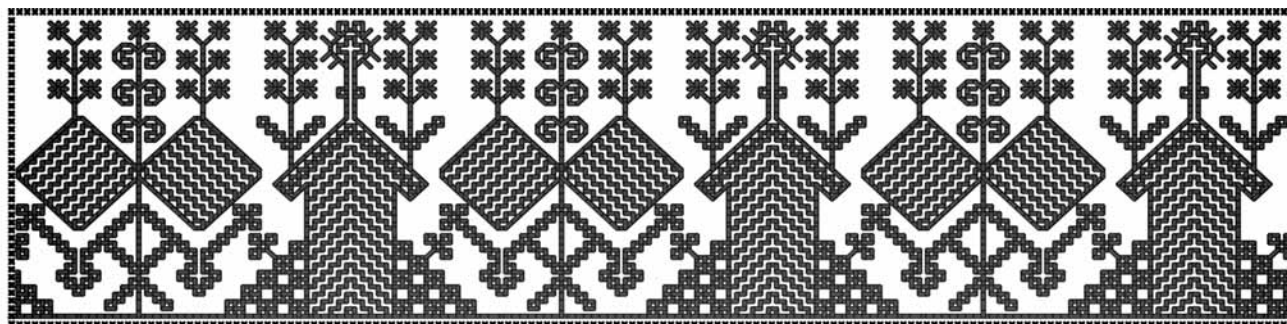
© Н.А. Дьячков, О.И. Конькова, М.З. Муслимов, Т.В. Ефимова,
С.К. Ефимов, Е.П. Кузнецова, Е.В. Николаева, А.В. Гореликов,
перевод водских текстов, 2009

© М.З. Муслимов, ред. водских текстов, 2009

© О. И. Конькова, Л. В. Пости, Л. А. Сакса, иллюстрации, 2009

© МАЭ РАН, 2009

ISBN 978-5-88431-171-8

Содержание

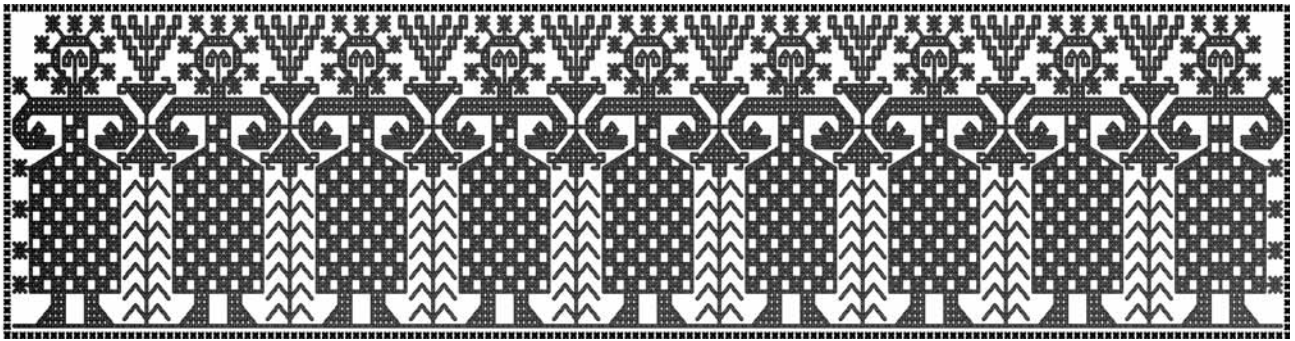
О КНИГЕ	5
О ВОДСКОМ НАРОДЕ, ЕГО ЯЗЫКЕ, ВЕРОВАНИЯХ И ФОЛЬКЛОРЕ	9
ИСТОРИЯ ВОДИ	9
ВОДСКИЙ ЯЗЫК	14
ВЕРОВАНИЯ ВОДИ	18
ВОДСКИЙ ФОЛЬКЛОР	29
VAD'D'AA RAHVAA JUTUD	32
ПРЕДАНИЯ ВОДСКОГО НАРОДА	
Bohattõrid ja voimakkaad mehed. Богатыри и силачи	34
Kummad kõhad. Чудесные места	38
Nõitad ja täätäjäd. Ведьмы и «знающие»	42
Kotohaltiaad. Домашние духи-«хозяева»	52
Lemmyz ja para. Леммюз и пара	64
Kalmolaizõd. Кладбищенские духи	78
Metsäähaltiaad. Лесные духи-«хозяева»	82
Vesihaltiaad. Водяные духи-«хозяева»	90
VAD'D'AA RAHVAA KAAZGAD	94
СКАЗКИ ВОДСКОГО НАРОДА	
Iklookka. Радуга	96
Siista i Suma. Систа и Сума	96
Kuusi ja aara. Ель и осина	96
Sirjõvõ kana. Пестрая курица	98
Jänessie uuli. Заячья губа	98
Kissa i kukko. Кот и петух	100
Lintuje ja zverije sõta. Война птиц и зверей	100

Voho. Коза.	100
Kaaska d'edazda da babass. Сказка о деде и бабе	102
Med'd'ee ceeli. Наш язык	104
Kahs dovariššaa. Два товарища	104
Kõik on minu. Все мое	106
Meez ja nain. Муж и жена	106
Naizikko i meez. Жена и муж	108
Rappi ja taloroikõ. Поп и крестьянин	108
Kahs velliä da rappi. Два брата и поп	110
Sapožnikkõ ja kunikõz. Сапожник и король	112
Karuu poika. Медвежий сын	112
Tyttärikko i iiri. Девушка и мышь	116
Kahs nõitaa. Два колдуна	118
Jurgsi. Юрчи	120
Jumal ja paharool. Бог и черт	124
Mustõlaizõss i maoss. О цыгане и змее	126
Sõtameez. Солдат	128
ССЫЛКИ	136

О КНИГЕ

Водь — один из древнейших народов Северо-Запада России, первые упоминания о котором восходят еще к XI веку. Древние летописи и старинные документы могут рассказать, насколько необычным и удивительным был водский народ. Но сложные изломы истории привели к тому, что водским языком ныне владеют лишь несколько десятков человек, а знания о великолепной водской народной культуре хранятся лишь в архивах, музеях и редких книгах. И сейчас нужны невероятные силы, чтобы сохранить то малое, что уходит.

Книга «Предания и сказки водского народа» подготовлена как двуязычное издание фольклорных текстов (на водском и русском языках). Издание осуществлено на основе опубликованных научных материалов, мало доступных читателю не только в силу давности их опубликования в Эстонии и Финляндии, но и по причине отсутствия переводов на русский язык. Последнее обстоятельство делало водский фольклор практически неизвестным для российских специалистов и заинтересованных читателей. Только в 2003 году была осуществлена первая попытка издания водских сказок на водском и русском языках. В нее вошли 14 сказок, приведенных к кракольско-лужицкому говору западно-водского диалекта водского языка¹. Изданием этой небольшой книжки было зафиксировано существование водской письменности.

Вместе с тем культура почти исчезнувшего водского народа не просто является неотъемлемой частью культурного наследия России, но и представляет собой достояние мировой культуры². Издаваемая книга представляет собой попытку рассказать о водях как об уникальном народе, о его истории, верованиях и языке и показать наиболее интересную часть прозаического фольклора водей — предания и сказки.

Именно поэтому книга состоит из трех частей. В первой части читателю представлены основные сведения об истории воды, ее языке, верованиях и фольклоре, потому что без понимания исторической канвы и особенностей народной веры вожан невозможно понять глубину и яркость водского фольклора. Во второй части опубликованы записи традиционных преданий воды о «силачах», «чудесных» местах, колдунах и «знающих», о домашних, кладбищенских, лесных и водяных духах и сверхъестественных существах. В книге приведены лишь некоторые предания, позволяющие очертить этот тайный мир древней веры и дающие возможность приблизиться к пониманию народной водской культуры. Третья часть включает в себя образцы водских сказок различных видов: от сказок про животных и растения до волшебных сказок и сказок-притч³.

Книга составлена таким образом, чтобы читатель получил не только представление о разнообразии водских преданий и сказок, но и об особенностях различных диалектов и говоров водского языка. Основу издания составляют оригинальные фольклорные тексты на водском языке с переводом на русский язык, при этом мы старались как можно точнее передать смысл водского текста без его излишней художественной обработки. Почти все тексты на водском языке сохраняют особенности говоров различных водских деревень, лишь некоторые из текстов сказок в спорных случаях приведены к формам ныне сохранившихся нижнелужских говоров западно-водского диалекта.

С целью сохранения особенностей языка унификация написания не проводилась, даже если в одном тексте слово произносилось по-разному. В публикации текстов соблюден фонетически-фонологический принцип. За основу написания взят алфавит, выработанный при создании письменного водского языка, но для обозначения палатализованных (мягких) звуков использовался знак «'» (например, в слове *vad'd'a*).

В сносках к текстам в конце книги указаны имя и фамилия рассказчика, его возраст, место рождения (сначала — в водском варианте звучания, затем (в скобках) — в официальном русском), время и место записи текста и название издания, где этот текст был опубликован впервые.

Мы выражаем глубочайшую признательность вожанам, чья память сохранила удивительные духовные богатства воды и благодаря которым мы сейчас можем представить себе, насколько красива и разнообразна водская культура. Особые слова благодарности хочется сказать всем собирателям и исследователям водского фольклора, посвятившим многие годы своей жизни неутомимому изучению и сохранению уникального наследия водского народа.

Следует высказать слова искренней признательности переводчикам водских текстов за их столь важный для понимания водской культуры труд — сотруднику Центра коренных народов Ленинградской области Н. Дьячкову, членам Общества водской культуры Т. Ефимовой, С. Ефимову, Е. Кузнецовой, Е. Николаевой и А. Гореликову, редактору водских текстов замечательному исследователю водского языка М. Муслимову,

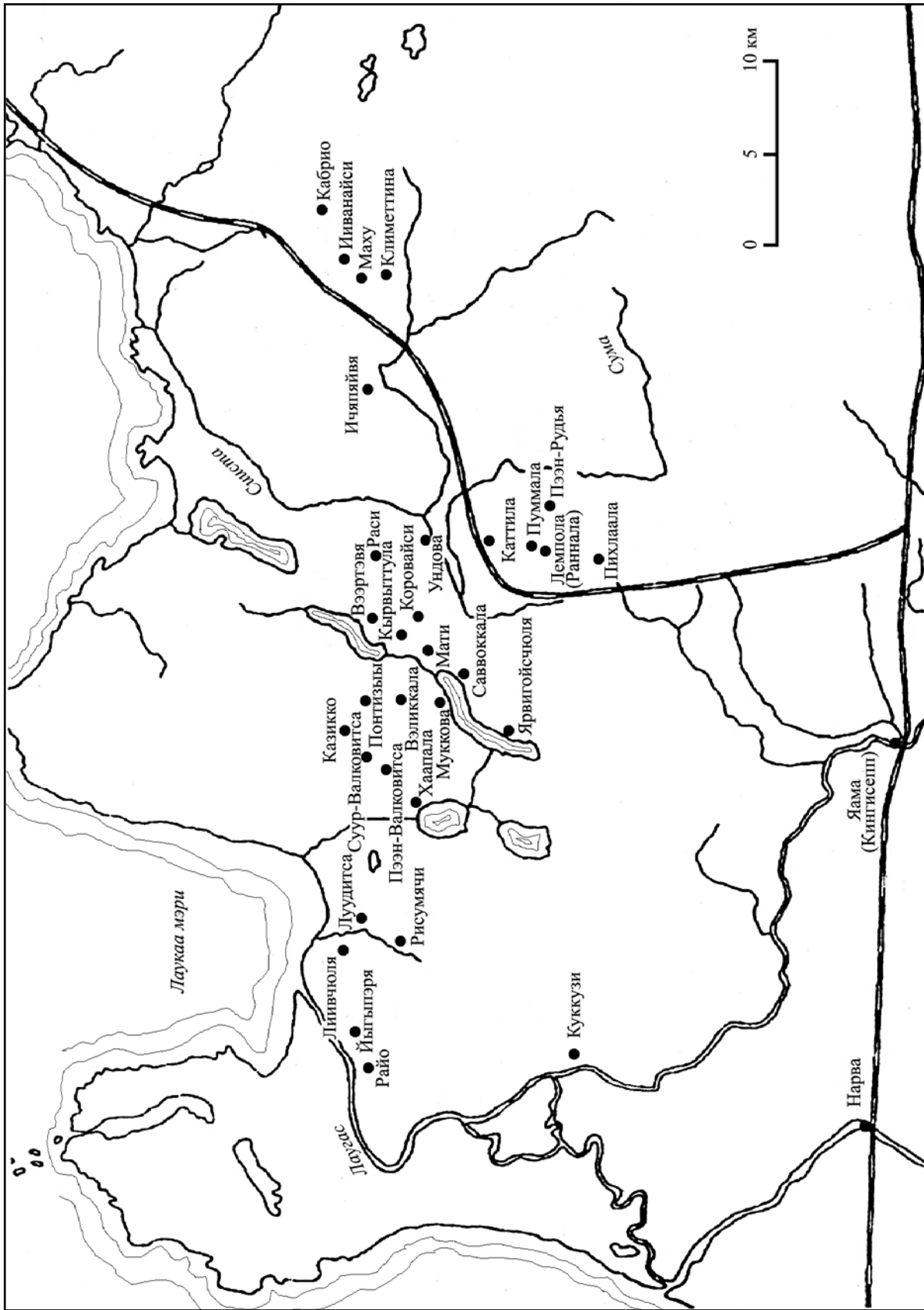

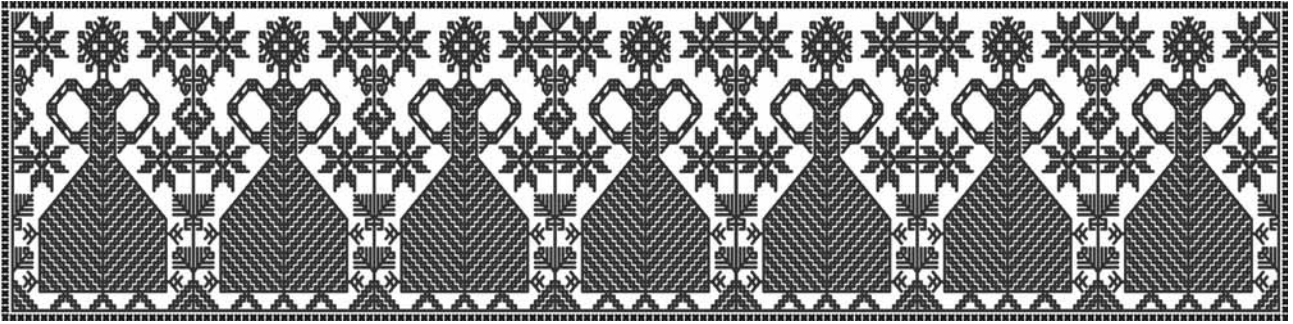
сотрудникам Центра коренных народов Ленинградской области художникам Л. Сакса и Л. Пости, а также К. Каневской, А. Кузнецову, А. Воробьевой, М. Ивановой, В. Смирновой, К. Иванцову и Д. Харакке-Зайцеву, оказавшим неоценимую помощь в создании этой книги.

Мы благодарим Финно-угорский культурный Центр Российской Федерации за финансовую помощь в издании книги.

Карта водских деревень. 1930-е годы

О ВОДСКОМ НАРОДЕ, ЕГО ЯЗЫКЕ, ВЕРОВАНИЯХ И ФОЛЬКЛОРЕ

ИСТОРИЯ ВОДИ

Водь — древний коренной народ, с XI века известный нам на западных землях современной Ленинградской области. Ныне водь проживает в двух деревнях Усть-Лужского сельского поселения Кингисеппского района Ленинградской области: Краколье (по-водски Йыгыпэря) и Лужицах (Луудитса или Луутса).

Самоназвание води — *ваддя, ваддялайн, вадьякко* (*vad'd'a, vad'd'alain, vad'd'jakko*), употреблялся также термин *маавячи* (*maaväci* — букв. «народ [этой] земли»). В русском языке наряду с названием *водь* (мн.ч. *вожане*), используемым еще со средневековья, довольно долго употреблялся и термин *чудь, чудья*. Происхождение слова *вадья* неясно: возможно, как и названия многих других народов, истоки этого имени следует искать не в языке самого народа, а в языках соседей, ведь обычно народ сам себе осо-

бого имени не придумывал, называя себя традиционно просто «людьми», «народом нашей земли» и т.п. Впрочем, некоторые исследователи этот этноним связывают с прибалтийско-финским словом *вакья* (*vakja*), обозначающим «клин»⁴.

Долгое время считалось, что водь появилась на этих землях лишь в конце I тысячелетия нашей эры и корни этого народа следует искать в Эстонии. Но недавние археологические раскопки доказали, что водь жила здесь издавна: самые ранние из обнаруженных водских погребений датируются I–IV веками нашей эры. На каменных погребальных вымостках, расположенных недалеко от деревень Валговицы и Великино, были обнаружены остатки сожжения умерших, железные и бронзовый браслеты, нагрудные булавки, топор-кельт, обломки косы-горбуши и фрагменты керамики⁵.

Поскольку в средние века водь жила на окраинах новгородских владений, летописи обходят ее историю молчанием, отмечая только наиболее значительные события — бедствия, войны. По ним можно представить лишь некоторые стороны жизни средневековых вожан. Так, Новгородская первая летопись сообщает, что 23 октября 1069 года при одержании новгородцами победы над полоцким князем Всеславом (а водь выступила на его стороне) «велика бяше сеця Вожаном, и паде их бесчисльное число»⁶. Это первое летописное сообщение о водях. В нем историки видят стремление водь освободиться от намерения Новгорода распространить на нее дань.

В 1149 году водь при помощи 500 новгородцев истребила 1000 человек из финского племени емь, напавших на них⁷. Следует отметить, что, несмотря на взаимную помощь новгородцев и вожан, усиливающаяся власть Новгорода над водью была довольно суровой. После нападения «немцев» (так называли в русских летописях ливонских рыцарей) на водь в 1240 году и основания ими «города в Копорьи погосте» Александр Невский уже через год захватил и разрушил Копорскую крепость. Изменники из вожан и чуди по приказу князя были повешены, хотя часть пленных «немцев» отпущена на свободу⁸.

К XIII веку земли водь вошли в состав новгородских владений. В Уставе князя Ярослава «о мостех» (1260-е годы) впервые названа среди девяти основных районов Новгородской земли «Вочьская сотня»⁹. И уже в 1270 и 1316 годах вожане выступили вместе с новгородцами, на сей раз против неугодных им князей¹⁰.

Судя по археологическим данным, основным занятием средневековой водь было земледелие. Оно дает возможность изобильной жизни, но налагает и тяжелую дань — неурожаи и голод. Особенно страшны были последствия голода 1215 года, когда люди питались сосновой корой, липовым листом и мхом. Самые бедные отдавали своих детей другим людям, чтобы хотя бы дети смогли спастись. Мертвые лежали по улицам и в поле. «Вожане помроша, а останьке разьидеся», — говорится в летописи¹¹. В 1420 году летопись сообщает, что снег падал три дня подряд (по-видимому, летом) и три года продолжался голод, что заставило вожан искать спасения в Пскове.

Из кратких сообщений летописей видно, что водь играла значительную роль в жизни Новгорода. Одна из частей города носила название Водский конец. Территория, названная в летописях Водской землей (впервые в 1338 году), была основной час-

тью владений Новгорода на северо-западе. В Ливонии это название (Watland) получили все северо-западные новгородские земли.

Письменные источники не содержат прямых сведений о границах средневековой Водской земли и ее населении. Сопоставив различные данные, можно заключить, что основную часть Водской земли составляло Ижорское плато — возвышенная часть северо-западных земель, пригодная для пашенного земледелия. Исследованные на этой территории курганы XII–XIV веков и жальники (грунтовые могилы, часто обложенные на поверхности камнями) XIII–XV веков показывают, что здесь жило разное население: славяне, финно-угры и древние балты пришли на эти плодородные земли лишь в XII веке. До этого времени, судя по всему, здесь не было постоянного населения: почти полное отсутствие рек на этой возвышенности делает невозможной охоту и рыбную ловлю — исконные занятия древних народов.

А где же были поселения самой воды? Здесь следует обратить внимание на загадочные упоминания «погостов в Чюди». Речь идет о древних Опольском, Толдожском и частично Каргальском погостах. Ведь именно на их территории сравнительно недавно удалось обнаружить собственно водские средневековые погребения — неглубокие могилы с каменными обкладками. Эти захоронения очень отличаются от древнерусских курганов Ижорского плато не только своим видом, но и вещами, найденными в них. Многие погребения сопровождалось серпами, косами и ножами, большинство которых было преднамеренно согнуто или сломано (наверно, это отражает какие-то неизвестные нам обычаи и представления о жизни после смерти). Но самые яркие особенности этого «чудского» населения мы видим в «уборе» умерших: в состав их необычных одежд входили нагрудные булавки, цепочки, огромное количество бронзовых спиралек и оловянных колечек¹². Именно на этой Чудской земле с ее болотами и глухими лесами воды удалось сохранить свою древнюю прекрасную культуру.

В 1478 году, когда Новгород был покорен Иваном III и все новгородские владения были разделены на пятины, одна из пятин стала называться Водской, хотя ее границы выходили далеко за пределы древней Водской земли, захватывая даже Карелию.

Интересные сведения об этом времени можно получить из Оброчной книги, составленной в 1500 году московскими писцами Дмитрием Китаевым и Никитой Моклоковым. Она содержала опись всех земель Водской пятинны. В ней есть сведения о хозяйстве воды: земледелии, скотоводстве и, что особенно интересно, изготовлении железа. Так, в деревнях Великино и Валговицы, например, было по 14 домниц, в них плавил болотную красную руду, а в деревне Пиллово из 71 человека 19 были кузнецами. В книгах названы все деревни того времени, имена (а часто и прозвища) хозяев дворов. Там записано, у кого какая пашня и чем должно платить хозяину налог: кто отдавал хлеб, кто — железные сковороды, а кто грузил и отправлял в Новгород целые возы «курвы» (не подумайте плохого, это по-русски корюшка)¹³. Мы зримо можем представить, чем занимались и как жили люди на этих землях полтысячелетия назад.

В 1617 году, когда по Столбовскому миру северо-западная часть русских земель временно отошла к Швеции, название «Водская земля» было забыто, а эта территория

получила название «Ингерманландия». К этому времени относятся шведские описи деревень и уникальные, большей частью не опубликованные, официальные документы из ингерманландского архива в Швеции.

Таковы некоторые письменные сведения об истории води. Но часто на страницах летописей и более ранних источников встречается и название «чудь». Первоначально этим именем славяне называли всех финно-угров, не различая еще отдельные племена. И лишь когда Русь начинала устанавливать с каким-либо племенем более тесные экономические и политические отношения, тогда и появлялось особое название. Как мы уже говорили, в Новгороде в XI–XIV веках названия «водь», «вожане» или «Водская земля» связываются с территорией Ижорского плато, а «водью» или «вожанами» в то время называли не народ, а всех жителей Водской земли (в это население, вероятно, входило и северо-восточное водское племя). Территория северо-западного племени, расположенная к западу от Котлов и Ополя, вплоть до реки Нарвы, не входила в состав Водской земли Великого Новгорода. Эта территория еще в XV веке носила название Чудь, а ее население, состоявшее из северо-западной води и ижоры, называлось «чудинцами». Это название оказалось очень живучим: по материалам первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года, среди жителей Ямбургского уезда указано 303 носителя чудского языка и лишь 36 — водского¹⁴. И даже сейчас многие жители уже обрусевших водских деревень вспоминают, что здесь раньше жили «чудьи», говорившие на «чудейском» языке.

Открытие води и водского языка для российского читателя принадлежит нарвскому пастору Фр.-Л. Трефурту, чье замечательное сообщение о «чуди» (т.е. води) с изображением женского костюма появилось в 1783 году. Трефурт описал целый ряд обычаев и верований води в деревне Каттила (Котлы), привел образцы водского языка¹⁵.

Впервые самоназвание води в форме «вадделазит» отмечено в рукописи литератора и историка Федора Туманского — любопытнейшем документе, написанном в конце XVIII века, после поездки его автора в 1790 году по Петербургской губернии¹⁶. В этом уникальном труде с поразительной наблюдательностью описаны финно-угорские народы губернии, их одежды и обычаи. К сожалению, рукопись была опубликована только в 1970 году.

В 1848 году академик П.И. Кёппен получил первые официальные данные о расселении и численности води. Им был составлен рукописный этнографический атлас Европейской России, а в 1852–1853 годах изданы комментарии к этнографической карте¹⁷. Согласно данным П.И. Кёппена, в середине XIX века численность води в 36 деревнях составляла 5148 человек. Перечислим селения, где проживала водь в то время¹⁸.

В Ораниенбаумском уезде было 1475 водских жителей: в дер. Гостила (Гостилово) — 293 чел., Куммола (Куммолово) — 11, Ииванайси (Ивановское) — 504, Климетина (Климотино) — 308, Маху (Подмошье) — 359 чел.

В Ямбургском уезде вожан насчитывалось 3673: в дер. Керстова (Керстово) — 368 чел., Ичяпйвя (Иципино) — 220, Каттила (Котлы) — 158, Суур-Ытса (Большой Конец — часть Котлов) — 110, Суур Рудья и Пээн Рудья (Большое и Малое Руддило-

во) — 171, Пуммала (Пумалицы) — 153, Раннала или Лемпола (Раннолово) — 114, Ундова (Ундово) — 104, Раси (Чухонская Россия) — 20, Вээртэва (Вердия) — 11, Пихлаала (Пиллово) — 442, Вэликкала (Великино) — 84, Понтизыы (Понделево) — 64, Муккова (Мукково) — 58, Мати (Маттия) — 90, Киккеритса (Кикерицы) — 38, Кырвыттула (Корветино) — 75, Саввоккала (Савикино) — 77, Ярвигойсчюля (Бабино) — 139, Коровайси (Караваево) — 3, Матаучио (Матовка) — 3, Тюттицы — 143, Липковицы — 126, Савиыя (Глинки) — 72, Ёыгыпэря (Краколье) — 300, Пээн-Валговитса (Малые Валговицы) — 104, Суур-Валговитса (Большие Валговицы) — 253, Казикко (Березняки) — 117, Рисумячи (Верхние Лужицы) — 52, Луудитса (Нижние Лужицы) — 74, Лиивчюля (Пески) — 134 человека¹⁹.

Позднее было обнаружено, что в некоторых случаях у П. Кёппена значились как водские деревни ижор и наоборот. Но в целом его сведения достоверны.

Все полученные П. Кёппеном сведения касаются так называемых восточно- и западно-водских племен. О судьбах южно-водского племени, предположительно обитавшего в районе Гдова, нет почти никаких сведений. В 1558 году во время Ливонской войны, после занятия русскими сыренецкого фогства, среди народов, присягнувших царю, упоминается и водь («баты», по-немецки «waten»)²⁰. И в 1815 году пастор К.И. Шлегель, проезжая из Нарвы в Псков, в нескольких десятках верст южнее Гдова, у деревни Замогилье, встретил «полуобрусевших финнов», хотя неизвестно, были ли они остатками южной воды²¹. По материалам П.И. Кёппена, воды в восточном Причудье в середине XIX века уже не было, хотя и в начале XX века в Гдовском уезде встречались православные крестьяне, говорившие на каком-то прибалтийско-финском языке, но не финском и не эстонском²². И до сих пор некоторые местные жители помнят древние водские обряды и отдельные водские слова.

В XIX веке численность водского народа быстро уменьшалась. В 1919 году в финской литературе сообщалось о 1000 «ватъялайсет» (так финны называли водь)²³. Перепись 1926 года зафиксировала 705 представителей воды²⁴. Судя по всему, и эти цифры занижены. По данным тех же лет, собранных лингвистом Дмитрием Цветковым, местным уроженцем, в прилужских деревнях воды было более тысячи человек, а в окрестностях Котлов — свыше 6200 чел. (в своих подсчетах он исходил из числа водских дворов)²⁵. Проводивший здесь в те же годы экспедиционную работу известный этнограф Дмитрий Золотарев отмечал, что водь живет в Кингисеппском уезде в деревнях Краколье, Пески, Нижние Лужицы, Понделево, Великино, Корветино, Маттия, Ундово, Савикино, Бабино, Малый Конец, Котлы, Пумалицы, Пиллово, Большая Россия, Иципино²⁶.

Сократилась численность воды и в 1930–1932 годах из-за принудительного переселения в связи с коллективизацией. По подсчетам эстонских ученых, в начале 1940-х годов вожан насчитывалось примерно 400 чел.

Огромные потери принесла Великая Отечественная война. В протоколе совещания немцев и финнов в Таллинне 4 ноября 1943 года отдельно обсуждался вопрос об эвакуации в Финляндию вместе с финнами и ижорами также 800 чел. воды. В этом же

месяце и началась эвакуация местных финно-язычных народов, сначала в Эстонию, в лагерь Клоога под г. Палдиски, а затем в Финляндию. После подписания соглашения о перемирии с Финляндией большая часть эвакуированной воды в 1944 году вернулась в СССР, но сразу же была, как и ижора и ингерманландские финны, принудительно выселена в Псковскую, Новгородскую, Калининскую и Великолуцкую области, затем в Карелию и Сибирь. Только в 1956 году выселенцам было разрешено вернуться в родные деревни.

Эти трагические страницы требуют специального изучения, как для установления исторической правды, так и как дань памяти почти исчезнувшему народу. Ведь в 1956 году было встречено лишь около 25 человек преклонного возраста, которые могли свободно говорить на водском языке. В переписи 1959 года вода не упоминается.

До 2002 года официально считалось, что вода уже не существует, но материалы последней всероссийской переписи отметили 76 представителей воды²⁷. Но только 11 чел. в исконных водских деревнях считают себя водой, а водский язык знают не более 30 чел. пожилого возраста.

И сегодня мы вынуждены признать, что история воды как необычного народа с уникальной культурой и древним языком может закончиться, если не предпринять значительные усилия по его сохранению²⁸. Эта потеря будет невозможна.

ВОДСКИЙ ЯЗЫК

Водский язык является одним из прибалтийско-финских языков и входит в их южную группу вместе с ливским и эстонским языками. Особенно близок ему северо-восточный диалект эстонского языка, и эстонские лингвисты полагают, что водский язык выделился из этого диалекта в начале I тысячелетия н.э., правда, археологи придерживаются иной точки зрения, отстаивая большую самостоятельность водского языка и культуры.

Первые сведения о водском языке появляются в XVIII веке. В книге «Сравнительные словари всех языков и наречий» знаменитого немецкого и российского ученого-энциклопедиста Петера Симона Палласа под переводами «по Чюхонски» приведены и слова «Варяжского и чудского» (водского) языка²⁹. Тогда же были собраны Ф. Туманским 499 слов «Чюдского языка» для краткого словаря, приложенного к его рукописи (1789–1790 гг.)³⁰. В дальнейшем, в XIX–XX веках, исследованиями водского языка занимались в основном финские и эстонские языковеды. Российские ученые мало обращали внимания на этот уникальный язык, лишь в 1927 году Я.Я. Ленсу сделал записи различных водских говоров³¹. И только с конца XX века водский язык стал объектом изучения петербургских и московских лингвистов.

Свой язык водь называет *маачезли* (*maaceeli* — язык земли), иногда и *ваддячезли* (*vađ'daceeli* — водский язык). При разговорах о водском языке вожане употребляют глагол *паята* (*pajata* — говорить), иногда уточняя — *паята маасси* (*pajata maassi* — говорить по-местному), в то время как для разговора по-ижорски используют совсем иной глагол *лягтя* (*lägätä* — говорить). Так, в Ыыгыпэря (Краколье), где живут и водь, и ижора, водские жители обычно говорили: *Herraa valta läkäs, a kunikvalta pajatti* — *Господские (т.е. ижоры) говорят, а царские (т.е. вожане) говорят*³².

Водский язык — понятие в известной мере условное, так как водские диалекты не слились в единый язык. Впервые разделение водского языка на диалекты было предложено финским лингвистом Л. Кеттуненом и основано исключительно на исторической фонетике³³. Выделяются кривинский, куровицкий, восточно-водский, западно-водский диалекты. Внутри последнего диалекта существуют говоры.

Из всех известных диалектов водского языка раньше всех вымер кривинский диалект, на котором когда-то говорили в Латвии. История этого населения удивительна. После походов в новгородские земли в 1444–1447 годах магистром Ордена меченосцев Хайденрайхом фон Овербергом часть води была уведена в плен в Курляндию для строительства Баусского замка. Пленные были расселены в окрестностях Бауска и Сунтажей. Потомки плененной води под именем *кривины* просуществовали в Латвии вплоть до начала XIX века. Их название происходит от латышского слова *kriews* — *русские*. Известный лингвист Ф.И. Видеман в 1871 году, посетив места, где в прошлом проживали кривины, обнаружил, что кривинский язык уже окончательно вымер³⁴. От него сохранилось только 108 предложений и отдельные слова, записанные в XVIII–XIX веках.

Здесь следует обратить внимание на далекие от лингвистики факты. Одежда кривинов носила ярко выраженный ижорский облик. А это, возможно, говорит о том, что кривины — потомки смешанного водско-ижорского населения нижнелужских деревень с характерными особенностями их диалекта. Ведь точно такие же особенности фонетики характерны и для куровицкого диалекта, распространенного только в одной деревне Куккузи (Куровицы), находящейся на реке Луге, что лингвисты объясняют влиянием ижорского языка.

Вообще вопрос о том, были ли жители дер. Куккузи (Куровицы) вожанами, до конца не разрешен. Ведь еще в середине XIX века П.И. Кёппен не упоминал Куккузи среди 32 водских деревень, хотя в начале XX века исследователь Дм. Цветков причислял Куккузи к водским деревням³⁵. При этом сами жители Куккузи себя водью не называли. Некоторые ученые считают, что куровицкий диалект обладает ижорскими чертами в большей степени, чем водскими³⁶. Другие авторы полагают, что куровицкий диалект вымер, вытесненный ижорским языком³⁷. Но дело обстоит сложнее: за полвека баланс водских и ижорских черт в этом диалекте не изменился, т.е. мы не видим «ижоризации» местного языка. Видимо, данный диалект изначально представляет собой контактный язык, возникший при равном взаимодействии водского и ижорского языка.

Отдельного грамматического описания уже исчезнувшего куровицкого диалекта нет, но составлен словарь³⁸.

Не существует ныне и восточно-водский диалект. Когда-то вожане, говорившие на нем, жили недалеко от Копорья в деревнях Гостила (Гостилово), Ииванайси (Ивановское), Клииметтина (Климотино), Маху (Подмошье) и Ичяпйявя (Иципино). В 1848 году их было 1695 чел. Но уже в 1913 году дети разговаривали на нем лишь в деревне Ичяпйявя (Иципино). И именно в этой деревне Фекла Васильева — последняя вожанка, говорившая на восточно-водском языке — сказала в 1963 г.: «В нашей деревне было много води. Все умерли. Теперь осталась только я одна»³⁹. В наши дни мы можем лишь читать тексты, записанные от нее⁴⁰, а потомки восточной води могут с трудом вспомнить лишь несколько слов этого исчезнувшего диалекта.

Все остальные говоры водского языка относятся к западному диалекту, хотя между ними есть большие различия. Этот диалект распадается на три группы: *мячи* (*mäsi* — горские деревни), *орко* (*orko* — долинные деревни), *вайпооли* (*vairooli* — нижнелужские деревни).

Больше всего из говоров *мячи* «повезло» котельскому говору: на его основе в середине XIX века финским лингвистом Аугустом Альквистом была составлена первая водская грамматика⁴¹. И столетие спустя знаменитый исследователь води академик Пауль Аристэ свое грамматическое описание основал также на котельском говоре, к тому времени уже почти вымершем⁴². Некоторые исследователи полагают, что именно говоры деревни Каттила (Котлы) и близлежащих деревень дают образцы самого «чистого» водского языка⁴³.

Во многих деревнях вожане жили вместе с ижорами или финнами. Со временем водский язык стал постепенно вытесняться финским в деревнях Вээртэвя (Вердия), Матаучио (Матовка), Киккеритса (Кикерицы), Раси (Рассия), и уже в начале XX в. никто там не говорил по-водски. В районе Каттила (Котлы) водский язык стал вытесняться русским. В 1926 году 75-летняя Александра Морозова из дер. Мати (Маттия), где еще в конце XIX века исследователи записывали одни из лучших водских песен, говорила: «В нашей деревне все старики и старухи — водь, а молодые женщины и молодые мужчины, и парни, и девушки, и маленькие дети не умеют говорить на своем языке и говорят по-русски. Они забыли свой язык»⁴⁴.

Ныне западный диалект распространен только в нижнем течении реки Луги, где в деревнях Йыгыпэря (Краколье) и Луудитса (Лужицы) проживают последние носители водского языка. До 22 декабря 1970 года административно существовала также деревня Пески, по-водски Лиивчюля, теперь вошедшая в состав Лужиц.

Тексты на кракольском говоре (сказка и четыре главы Евангелия), а также отрывок сказки на лужицком говоре были записаны еще в XIX веке⁴⁵. В начале XX столетия был написан, но лишь в 1995 году издан словарь кракольского говора, созданный вожанином Дмитрием Цветковым, родом из Йыгыпэря (Краколье), учившимся в Тартуском университете⁴⁶. В 1922 году он же написал на русском языке «Первую грамматику водского языка», надеясь, что этот труд «когда-нибудь окажет хоть небольшую услугу в де-

ле изучения и широкого освещения вопросов о народностях угро-финской группы». Эта книга была издана в Эстонии лишь в 2008 году⁴⁷.

В нижнелужских деревнях на водский язык значительно влияние оказал ижорский язык. Ведь во многие водские дома приходили невестки-ижорки с Сойкинского полуострова (они очень ценились за трудолюбие, выдержку и умение красиво петь). А в некоторых деревнях водь и ижора издавна жили совместно, как, например, в дер. Йыгыпэря (Краколье), которая даже состояла из двух частей: *kunigvalt* (*царские*), где жили ижоры, и *herrvalt* (*барские*), где проживали вожане.

Ижорский язык обрел письменность в период языкового строительства в начале 1930-х годов. Его стали преподавать в школах в течение непродолжительного времени — до 1937 года, когда все национальные школы в Ленинградской области были закрыты, а учителя репрессированы. В нижнелужских деревнях водских детей вместе с ижорскими в то время учили по-ижорски как на родном языке, так как в те годы уже многие вожане, говоря по-русски, называли себя ижорами.

К этому моменту в Йыгыпэря (Краколье) большинство жителей стали как минимум двуязычными, порой одинаково владея и ижорским, и водским языками. Но при общении води и ижоры использовался только ижорский язык. В начале XX века Д. Цветков писал, что, если в водскую семью приходила молодая жена ижорка, все члены семьи, включая самое старшее поколение, начинали говорить по-ижорски. Это в конечном итоге приводило к вытеснению водского языка ижорским.

Во время Второй мировой войны в 1943–1944 годах почти все местные жители были вывезены в Финляндию. После войны многие из них так и не смогли вернуться, многие жили в Эстонии. В послевоенное время в деревнях вожанам запрещали говорить на родном языке. Постепенно водский язык выходил из употребления. В настоящий момент водским языком в разной степени владеют не более двух десятков человек, а из них лишь 12 являются его активными носителями. И только в деревнях Краколье и Лужицы еще можно услышать уникальный древний водский язык.

Изучением водского языка в XX веке занимались в основном эстонские исследователи, и среди них великолепный знаток водского языка и культуры П. Аристэ. В результате был собран и почти полностью опубликован прекрасный словарь водского языка⁴⁸ и сборники текстов, записанных в латинской транскрипции⁴⁹. В последние десятилетия водский язык активно изучался петербургскими исследователями Н. Кирсановым (ныне работающим в Хельсинки) и М. Муслимовым, который детально исследовал языковую ситуацию в низовьях реки Луги⁵⁰. Он и группа энтузиастов Общества водской культуры дважды издали книгу сказок «*Vaðda kaazgad* — Водские сказки» — первую книгу для чтения на водском языке. В последние годы полевые исследования водского языка в деревнях Краколье и Лужицы проводили и московские лингвисты (Т.Б. Агранат, Е.Б. Маркус, Ф.И. Рожанский), написавшие большое количество статей и подготовившие к выпуску книги по водскому языку⁵¹.

Следует сказать несколько слов и о русском влиянии на водский язык. Историки подчеркивали, что водь всегда имела близкие связи с русскими и издавна была двуязы-

зычной. Но в конце XIX века лишь часть води знала русский язык (в основном мужчины). Он оказал значительно меньшее влияние на водский язык, чем можно было ожидать. Русские заимствования есть во многих пластах водской лексики, связанной с бытом и культурой, но они не затронули главную, происходящую от финского языка основы часть водских слов — термины, связанные с земледелием, домостроительством, названия домашних животных, орудий труда. Это говорит о том, что водская крестьянская культура имеет очень древние истоки и сформировалась до распространения русского влияния.

В деревенской жизни соседние народы всегда обращали внимание на особенности водского языка, особенно на наличие в нем непривычного для финнов и ижор звука ч (с). Не случайно, завидев вожанина, дети часто дразнили его: «Чялю, чяю черикко, челлоа ё люввя (Свояк, иди в церковь, колокол уже бьет)», или быстро произносили: «Чяю чюляа тагаа чюнтэмя!» (Иди позади деревни пахать!). Обыгрывали и водский звук õ, отдаленно напоминающий русский ы, и часто «если только попадетс я навстречу человек из Куровиц, непременно молодые начинают подкалывать: «Туллыз, меннез, такка панныз» (Пришел, пошел, назад положил)⁵².

Водская речь была живой и очень быстрой, что не раз подмечали исследователи. Не случайно у всех сразу находился ответ на водскую загадку: «Гудит-трещит за золотым замком» (язык)⁵³. А жители деревни Куровицы порой советовали друг другу: «Привяжи язык к уху, чтобы меньше болтал»⁵⁴.

ВЕРОВАНИЯ ВОДИ

Впервые о язычестве «ватландцев», т.е. води, мы узнаем из буллы папы Александра III к первому Упсальскому епископу Стефану, написанной между 1164 и 1189 годами. Язычники были очень опасными соседями, и 9 января 1230 года папа Григорий IX предписал архиепископам Упсальскому и Линчепинскому запретить всем прихожанам-христианам под угрозой отлучения от церкви возить к язычникам карельским, ингерским (или ижорским), лаппским и ватландским оружие, железо и деревянные изделия, чтобы в землях, лежащих близ Швеции, «вера Христова не была опять искоренена ее врагами»⁵⁵.

Уже через 25 лет в Риме появляется донесение о том, что идолопоклонники, обитающие в Ватландии, Ингрии и Карелии, хотят креститься, а часть их уже обращена в католицизм⁵⁶. И в 1255 году распоряжением папы Александра IV назначается специальный епископ в земли Ватландии, Ингрии и Карелии⁵⁷. Но епископальная миссия не была реализована в связи с отсутствием военных успехов датчан на землях к востоку от их сторожевого укрепления на реке Нарва. И епископ Карелии Фридрих фон Хасельдорф, назначенный на должность в 1268 году, так и не прибыл в свою епархию и вскоре стал епископом в Тарту.

После включения водских земель в состав новгородских владений, завершившегося к XIII веку, водь стала православной, а не католической. Но корни язычества долгое время были невероятно сильны. Через три столетия, в 1534 году, русский архиепископ Макарий уведомлял князя Ивана Васильевича, что в Водской пятине, «в Чюди и в Ъжоре, около Иваняграда, Ямы града, Корелы града, Копории града, Ладогои града, Орешка града, и по всему поморию Варяжского моря в Новъгородцкой земли, и по всем рекам поморским от немецкого рубежа Ливонской земли, от Наровы реки до Невы реки и от Невы реки до Сестрии реки», т.е. на протяжении «больши 1000 верст», существуют многие идолопоклоннические суеверия, что чудь, ижора и корела «обычая держахуся от древних прародителей» и имеются еще «скверные молбища идольские»⁵⁸.

В XVI веке, как это следует из церковных документов, в водских землях многие христиане не ходили в церкви, а молились «по скверным своим мольбищам». Объектами поклонения были «лес, и камень, и реки, и блата, и источники, и горы, и холми, и солнце, и месяц, и звезды, и езера», им приносились в жертву волы, овцы и птицы. Многие жили с женами своими без венчания, а к новорожденным до крещения в церкви призывали колдунов — «арбуев», которые и давали детям имена. Мертвых язычники клали по курганам и коломищам («коломище» — кладбище, от слова «калма» — мир мертвых у прибалтийско-финских народов). Женщина после замужества «стригла власы, а ризы (одежду. — О. К.), яко мертвеньи (белые) на главах и на рамах (плечах) носила». Великий князь приказал «прелесь ону искоренить», для чего был послан священник Илья с двумя боярскими сынами. Он разрушал мольбища, рубил и жег священные рощи и деревья, сбрасывал в воду священные камни, арбуев отправлял в Новгород для расправы⁵⁹.

Но эти меры не дали ожидавшегося результата. Через 14 лет, в 1548 году, с той же целью в эти земли был направлен священник Никифор с грамотой архиепископа Феофосия⁶⁰.

Следующая волна христианизации пришлась на XVII век. Столетнее шведское владычество сопровождалось мерами к насаждению лютеранства, особенно среди местного финноязычного населения — води и ижоры. Однако лютеранство не оказало значительного влияния на вожан, и после возвращения северо-западных земель России в начале XVIII века православие вновь стало официальной религией води.

И язычество, и христианство одновременно составляли важнейшую сторону водской жизни. Где-то они существовали в разных плоскостях, не случайно для обозначения православия существовал особый заимствованный от русских термин *виера* (*viera*), а для называния иного «колдовского» мира с его древними представлениями и практиками — *тайка* (*taika*). Глагол *ускоа* (*uskoa* — *веруть*) относился как к официальной церковной вере, так и к древним водским верованиям, но языческие «служения» имели в водском языке особое название — *палвыым* (*palvõõt*).

Языческие представления сохранялись у води до середины XX века, но они порой причудливо переплетались с христианством, особенно с культом святого Ильи, которо-

го водь считала своим особым защитником. Такие «сочетания» были очень устойчивы. В 1802 году лютеранский пастор Л.-А. Цетреус писал о существовании источника Ильи, обладавшего целебной водой, рядом с которым находился высокий дуб. Вблизи них в *Кунулё* (Иванов день) и в *Иилия* (Ильин день) устраивали ярмарки⁶¹. А через 150 лет в деревне Кырвыттула (Корветино) отмечали существование дуба Ильи и святого колодца *Кунулё*, где в уже упомянутые дни раньше устраивались «братчины» — большие праздники, на которых пили общинное пиво, угощались, пели и танцевали⁶². К этим местам в случае болезней и неудач приносили жертвы: деньги, гвозди, одежду, петухов, кости и головы овец.

Подобные жертвоприношения совершались и близ старых каменных крестов и развалин часовен в деревнях Ярвигойсчюля (Бабино), Пуммала (Пумалицы), Пихлаала (Пиллово), у «святых» исцеляющих ручьев у деревни Пихлаала (Пиллово) и на дороге, ведущей из деревни Ичяпйявя (Иципино) в Кабрио (Копорье).

Трудно отыскать среди северных народов другое население, сохранившее свои древние верования и обычаи вплоть до недавних дней. Еще в середине XX века водь по-прежнему поклонялась старым деревьям, камням, родникам и колодцам. Даже лет двадцать назад, приехав в водские деревни, можно было попасть в иной, таинственный и заповедный мир, где все было одушевлено. Вспоминаю, как в очередной экспедиции мы договорились со старушкой о мытье в ее бане. Три группы «экспедиционников» она пропустила, а затем встала в дверях и сказала строгим голосом: «Все! Теперь моется банник».

Домашние духи часто приближались к людям в виде змей, именно поэтому вожане всегда любили ужей и прикармливали их, выставляя на ночь за порог блюдца с молоком. Старые вожане еще в 1980-х годах говорили мне, что в лесу хозяйничает лесная мать, а каждый камень, дерево и цветок имеет своего духа, что духи живут в реках, ручьях и болотах. Чтобы защищаться от них, нужно знать сотни заговоров, чтобы примириться с ними, нужно приносить жертвы. Я сама еще 20 лет назад видела обряд приношения жертвы духу дома, когда старая водская женщина полила южную стену кровью только что убитого барана. «Это чтобы все в доме было хорошо, — говорила она. — Так делала и моя мать, и ее мать, и все тогда было хорошо».

Рассмотрим более внимательно отдельные стороны древних водских верований.

ДУХИ-«ХОЗЯЕВА»

От дохристианских верований у воды сохранилось множество представлений о добрых духах, оберегающих благополучие человека, и злых, вредящих ему. Существовали духи-«хозяева» дома и двора, риги и сауны, вод и лесов. Иногда их называли духами *алтиан*, или *алтыы* (*altian*, *altõ*), иногда — матерью *эмя* (*emä*) или отцом *ися* (*isä*), порой — бабушкой *акка* (*akka*) или дедом *укко* (*ukko*), реже — хозяином *изянтя* (*izäntä*) или хозяйкой *эмянтя* (*emäntä*), попом *панны* (*rappi*) или нежитью *макко* (*makko*).

Часто всех недобрых духов-хозяев называли общим словом «плохой» (в значении «черт») — *паха*, *пахалайн* или *пахапоол* (*paħa*, *paħalain*, *paħapool*).

До середины XX века сохранялась вера в то, что принесение жертв может умиловать этих «хозяев». Такое пожертвование духам имело особое название *выра* (*võra*), если же что-то дарили церкви, то это была *жертва* (*žertva*).

Духи дома и двора. Самыми доброжелательными были домовые духи — домовый *кото-алтия* (*koto-altia*), *переммээз* (*peremmeez*) или *домовикка* (*domovikka*) и хозяйка очага *тульчээ эмя* (*tulcee emä*), которая могла жить и в рижной печи. Этим духам приносила жертву молодая жена, впервые вошедшая в дом мужа, кидая сплетенный ею пояс в печь. И еще совсем недавно пожилые вожанки смазывали кровью убитых петухов и кур устье печи — это тоже была жертва домовым духам, хотя смысл этого магического действия уже был забыт и считалось, что это нужно для того, «чтобы побелка крепче держалась».

Дух дома мог появиться в виде мужчины, девушки с длинными волосами или кота. Когда что-нибудь беспокоило духа дома, он ходил по дому, скрипел половицами, тяжело вздыхал, а если что-то сердило, он мог не давать людям спать, гремя и разбрасывая предметы.

Во дворе всеми делами заправлял дух двора, иногда его называли *дворовикка* (*dvorovikka*). Он мог появляться похожим то на человека, то на муху. Обычно он оберегал хозяйство и животных, а особенно понравившейся корове расчесывал ночами шерсть, лошади — гриву. Но бывало, невзлюбив какую-либо скотину, он начинал мучить ее, сидел на ней верхом, свесив тонкие ноги, путал шерсть, не давал ей есть и спать⁶³.

Мать огня. Дух под именем *тулыы эмя* (*tulõõ emä* — *мать огня*) проживал в печи и мог иногда выходить оттуда в виде синего шара или огненного пояса, мечущегося по избе и гудящего, как шмелиное гнездо. Когда мать огня «гуляла» по дому, огонь в печи пропадал, а когда возвращалась обратно в печь, поленья вспыхивали с новой силой. Вернуть этот дух в печь можно было с помощью молитвы, закрыв двери и окна. Ничего вредоносного мать огня не делала, но если хозяйка дома была ленива и неопрятна, тогда *тулыы эмя* не давала дровам гореть, гасила пламя и много дымила. Нельзя было и затаптывать огонь ногами: дух огня мог сжечь дом. Если считали, что мать огня стала причиной болезни, то у нее просили выздоровления, бросая при этом в огонь жертву⁶⁴.

Духи риги. Часто в риге можно было увидеть мать риги *ригга эмя* (*riigaa emä*). Изредка она показывалась в виде женщины или кошки, но говорили, что дух риги мог появляться и в виде молодой длинноволосой девушки в белой одежде. И проходя темным вечером мимо риги, каждый слышал шум и шорохи от движений матери риги. А молодежь, танцующая там после обмолота зерна, все же старалась смеяться и разговаривать потише, иначе *ригга эмя* могла сжечь ригу. Дети боялись заходить в сумрачную огромную ригу в одиночку. И в окрестностях Каттила (Котлы) детей часто пугали, рас-

сказывая, что в риге живут *риигаа пиппи* (*riigaa pappi* — *рижский поп*) и *риигаа макко* (*riigaa takko* — *рижская нежить*), похожая на зверя с горящими, как уголь, глазами⁶⁵.

Духи бани. В бане был свой дух-хозяин. В восточных водских деревнях это была мать бани *тарры эмя* (*tarrõd emä*), в деревнях *орко* — банная нежить *саунаа макко* (*saunaa takko*). Дух бани следил за порядком. Его боялись, мылись только в три очереди (четвертым мылся сам банный дух). В баню не ходили после заката солнца, иначе дух бани мог рассердиться, затолкать виновника в печь или сильно сжать его мохнатой рукой⁶⁶.

Мать ветра. Вожане верили в то, что именно мать ветра *туулы эмя* (*tullõd emä*) раздувает сильные ветра⁶⁷.

Духи земли. Чем дальше жили духи от дома человека, тем они были опаснее. Во всех водских деревнях говорили о матери земли *маанэмя* (*maanemä*) и отце земли *мааньсия* (*maanisä*) как о плохой силе. И если человек шел вдоль дороги и внезапно падал, говорили, что его парализовала мать земли. В Йыгыпэря (Краколье) знали деда земли *маа укко* (*maa ukko*) и бабушку земли *маа акка* (*maa akka*). У хозяина и хозяйки земли *маа изянтя* (*maa izäntä*) и *маа эмянтя* (*maa emäntä*) больные могли просить выздоровления, принося «жертву» *выра* (*võra*) деньгами или гвоздями без шляпок, стоя на коленях и приговаривая при этом: «Хозяева земли, хозяйки земли! Вам чистая жертва, мне чистое здоровье!»⁶⁸. Порой считалось, что духи земли могут проживать в священных каменных кучах, которые также становились местом поклонения и принесения жертв. В Каттила (Котлы) полагали, что мать земли живет на кладбище. А в Кырвыттула (Корветино) верили, что мать и отец земли разгуливают по лесам, зазывая к себе детей⁶⁹.

Дух поля. Если случайно кто-либо в одиночку оставался косить или жать на поле в темноте, он мог увидеть и пробегающего через поле духа-хозяина *нурмылайн* (*nurtõlain*). Истории о нем ходили в деревнях окрестностей Каттила (Котлы), где издавна находились лучшие во всей округе поля⁷⁰.

Мать болота. Во многих водских деревнях верили, что мать болота *соо-эмя* (*soo-emä*) может творить и плохое, и хорошее. Она зазывала в болото лошадей. Она запутывала следы, и человек мог уйти неизвестно куда. Когда кто-либо оказывался недалеко от болота, *соо-эмя* начинала жалобно плакать, люди шли на плач и терялись. Все приписывали волшебству матери болота странный случай, произошедший с кузнецом из дер. Маху (Подмошье). Кузнец хотел просто перейти дорогу от кузницы к своему дому, а арестовали его, когда он стучал молотком в Новгородской губернии! Изредка *соо-эмя* показывалась на глаза, и увидевшие на всю жизнь запоминали ее длинные струящиеся волосы и тихий голос. Но мать болота не была воплощением одного лишь зла — у нее

можно было попросить здоровья. Для этого нужно было монетой или солью в тряпочке сильно потереть больное место и принести ей это как жертву⁷¹.

Духи леса. Духи леса тоже считались недобрыми существами. Они, плача навзрыд, завлекали людей в самые темные чащобы. Мать леса *мэттсэмя* (*mettsemä*), увидев детей, зазывала их: «Иди! Иди сюда!» — и уводила в свой лесной дом. Мать леса всегда запутывала следы, и часто люди и домашние животные в лесу начинали «кружить» и теряться. Как спастись в лесу людям, попавшим в «чертов след»? Можно было, покрестившись, снять все одежды и, вывернув наизнанку, надеть их: говорили, что это спасало многих. Можно было вспомнить заговоры заблудившегося в лесу. Если и это не помогало, то оставалось надеяться на то, что родные обратятся за помощью к колдунам: только они умели «поворачивать следы» и находить заблудившихся людей. Искали колдуны и потерянную в лесу скотину, для этого следовало лесному духу оставить что-либо в подарок, например узду⁷².

Вожане полагали, что в лесу живут и *найз-элэйя* (*naiz-eläjä* — женское существо), и *мэез-элэйя* (*meez-eläjä* — мужское существо). Все знали, что если менее злой *мэез-элэйя* мог и отпустить ребенка, то *найз-элэйя* всегда забирала его к себе. Есть у води в деревнях *мячи* упоминания и о лешем *меччяляйн* (*meccäläin*)⁷³.

Духи воды. Самыми грозными, опасными и непредсказуемыми были водяные хозяева. Мать воды *вээ-эмя* (*vee-emä*) поднимала воду, закручивала водовороты на реках, озерах и море. Вожане знали, что когда в Петербурге начиналось наводнение, то виновником страшных волн был не ветер, а мать воды, которой не нравился шумный и грязный город.

В деревнях Луудитса (Лужицы) и Лиивчюля (Пески) рассказывали и о водяной старухе *вэсиэммя* (*vesiämmä*), которая жила и в море, и в колодцах. В шторм она опрокидывала в море лодки и могла утопить рыбаков, если они поминали черта или ругались. Чтобы успокоить водяную старуху, нужно было ей бросить в воду маленький камень как жертву. Часто матери пугали детей водяной старухой, чтобы они не заходили в воду⁷⁴.

Хозяином воды мог быть дух как мужского, так и женского рода. Например, в озере Сювяярв (Глубокое) жил «отец озера» *ярвиися* (*järviisä*), который топил в озере женщин, а в озере Ярвигойсьярв (оз. Бабинское) — «мать озера» *ярвиэмя* (*järviemä*), топившая мужчин. Говорили, что мать озера обычно живет в глубоком омуте, и лишь когда ей хочется погубить мужчину или парня, она встает из озера в своих тонких одеждах, нежных, как шелк.

Жители восточных водских деревень знали и мать реки *йыггыы эмя* (*jöggöõ emä*). Часто она сидела на речных камнях, расчесывая длинные волосы, но, завидев людей, скрывалась в воде. Водяных духов *вэси алтыы* (*vesi altõõ*) можно было увидеть собственными глазами и на родниках, но если подойти к ним поближе, они исчезали.

Старые женщины до недавних дней знали места, где следует принести дары водяным духам. Таким местом на реке Кямуше был крутой поворот ее русла, куда бросали

жертву *выра*, говоря при этом: «Жертва тебе, а здоровье мне» (*võra sillõ, terveyz millõ*). Иногда, как в дер. Пуммала (Пумалицы), водяным духам приносили и общую деревенскую жертву *чюляа лахья* (*cylää lahja* — подарок деревни). Для этого всей деревней покупали барана, резали его и приносили в жертву на пастбище, где были выходы подземных вод и часто тонули «в грязи» лошади, коровы и овцы. Барана при этом опускали прямо в родник. Затем все разрушали кротовые «кучи», возвращались в деревню и устраивали праздник⁷⁵.

«ЛЕММЮЗ»

Во всех водских деревнях знали о существовании существа *леммюз*, или *леммуз* (*lemmyz, lemmuz*). В западно-водских деревнях *вайпооли* его иногда называли *пáра* (*para*), как соседние ижоры и финны. Вожане говорили, что раз в три года петух сносит особое крупное яйцо. Если его разбить, то внутри окажется что-то темное, похожее на лягушачью икру. А если его положить под курицу, то из него вылупится летучая огненная змея, похожая на извивающуюся ленту или на огненный клубок с длинным и тонким, как нитка, золотым хвостом. Некоторые вожане видели, что на конце хвоста *леммюза* была как бы ложка или черпак. И эта змея будет приносить хозяйке в дом все, что та захочет — молоко, масло, зерно и прочие богатства, забирая все это тайком у соседей. *Леммюз* мог увеличить урожай, срезав горсти колосьев с чужого поля, и подоить ночью чужую корову, чтобы «унести» к своей хозяйке в дом надои.

Летал *леммюз* лишь по ночам, и защититься от него можно было, только осеня каждый вечер крестным знаменем горшки с маслом и молоком, мешки с зерном, кадки с припасами. *Леммюза* надо было кормить, для чего его хозяйка оставляла ему во дворе кашу. Если он еду не получал, то мог рассердиться, сжечь дом и улететь.

Служил *леммюз* своей хозяйке три года, а после этого нужно было от него непременно избавиться, иначе он сжигал хозяйский дом и двор. Чтобы прогнать *леммюза* прочь, ему давали невыполнимую работу: «Иди на берег моря! Сделай, сплети из песка веревку!»⁷⁶.

ВИДЕНИЯ, ПРИЗРАКИ И МОГИЛЬНЫЕ ДУХИ

Близки духам были видения и призраки, по-водски — *куммитуз* (*kummituz*). То они принимали форму железных ворот на горе, указывая, где «шведы» закопали свои богатства еще во времена русско-шведских войн. То они появлялись в виде черного барана, при ударе рассыпавшего из своей шкуры клад монет. А то возникали, как пожар без огня, предвещая скорую смерть хозяев и настоящий пожар⁷⁷.

Но самыми страшными призраками были выходцы с того света *хаамо* (*haamo*). Вожане полагали, что мертвецы еще некоторое время могут ходить. Не успокоившись в могилах, домой приходили колдуны, сектанты и просто плохие люди. Могли придти

те, кто умер внезапной смертью, кто был погребен без отпевания или чьи близкие совершили что-то неправильное с человеком еще при его жизни или во время похорон. *Хаамо* могли мучить людей, изводить их шумом, воем и болезнями⁷⁸.

Если умерший человек не нашел покоя на кладбище, но остался там, он превращался в могильного духа *калмолайн*, *калмоникка* или *тонтти* (*kalmolain*, *kalmonikka*, *tontti*). Он появлялся в виде женщины либо мужчины в белых одеждах или как огненный столб. *Калмолайн* пугал проходящих мимо кладбища людей, хватал их и мог причинить вред⁷⁹.

ПОКЛОНЕНИЕ КАМНЯМ, ДЕРЕВЬЯМ И ИСТОЧНИКАМ

Первые упоминания древнего культа поклонения камням, деревьям и источникам у воды восходят еще к первой половине XVI века: «Молятца деи по скверным своим молбищом древесом и каменью», «суть же скверные молбища их лес, и камене, и реки, и блата, источники <...>, и чтяху и жертву жертву приношаху кровную бесом, волы и овцы, и всяк скот и птицы»⁸⁰.

Следы поклонения камням и деревьям сохранялись до середины XX века. Так, в Мати (Маттия) на краю деревни находилась каменная куча, называемая по-водски *чивирьукко* (*civirõukko*). К ней жители деревни, которые долго болели и никак не могли поправиться или у которых произошло несчастье, издавна приносили жертву *выра* (*võra*) — полотенца, ленты, крестики, металлические деньги и соль, завернутую в чистую тряпочку, потеряв ими предварительно больное место. Вблизи каменной кучи нельзя было ругаться и сквернословить — боялись живущих в куче духов, которые могли отомстить за оскорбление. Рассказывали, как однажды один хозяин пнул камни ногой и выругался, и в ту же ночь с ним случился удар. Тогда одумавшийся крестьянин принес к куче жертву в виде чистой одежды и долго просил у кучи прощения и выздоровления. Проходя мимо этой кучи днем, следовало бросать на нее деньги («иначе заболеешь») и креститься. Когда несчастье было велико, к куче приходили ночью тайком, чтобы никто не видел. И если приносимая жертва была значительна, то на ветку росшей рядом рябины повязывали полотенце или платок. В давнее время жители деревни построили рядом с каменной кучей часовню (ныне не существующую), куда в день Св. Георгия, по-водски *Юрчи*, приезжал священник из Каттила (Котлы) проводить службу⁸¹.

Такая же каменная куча с кустом орешника на ней была и в дер. Кырвыттула (Корветино). Заболевшие приносили куче жертву: кто деньги, кто гвозди без шляпки, если болела голова — ленту. Кланялись на коленях и просили возврата здоровья⁸². По воспоминаниям старожилов, такие каменные кучи раньше были почти в каждой деревне.

Проводили языческие обряды *палвыыт* и у деревьев. Во многих деревнях в случае болезни резали телянку или овцу, мясо жарили, а голову «бросали в кусты богу». В дер. Кырвыттула (Корветино) языческие «моления» устраивали у большого старого

дерева. По материалам XX века известно о большой старой березе Ильи в деревне Яр-вигойсчюля (Бабино), куда ходили поклоняться. В случае болезни у корней березы ночью, чтобы никто не видел, клали копейку, а раз в году приносили «большую» жертву — резали петуха⁸³.

Особое отношение было и к родникам, ведь они были домом некоторых духов воды. И вблизи них также нужно было соблюдать строгие правила: не ругаться, не сквернословить и приносить жертвы. В противном случае нарушителя ждали болезни и несчастья⁸⁴. Именно в полевой родник жители дер. Пуммала (Пумалицы) опускали общую деревенскую жертву *чюля лахья*⁸⁵.

КОЛДУНЫ, ВЕДЬМЫ И «ЗНАЮЩИЕ»

У води вера в существование неких повседневно действующих сверхъестественных сил составляла одну из главных тайных сторон жизни. Прочную связь с этими силами могли поддерживать колдуны. Еще по сведениям XVI века мы знаем водских «арбуев» — жрецов и предсказателей. В XVIII веке отмечалось, что вожане «при всем том имеют великую доверенность к колдунам, что у них *найта* зовутся; уверяют, что они великие знатоки в происшествиях естественных, разных очарованиях и целительной силе растений»⁸⁶. А в XX веке обращение к «знающим» *тээтэйя* (*täätäjä*) было нормой деревенской жизни.

Порой колдунов различали между собой: *арпули*, *арпуйя* или *арпоникка* (*arpuli*, *arpuja*, *arponikka*) чаще всего ворожили и гадали, *лукыйя* (*lukõja*) читали заговоры и магические заклинания, «знающие» *тээтэйя* (*täätäjä*) были знахарями и предсказателями погоды, *ныйта* или *нэддя* (*nõita*, *ned'd'ä*) использовали колдовские обряды и лечили людей и животных.

Часто колдунами были люди не водского происхождения, жившие в водских или соседних деревнях — ижоры, эстонцы или русские.

Отношение к колдунам и знающим было двояким, ведь они могли творить и добро, и зло. К ним обращались в случае длительной непонятной болезни, кожных нарывов, грыжи, эпилепсии, ударах. Они помогали при сложных родах и лечили детские болезни — «кричальные» грыжи, золотуху и «щетинку». Они заговорами могли остановить кровотечения и снять последствия укусов змей. Только они умели «поворачивать следы» и находить потерявшихся людей и заблудившуюся в лесах и болотах скотину. Колдуны могли предсказывать будущее и толковать увиденное другими. Они помогали и в «любовных делах», указывая, с помощью каких действий, заговоров и магических трав добиться любви избранника.

Вместе с тем это колдовство могло приносить разорение и беды. После их вмешательства враг мог «окриветь», «засохнуть», его мог разбить паралич. После их колдовских действий мог погибнуть урожай или перестать доиться коровы. Особенно часто ведьмы «вредили» на свадьбах, «разбивая» молодые семьи так, что они начинали

ссориться и плохо жить. Ходили в водских деревнях страшные истории про то, как злые колдуны превращали молодых в камни или в волков. Могли они загонять скотину в лес, только за деньги возвращая ее хозяину, могли и свести с ума человека, напоив его волшебным зельем.

Некоторых колдунов все знали в лицо. Другие, «ведьмы» (их тоже называли *нйй-та* или *нойто*), скрывали свои занятия, и лишь в определенные дни можно было увидеть их и понять, кто из соседок — настоящая ведьма. Так, только в канун *Куполё* (Иванова дня) можно было увидеть ведьму и расправиться с ней. Ведьмы в этот вечер появлялись у чужих хлебов или на ржаных полях в виде огромных лягушек или зайцев. И здесь уже не было места доброте: нужно было ударить ведьму палкой, тогда она превращалась в человека, и всем становилось ясно, кто крадет молоко и хлеб с поля. А узнав ведьму, нужно было обезвредить ее — ударить по носу так, чтобы пошла кровь, иначе ведьма отомстила бы и у ее обидчика могла засохнуть рука или нога.

Умирили ведьмы и колдуны долго и мучительно. И лишь передача своих магических знаний — «колдовской силы» или «своих мальчиков» — смогла ускорить их отход. Рассказывали, что когда умирает ведьма, то ломаются потолочные балки, а на заборе ее дома кричат и прыгают черные сороки⁸⁷.

ЗАГОВОРЫ И МАГИЧЕСКИЕ ОБРЯДЫ

Заговоры были основой каждодневной лечебной практики вожан. Надеясь на быстрое выздоровление, заговор *луку* (*luku*) «читали» еще до прихода к «знающим» и колдунам. Если вздувался нарыв, то лучше всего было взять девять сучков, зажать их пальцами и «заговорить» нарыв. А если человек получал вывих, то следовало взяться за угол дома, трижды перенесенного с места на место, и произнести особый заговор. Каждый вожанин, направляясь в лес, вспоминал и заговор от укуса змеи. Знали вожане заговоры от мучительной зубной боли и внезапного «удара», от рези в животе и бородавочек, от грыжи и «ночного плача» младенцев. Был заговор и просто от всякой боли.

Заговором можно было предотвратить беду, накликанную сорокой или кукушкой, и вылечить от испуга, помочь женщине при родах и корове при отеле. Были заговоры, которые произносили молодому месяцу и последнему снопу ржи на поле. С помощью заговора и принесения жертв просили выздоровления у духов-«хозяев», священных деревьев, «святых» родников и языческих каменных куч.

Одно из самых важных мест в верованиях води занимали магические обряды. Они каждодневно помогали выживать, ими защищали свою жизнь и жизнь близких, они давали надежду на возможность лучшего. Разными были их цели и разными сами действия. И этот размах от простых движений одного человека до сложных многочасовых общинных празднеств невозможно описать в кратком очерке.

Одним из главных и в то же время простых магических средств было использование ножа. Перед грозой хозяйка в дверных и оконных проемах делала ножом взмахи

в виде креста; при нарыве ножом обводили вокруг больного места и плевали на нож. Волшебной силой обладало и число «девять». Поэтому при болезни коровы под ней девятью ножами, собранными в деревне, делали девять крестов или поили корову отверстием из листьев с девяти деревьев⁸⁸.

Были «личные» обряды, которые совершались тайно и в одиночку. Они усиливали привлекательность женщины, увеличивали урожай на поле и надой молока, защищали от «сглазу» и всего вредоносного, что постоянно вторгалось в жизнь.

Были семейные магические обряды, чаще всего вызывающие плодородие. Например, для лучшего урожая льна его следовало сеять мужчине без штанов, а женщине — без сарафана. А для защиты от заморозков хозяева в праздник Крещения, по-водски *Вээриссээ* (*veerissee*), на дворе кормили горохом «мороз».

Проводились и общедеревенские обряды, как «договор» с хозяйкой озера в дер. Ярвигойсчюля (Бабино) в Ильин день⁸⁹ или уже упомянутый праздник принесения деревенской жертвы *чюляа лахья* в дер. Пуммала (Пумалицы)⁹⁰.

Вожане верили и в силу проклятий. И особенно сильны и страшны по последствиям были проклятия матери. Немало в водских деревнях ходило рассказов о том, как из-за таких проклятий пропадали лошади, люди могли заблудиться в лесу или получить «червяков в тело»⁹¹.

ДЕТСКИЕ СТРАХИ

Особую, почти неизвестную часть мира водских верований составляют детские страхи. Возможно, за этими явными или странными существами, которыми пугали детей, стоят какие-то реликты древнейших представлений воды о мире, древних боже-ствах и забытых духах, о силах, которые сплетают человека и окружающий мир в единое целое.

Чаще всего вожане пугали непослушных детей цыганами, грозя тем, что цыган *мусталайн* (*mustalain*) увезет их в своей кибитке. Также страшны детям были старики с длинной бородой и медведи. Боялись дети «банного попа» *саунаа пиппи* (*saunaa pappi*) с его длинными волосами, черными руками и горящими, как у кота, глазами, и «банную нечисть» *саунаа макко* (*sauna makko*) с хватающими мохнатыми руками.

Пугали детей и страшным жителем колодца — «колодезным попом» *кайвуо пиппи* (*kaivuo pappi*), таскающим детей на самое дно. И когда дети набирались смелости и заглядывали в черную глубину сруба, в небольшом круге колышущейся воды они, к своему ужасу, действительно видели чье-то бесформенное лицо.

Мир вне родного и теплого дома был наполнен пугающими существами, и каждый ребенок в водской деревне знал, что в воде живет загадочный и страшный *мёмё* (*mömö*), в риге — ужасная «рижная нечисть» *ригаа макко* (*rigaa makko*), а в море — жуткая водяная старуха *вэсиэммя* (*vesiämmä*)⁹².

ВОДСКИЙ ФОЛЬКЛОР

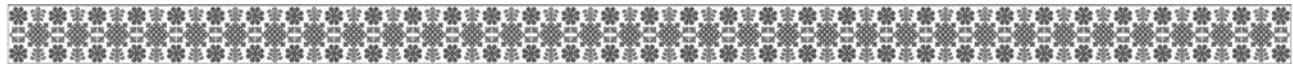
Много чрезвычайно интересного и непознанного можно найти в водском фольклоре. Это и множество сказок с их неперенным миром волшебства и странных ситуаций. Это и «страшные» предания с их ходячими покойниками, таинственными подземными ходами и скрытыми кладами. Это и рассказы «о жизни», где правда так плотно сплетается с вымыслом, что можно потерять голову от этого пограничья «бывшего» и «нереального». Это и шуточные истории, где все в жизни начинает казаться незначимым и легким. Это и детские игры, с их радостно-наивным четким восприятием жизни.

О древней эпической поэзии воды данных очень мало, но в течение более чем столетия удалось записать немало водских свадебных и лирических песен. Первые записи народных песен воды были сделаны еще в XVIII веке⁹³, но только в середине XIX века финские фольклористы открыли на этих землях поистине клад песенной культуры. В декабре 1844 года Элиас Лённрот, всемирно известный собиратель фольклора и составитель «Калевалы», остановившись у знакомого пастора в селении Каттила (Котлы), только от одной «водской бабы» Анны Ивановой узнал 29 свадебных песен (2300 стихов), которые, по его словам, «отличались самобытностью». Любопытно, что именно эта народная певица пела водские песни и академику А. Шёгрену, и профессору Г. Рейну, и венгерскому путешественнику Регули, которые также посетили окрестности Котлов. И, возможно, именно талант и яркость исполнения одной простой вожанки привлекли внимание мировой науки к водскому фольклору.

Вожане вплоть до середины XX века помнили старинные свадебные и календарные обрядовые песни. Пожилые женщины могли, вспоминая пасхальные праздники, запеть качельные песни, а затем, рассказывая о своих детях, запеть колыбельные и другие детские песни и кумулятивные руны. Даже в 1970-е годы жительницы низовьев Луги Евдокия Фигурова (1891–1978) из дер. Межняки, Евдокия Трофимова (1908–1981) из дер. Лужицы, Наталья Лукина (1898–1977) из дер. Краколье и другие могли исполнить древние эпические песни и баллады, причитания и заклинания. Долго сохранялись и очень архаичные мелодии, причем особой древностью отличались свадебные напевы.

У воды (впрочем, как и у каждого народа) воплощением многовековой народной мудрости и личного опыта были поговорки и пословицы⁹⁴. Они не только вносили в повседневную речь яркие всплески неожиданных сравнений, они порой меняли течение разговора и даже отношение людей к поступкам и действиям. «Острое слово — как плетка для коня и как топор для бревна», — сказала мне народная певица и знаток водской жизни Оудекки Фигурова в 1976 году⁹⁵. Была в них не только сиюминутная острота ума, но и определенная система ценностей, неназойливо учащая каждого, что есть истинное добро и зло, где нужно «жить по совести, чтобы не было стыдно перед Богом и людьми», а где — «по разуму, чтобы и самому не загнуться»⁹⁶.

Особое место в фольклоре води занимали предания, значительное число которых удалось собрать эстонскому академику П. Аристэ⁹⁷. В них почти все сюжеты теснейшим образом были связаны с древними верованиями води, которые описаны выше. Только зная особенности архаичной водской веры, можно понять глубокий смысл и значение преданий, рассказанных жителями водских деревень.

Во многих деревнях води рассказывали о богатырях и силачах. Особенно часты были такие предания в окрестностях Кабрио (Копорье), где до сих пор стоит средневековая крепость XIII века, перестроенная на рубеже XV–XVI веков. Это мощное каменное сооружение, возведенное на скальном уступе у самой границы древней Водской земли, издавна будоражило сознание жителей ближних деревень своими высокими башнями и могучими стенами, поддерживая народную память о силе людей, создавших Копорскую крепость.

По всем водским деревням ходили предания о «чудесных» местах, «святых» камнях, источниках и деревьях — древних языческих местах поклонения. К ним вплоть до середины XX века приходили молить о здоровье и удаче, принося дары.

В каждой водской деревне передавались рассказы о колдунах и «знающих», к которым обращались в случае болезни и потери скот, о ведьмах, наводящих порчу на людей и животных.

Особенно часто можно было услышать у вожан истории о домашних духах. Весь «ближний» мир находился в их власти, а бесконечные истории о «хозяевах» дома, хлева и бани поддерживали нормы поведения людей внутри деревни. Повсеместно ходили рассказы о враждебных духах леса и болота, но особенно страшными были предания о водяных духах.

У води, как и у других народов, значительное место в повседневной и праздничной жизни занимали сказки. Первые записи сказок были сделаны финскими учеными еще в середине XIX века и опубликованы в знаменитой «Водской грамматике» А. Альквиста⁹⁸ и «Заметках о водском языке» О.А.Ф. Мустонена⁹⁹. Усилился интерес к водским сказкам и в 1920–1930-е годы, когда в Финляндии появились печатные труды Э.Н. Сэтэля¹⁰⁰, Л. Кеттунена и Л. Пости¹⁰¹. В это время водские сказки записывал исследователь водского языка и культуры Дм. Цветков из Тартусского университета и российский лингвист Я.Я Ленсу¹⁰².

В 1942 году к изучению водского фольклора приступил замечательный эстонский исследователь, лучший специалист по традиционной культуре и языку води Пауль Аристэ. За свою долгую научную жизнь он собрал и опубликовал бесценные записи водского фольклора и среди них множество сказок¹⁰³. Говоря о публикациях водского сказочного фольклора, следует вспомнить и работу Ю. Мягистэ¹⁰⁴, и издание венгерского исследователя Л. Сабо, включившее в себя сказки из дер. Мати (Маттия)¹⁰⁵.

Водские сказки отличались поразительным разнообразием, хотя их главные сюжеты чаще всего были «международными» и имели хождение по всей Европе¹⁰⁶. Ведь в сказках любого народа много общих сюжетов и мотивов. Некоторые водские сказки были особенно схожи с русскими, другие — с ижорскими и финскими. По общепринятой классификации, водские сказки подразделяются на сказки о животных, бытовые

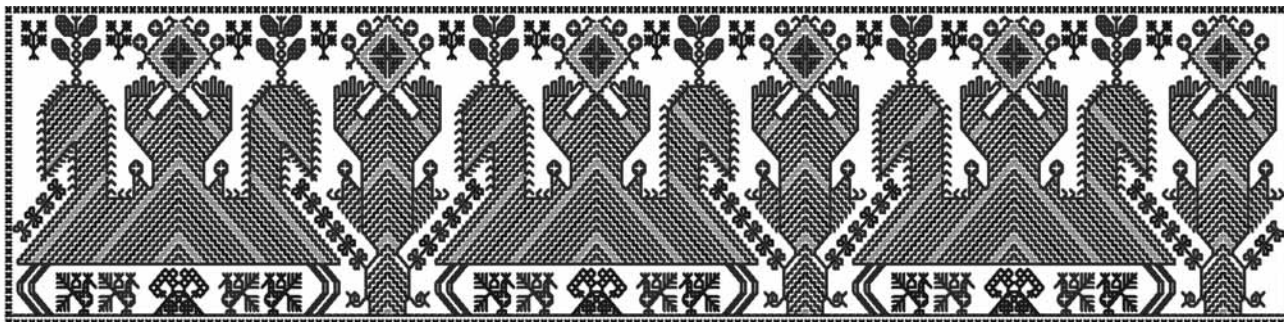
сказки, авантюрно-новеллистические сказки, сатирические сказки, сказки-анекдоты и волшебные сказки. Разными были и слушатели: простые сказки-притчи о животных и деревьях рассказывали детям, а «страшные» истории и веселые «бытовые» сказки звучали во время вечерних посиделок молодежи. Ведь уже с *Покрова* начинались такие посиделки — *беэсэдад* (*beesedad* — *беседы*). У какого-либо хозяина в деревне на всю зиму для вечерних сборов за пару рублей снимали дом, который называли *иссутало* (*issutalo* — *дом для посиделок*). И там все темные вечера вплоть до Масленицы-*Чихлаго* сходилась деревенская молодежь для труда и радости. Девушки пряли и вышивали, парни смеялись и мешали работать. Песни сменялись танцами, шумные игры прерывались потаенными беседами в темных углах, звуки гармоной и балалаек перемежались рассказыванием страшных историй, преданий и сказок.

В этой книге мы представляем разные виды водских сказок, чтобы читатели смогли представить себе все их разнообразие. Значительная часть издаваемых водских сказок имеет очень древнее происхождение. Ведь считается, что сказки о животных были изначально связаны с тотемизмом — с древними представлениями о сверхъестественном родстве между определенными группами людей и так называемыми тотемами — животными и растениями. И волшебные сказки часто отражают ушедшие архаичные мифы. Но собственно сказка возникает уже тогда, когда она отделяется от древних верований и становится занимательной выдумкой. Ведь сказка не выдается за действительность, и именно «придуманность» придает ей небывалую привлекательность: «В сказках-небылицах действительность нарочито выворочена наизнанку, и в этом вся их прелесть для народа»¹⁰⁷.

В этой книге мы предприняли попытку прикоснуться к малоизвестной духовной культуре воды. Еще много удивительного и необычного предстоит познать каждому, кто станет осторожно и бережно входить в мир таинственного и почти исчезнувшего водского фольклора.

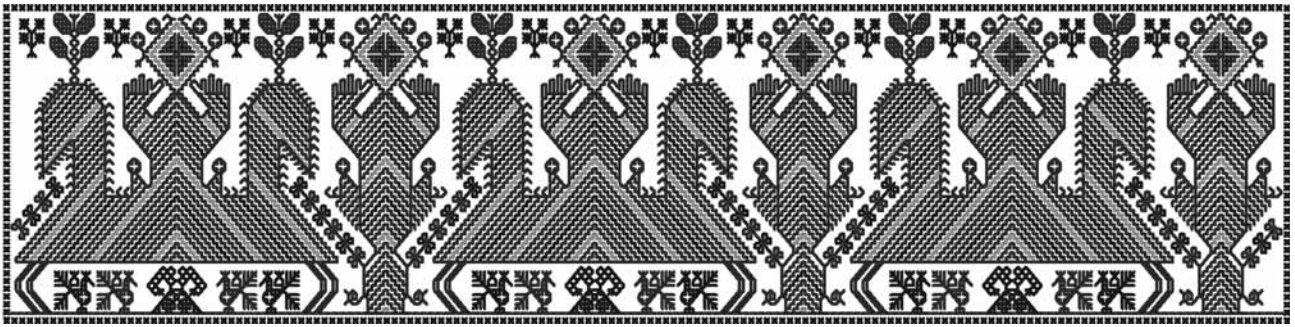
О.И. Конькова

VAD'D'AA RAHVAA JUTUD

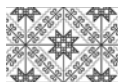
ПРЕДАНИЯ ВОДСКОГО НАРОДА

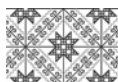

Bohattõrid ja voimakkaad mehed

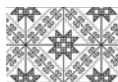
Õõn kuullu, što bohattõrid tapõltii. Õõliko se tõtta? Bohattõrid tappõlivad – Jumala õõli antannu võõimaa. Cut' ko õõlõn kuullu, što suurõd cived on bohattõri viskonud¹⁰⁸.

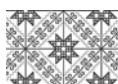
Cen õõli Kolokaa bohattõri? Kolokaa bohattõri õõli, õõlõn kuullu. Cen tõmõ õõli, en tõõ. Ain pajatõttii: niku Kolokaa bohattõri, suuri ja varma¹⁰⁹.

Tullaa jutõllaa: «Se on suur ja varma niku Kolokaa bohattari!». Mejjee õõmmõd jutõltii. Sitõ en tõõ, cen õõli Kolokaa bohattari. Meill õõli õõjjõ suur, mie en nõõhny moko-maa meessõ , taataa taatt. Siz jutõltii: Garasimaa Jaakko niku Kolokaa bohattari¹¹⁰.

Mahuvõõ nurmõõlla on tooõõ kaõsi civviõ. Evõd õõlõ nii suurõd. Tooõõ sveedaa aigassa. Õõli bohattari, tahtõ neillõ civilõõillõ kreipostia murtaa. Yhs õõli yõhee kainnalla, i tõõnõ õõli tõõzõõ kainnalla. Eb mennyg kreipostiissaag, i jõõtti civiit sinneg¹¹¹.

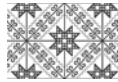
Savvokkalaza õõli Sava geroi. El yhs meez bohattari. Tõmõ tooõ õõli cylõz. Tõmõ kooli. Tõmmõõ nimmeõ põõõlee annõttii Savvacylõ. Perrõõ nõõstii kuttsumaa Safkina¹¹².

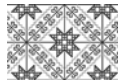

Богатыри и силачи

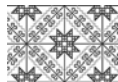
Слышала, что богатыри сражались. Была ли это правда? Богатыри сражались – Бог дал силу. Немного слышала, что большие камни богатырь бросил.

Кто был Головкинский богатырь? Головкинский богатырь был, я слышал. Кто он был, не знаю. Все говорили: словно Головкинский богатырь, большой и здоровый.

Приходят, говорят: он большой и здоровый как Головкинский богатырь. Наши бабушки говорили. Не знаю, кто был Головкинский богатырь. У нас был дедушка большой, я не видела такого мужчины, папа папы. Тогда говорили: Яков Герасимов – словно Головкинский богатырь.

В Подмошье на поле тоже есть два камня. Они не такие большие. Тоже от шведского времени. Был богатырь, хотел этими камнями крепость разрушить. Один был в одной подмышке, и другой был в другой подмышке. Не дошел до крепости, и оставил камни там.

В Савикино был Сава-герой. Был один мужик-богатырь. Он тоже был в деревне. Он умер. Его имя дали деревне Савачюля. После стали звать Савкино.

Lari däädä! Sitä pellättii kõikii. Se ku meni Narvaa õpõzõõ koormaakaa, aili koormaakaa, a siäl vakurat tultii kõik fabricnoid kottoo vassaa. Siäl neitä õli nellä õvõssa. Lari dääd, ku meni, võtti õpõzõõ, viskaz ääree, tõizõõ õpõzõõ - tõisõõ ääree: «Tulkaa peräz!» Siz perää nõistii täätämää: ku Lari däädä tuõb, ep tõhittu mennä.

Ni voimakaz õli? Voimakaz õli!¹¹³

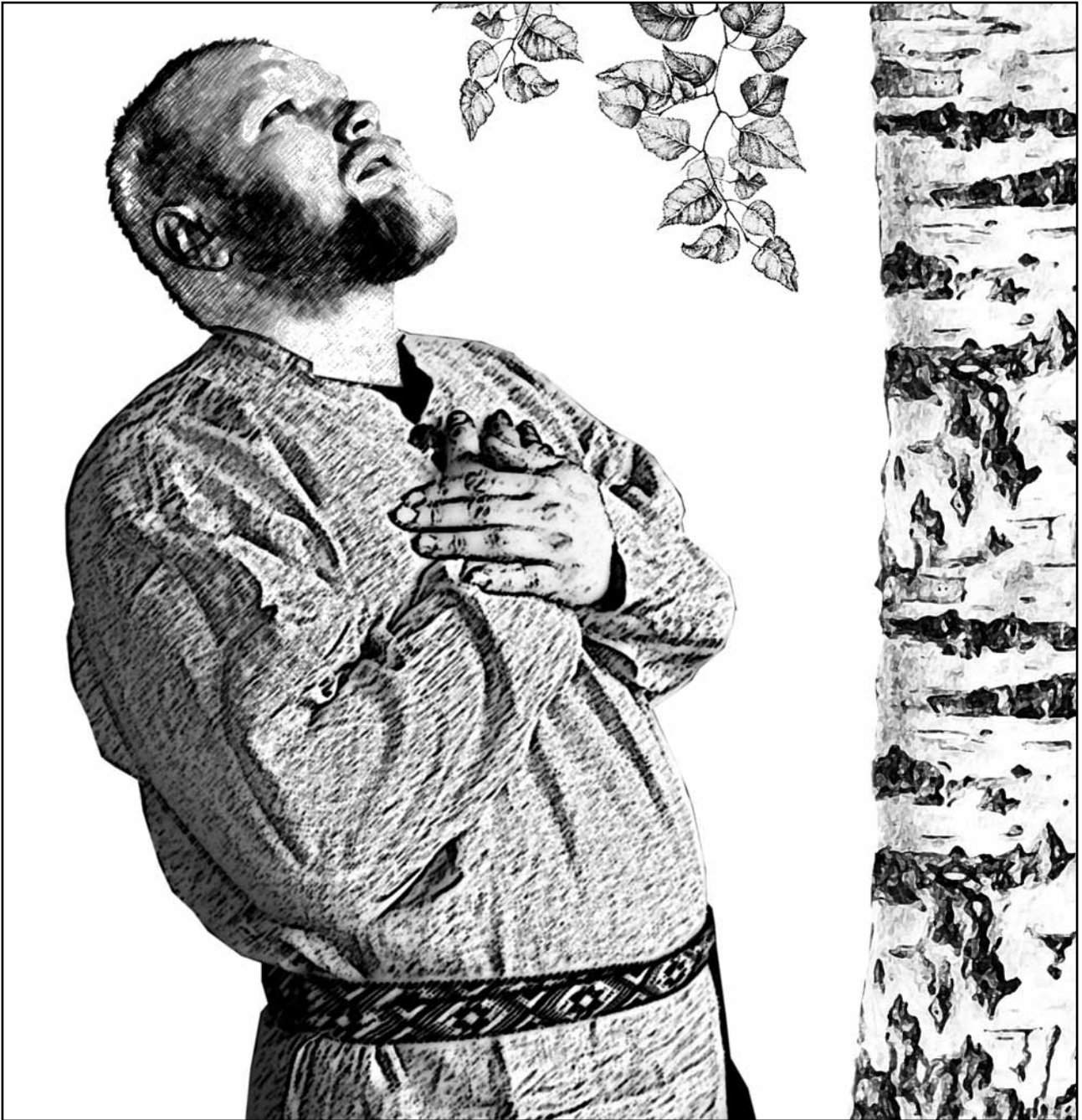

Дядя Илларион! Его все боялись. Он как поехал в Нарву с возом, с возом салаки, а там в аккурат все рабочие фабрики шли домой навстречу. Там их было четыре лошади. Дядя Илларион, как пришел, взял лошадь, бросил в сторону, вторую лошадь — в другую сторону: «Идите позади!» После этого стали признавать: когда дядя Илларион идет, не смели идти.

Такой сильный был? Сильный был!

Kummad kõhad

Pihlaalaz on casovnaa tyvenn civi, ja civezä on bohatterii jälci. Õjaa rannaz on civi¹⁴.

Чудесные места

В Пиллово рядом с часовней есть камень, и в камне — след богатыря. На берегу ручья есть камень.

Il'p'oššaza cyleä takann on lähe, siell on kahci. Kazgõz õli ruoska - karjušši viskazi. Siell õli svätoi, a täma, karjušši, eb teätänny, štobi jumalaa emä õli puuza. I viskaz ruozgaakaa. Duumattii, etti narrib tätä , duumatti, etti tätä eitytteleb. Ruoskaa cenniid välleä eb saannu, a cived puhõõ jäiväd. Casovna siell õli, mie siel cäyzin rissiemäz. Kahcymmiett viis virstaa meilt¹¹⁵.

Jumala cäysi civviä möö Il'p'ošaz. Juõltii, siell on kahci. Jumal issu kazgõz, i siz karjušši tahtõ tätä lyyvvä roozgaakaa. Rooska jäi kaskõõsõõ, kaugaa õli siel kazgõz¹¹⁶.

Meillä pajatattii kasta nii. On Il'p'ošaa cylä. I što eestee jumal cäysi maata möö. Siz tuli karjušši vassaa jumalallõõ. Karjušši tahtõ jumalaa lyyvvä. A jumala meni kaskõõsõõ. I rooska jäi kaskõõsõõ rippumaa.

Jumala civviä möö cäysi. Jätti jälled. Siel civez mokomad jalkajälled õltii, niku kõlmõõ vuvvõõ vannaa lahzõõ¹¹⁷.

Il'p'ošaa cyläz on obraaza. Cerikkoz on obraaza, Pänitssa Paraskeeva. Vot siell on civez jälled, niku inehmizee jälled. Juõllaz, etti sennee civvee pääl Paraskeeva sõisõ, i siin tultii tämmää jälled. Sihhee valõttii civvee päälee vettä i pestii silmiä, cel vaivattaab silmiä. A kazgõz on mokomad merkid, što karjušši viskaz roozgaa. A rooska sihhee kaskõõ nii kazvattu. Sinne võrroo veetii¹¹⁸.

A Kapor'oz — siell õli taaz õma konsti. Kapor'oz cerikoo tyvenn õli mokom suur lakkõa civi. I vot sennez civez niku lahzukkõizõõ jalka. Niku lahsi asattannu õli. Siz vana rahvaz juõltii ain, etti kas on jumalaa jälci. Cell mitä vaivattii, cell silmii, cell kõrvii, cell mitä, siz kõikii tahottii jumalaa jällessä kassaa¹¹⁹.

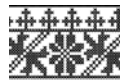

В Ильеши за деревней есть родник, там береза. На березе был кнут – пастух бросил. Там была святая, а он, пастух, не знал, что Богоматерь была на дереве. И ударил кнутом. Думали, что дразнит ее, думали, что ее пугает. Кнутом ни по кому не попал, а камни на дереве остались. Часовня там была, я туда ходила молиться. Двадцать пять верст от нас.

Бог ходил по камням в Ильешах. Говорили, там есть береза. Бог сел на березу, и пастух хотел его ударить кнутом. Кнут остался на березе, долго был там на березе.

У нас рассказывали об этом так. Есть деревня Ильеши. И что раньше Бог ходил по земле. Тогда пошел пастух навстречу Богу. Пастух хотел Бога ударить. А Бог залез на березу. И кнут остался на березе висеть.

Бог по камням ходил. Остались следы. Там в камне такие следы были, словно трехлетнего ребенка.

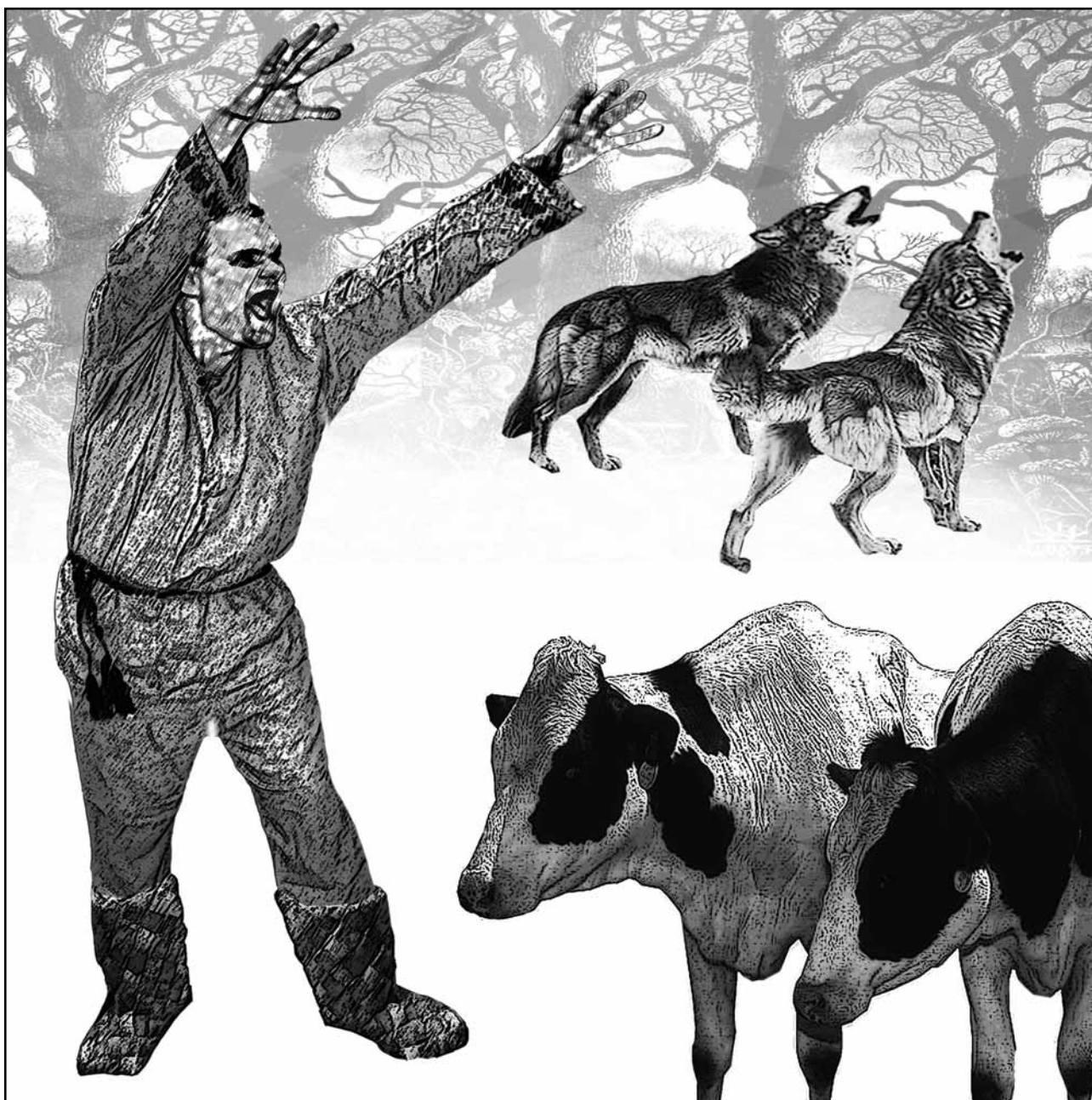
В Ильешах есть икона. В церкви есть икона Параскевы Пятницы. Вот там в камне есть следы, словно следы человека. Говорят, что на этом камне Параскева стояла, и там остались ее следы. Туда на камень наливали воду и мыли глаза, у кого болели глаза. А на березе есть такие отметины, которые пастух сделал кнутом. А кнут в ту березу словно вросший. Туда жертву приносили.

А в Копорье — там было и свое чудо. Рядом с копорской церковью был такой плоский камень. И вот в этом камне словно нога ребеночка. Словно ребенок наступил. Потом старый народ говорил все, что это божий след. У кого что болело, у кого глаза, у кого уши, у кого что, тогда все хотели из божьего следа обмыть.

Nõitad ja täätäjäd

- Tädtko sie, cen õli nõita?
- Nõd'd'assi kutsuttii sitä cen teci pahhuutta rahvaalõõ.
- A täätäjä?
- A täätäjä õli cen avitti, cen teci yvvää rahvaalõõ. Tuli ylle sõrmõõsõõ, vai ampait vaivatti, vai vot, mikä mokom õli - lahsilaill õli griizi. I tämä siz kõikõssa luci, i tuli appia.

Ведьмы и «знающие»

— Ты знаешь кто была ведьма?

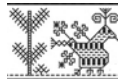
— Ведьмой звали того, кто делал плохое людям.

— А «знающий»?

— А «знающий» был, который помогал, который делал добро людям. Нарыв на пальце или зубы болели, или вот что такое было — у детей была грыжа. И он тогда от всего заговаривал, и приходила помощь.

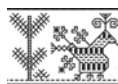

A nõita õli safsem tõissa. Se tuli i teci kehnoa rahvaalõõ. Pulmõiz teci kehnoa, pahhuutta. Siz rikkõ need noorõd — nõistii kehnoosi elämää. Ili vot naapurilõõ tahto tehä kehnoa, što lehmäd nõistii selt taukõõmaa, i eb mee cätteese, mikä žiivatta. Vot nii! Need õltii nõd'd'ad. Ja pahhaa tehtii. Noo muita mie en tää, mitä veel tehtii¹²⁰.

Mikä oli nõita ja mikä tiitjä?

Meil saottii: se oli yhsi. Tekiväd yvvää i pahhaa? Nii. Yhtäläiss tehtii molepii. Pahhaa rohkeap tehtii. Mitä hyvää — tiitjäjä¹²¹.

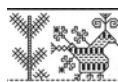

Täätjä õli, kumpa tääb, mitä sillõõ juõlla. Kazikoo cyläzä õli Davitka nõita. Täl-lee cäysi väci Petterissa. Naizikod enäpi cäysiväd. Kui meez eb suvannu, siz naizikod cäysiväd.

Meill opõn hävizi. Öttsizimma jõka paikkaza, emmä saannuut cättee. Isä võtti val'laad i meni Kazikkoo Davitkalõõ. Davitka tuli vassaa ja juttõõb: «Mie tään, mitä sie tulid: opõn hävinny». Võtti val'laad izältä, i meni cäysi tõizõz rihez: «Nyd mene kottoo. Siel tulõb esimein tee. A sie mene tõiss teetä möö. Opõn tulõb vassaa». Isä meni. I tuli opõn!

Se õli minuu aikann. Meill õli opõn. Õli võtõttu dabušnikka, sepält vargassi py-syy, sitä pyssyä nõis proobaamaa öõll. Öõ õli pimiä. Tämä eb nähny, etti opõnõ õli lici, i ampu opõzõlõõ kaglaa. Siz võtti opõzõõ, pani mettsää castõisõõ puhõõ ciin. Möö õttsizimma, isä i miä, kahs päivää. Emmä leytännyyd. Isä võtti val'laad cättee, meni Kazikkoo Davitkalõõ. Davitka tuli vassaa. Isä jällee tolkutti sennee az'z'aa. Tämä jut-tõli: «Mene nyt kottoo». Isä tuli kottoo, vakurat opõn tuli metsäss kottoo. Õli ammuttu kõikk. Peräss saimma täätää.

Davitka õli venäläin¹²².

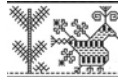

Võinossalaa cyläz õli yhz täätjä, nõita. No vot, tämä nõis koolõmaa. I eb võinnu koolla, kunni eb võinnu antaa vällää õmii nõitomuhsii. A siz ko tämä nõis jo lõppumaa, siz kõm lacipuuta murtu, a musad aragad aita möö aina rääkuzivad i kargattivad - ver-no pahad poolõd õlivad. Tämä toožõ pilaz rahvass¹²³.

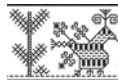

А ведьма была совсем другая. Она приходила и делала плохое людям. На свадьбах делала плохое, злое. Тогда «разбивала» этих молодых — начинали плохо жить. Или вот соседу хотела сделать плохое, что коровы стали умирать, и не приживается никакое животное. Вот так! Это были ведьмы. И злое делали. Ну, другого я не знаю, что еще делали.

Кто такая была ведьма и кто такой «знающий»?

У нас говорили: это было одно (то же самое). Делали добро или зло? Так. Одинаково делали и то, и другое. Плохого больше делали. Что хорошее — «знающие» (делали).

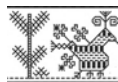

«Знающий» был, который знает, что тебе рассказать. В деревне Березняки был Давитка колдун. К нему ходил народ из Петербурга. Женщины больше ходили. Если мужчина не любил, то женщины ходили.

У нас лошадь пропала. Искали во всех местах, не нашли. Отец взял узду и пошел в Березняки к Давитке. Давитка вышел навстречу и говорит: «Я знаю, зачем ты пришел: лошадь пропала». Взял узду у отца, и пошел ходить в другой комнате: «Теперь иди домой. Там будет одна дорога. А ты иди другой дорогой. Лошадь придет навстречу». И отец ушёл. И пришла!

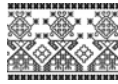
Это было в мое время. У нас была лошадь. Был взят табунщик, у кузнеца украл ружье, это ружье стал пробовать ночью. Ночь была темная. Он не видел, что лошадь была рядом, и выстрелил лошади в шею. Тогда взял лошадь, отвел в густой лес. Мы искали, отец и я, два дня. Не нашли. Отец взял узду, пошел в Березняки к Давитке. Давитка вышел навстречу. Отец объяснил это дело. Он сказал: «Иди сейчас домой». Отец пришел домой, и сразу лошадь пришла из леса домой. Была прострелена вся. После этого узнали.

Давитка был русский.

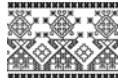

В деревне Войносолово был один «знающий», колдун. Ну вот, он стал умирать. И не мог умереть до тех пор, пока не смог отдать свое колдовское знание. А когда он стал уже кончаться, то три потолочных балки сломались, а черные сороки по забору кричали и стрекотали — видно, злые силы были. Он тоже вредил народу.

Õli nõita starikka. Antõ nõvvua karjušilõõ. Tämä ko nõis koolõmaa, enci eb lähenny vällää. Kunniz eb antannu tõizõlõõ nõituussa, sinniz surma tält eb lähenny vällää. Tällee rintaasõõ nigla tõrkättiis, siz eb nõizõ cuudittamaa¹²⁴.

Meill õli yhs nõita. Mõõ menimmä d'eddaakaa einää lõömää, a nõita koolõmaa nõis. Ležib lāvvee pääl, räägab minuu d'edalõõ: «Vasili Ivaanovic!» A d'eda minnua ajab vällää: «Mee lõõ einää! Mee!» A mie tahon vaattaa, miltized need pojokkõizõd on, kummad nõita tahob antaa d'edalõõ. Seizon nurkaa takann, kuultaan, mitä näväd pajat-taaz. D'eda tällee vassaab: «En mie võta sinuu pojokkõisia. Mie en tää, mitä näd'deek tehä». A tämä d'edalõõ juttõõb: «Anna liivassa rihmaa punnoa jõka päivä. Palaviz päivinää nõisas punomaa rihmaa jõka päivii». «En mie võta!», — d'eda tuõb sieltä nõd'd'alta. «Sie siin i seizod? Sie kõikk kuulid?» — «A d'eda, miltized pojokkõizõd?» — «Paid'om einää lõömää! Elä cyzy!»

Täll õli kapcukka cäezä pojokkõisiikaa, nõd'd'alla¹²⁵.

Meill õli cylžä starikka virolainõ i tääsi vorožittaag. Tuli yhsi staruha cysymää, što täll on lehmä pilattug. Virolainõ vaattõ läpi sõrmijõõ tämää päälee i juttõli virossig: «Kuratii akka se on — tämä syyb kymmenee lehmää piimäd!». A staruha virossig eb täätännyg, siz izältä cyzyb staruha, mitä juttõli. Isä staruhalõõ juttõli: «Se starikka jut-tõli, sie cymmenee lehmää piimäd izez syyd». Ko hyppii lavõzõlta, da rissää ettee tiib, i rihessä poiz johsi. Virolainõ juttõli: «Puhaz kuratii akka on! Ize pilaab mõnõd lehmäd».

A siz pajatti millõõ, što minuu cäess on lähnyd tuli. Se õli tõsi. Isä cysy: «Ku sie tääd?». A t'od'alla õli cirja, i mie kahs lehtua õppii. A t'ot'a näci, što mie luggõõ, i võt-ti, da kõrjazi. Meil õli Koppanaa cylžä starikka karjalainõ. Täll toožõ õli kniška mo-koma. Toožõ naizõd cäysiväd, cell õlivad lahzõd lāsiväd. Tämä toožõ avitti, antõ appia. A pappi cäys praznikkana talojõõ myy i tuli tällee. I täl se kniška õli božnitsaa nalla. Sai cättee i põlõtti. Eb tahtonug, što mokoma kniška õli. Eb i jättännyg. Siin rihezä i põlõtti¹²⁶.

Был старик колдун. Давал совет пастуху. Он как стал умирать, душа не уходила. Пока не отдал другому колдовской силы, до тех пор смерть от него не уходила. Ему грудь иголкой прокололи, тогда не стал чудить.

У нас был один колдун. Мы шли с дедушкой сено косить, а колдун умирать стал. Лежит на пороге, кричит моему деду: «Василий Иванович!» А дед меня погнал: «Иди сено косить! Иди!» А я захотела увидеть, какие эти «мальчики», которых колдун хочет отдать деду. Стою за углом, слушаю, что они говорят. Дед ему отвечает: «Не возьму твоих “мальчиков”. Я не знаю, что с ними делать». А он деду говорит: «Дай из песка плести веревку каждый день. Усердно днями станут плести веревку каждый день». «Я не возьму», — дед пошел от того колдуна. «Ты тут и стоишь? Ты все слышала?» — «А, дедушка, какие мальчики?» — «Пойдем сено косить. Не спрашивай».

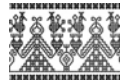
У него был кисет в руке с «мальчиками», у колдуна.

У нас в деревне был старик эстонец, и он умел колдовать. Пришла одна старуха спросить, что у нее корова испортилась. Эстонец посмотрел сквозь пальцы на нее и сказал по-эстонски: «Чертова бабка — она ест молоко десяти коров!» А старуха по-эстонски не знала, тогда у отца спрашивает старуха, что он сказал. Отец старухе сказал: «Этот старик сказал, ты десяти коров молоко сама ешь». Как прыгнула с лавки, да и крестится, и из избы убежала. Эстонец сказал: «Чисто чертова бабка! Сама испортила много коров».

А затем вот, рассказал мне, что из моей руки выходил огонь. Это была правда. Отец спросил: «Как ты умеешь?» А у тети была книга, и я две страницы выучил. А тетя увидела, что я читаю, и забрала да спрятала. У нас в деревне Копаницы был старик ижор. У него тоже была книжка такая. Также женщины ходили, у кого были дети больные. Он тоже помогал, давал помощь. А священник ходил в праздник по домам и пришел к нему. И у него эта книжка была под божницей. Отобрал и сжег. Не хотел, чтобы такая книжка была. Не оставил. Там в избе и сжег.

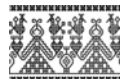

Õlivad arpulid i pahhaa teciväd. Izzää emä se pajatti. Miä õlin lahzukkõizõnn. No vot, tãm pajatti, što tehtii pal'l'o kehnua. Arpulid õli mehhiä i õli naisia. Meil Kazikkoza õli Davõtka, Davutka. Se teci pal'l'o kehnua väelee. Kõõz õlivad pulmad tõinõ eb tää mittäid, a Davõtka rikob kõik need pulmad. Paarid nõisas kehnossi elämää. Yhs Davõtka õli, yhs mokoma. Tãmä tahob tehä sillõõ pahhaa, što taukõõb lehmä.

Mokoma õli hakka taaz Muukõõ cyläzä, siel jarvõõ rannaz. Baba-Kat'a ain kutsuttii. Sinne minuu mama cäysi vertä vöttamaa. Eellä dohtoria böllu. Ku vaivattaab cässiä, siz mentii kazõlõõ Kat'alõõ laskõmaa vertä. Lämmitti sauna, etti soojõtab verree. I tožo saunaz lahci vertä. Cen kutsub täätäjäd, a cen arpulid. Se on niku yhs sõna¹²⁷.

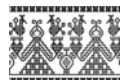

A siz minu muissoz oli veel as's'a. Vello naizell puri mato sormess. Hään oli marjaz. Siz saotti: «Mee Sutela. Siäll on yhell naizell mao rooto. Kysykä hänelt». Miä itse käin kysymäz. Hään mille anto. Myy valoimma vähäize viina sinne. I heerozimma seneka kättä kahs kerta. I paizattumine häviz. I käsi pääsi¹²⁸.

Mattautilla on yhs täätjä starikka, Nikulass kutsuass. I tänävoonn ceerti pahalt jällelt lehmää. Sinne paikkaa tuli, kuss lehmä äviz, i juttõli: «Senell oomnikkua lehmä leeb siel, kammits kaglaz». I meni, i õli.

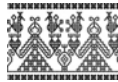
Ko meez naizõõkaa kehnossi eläb, toožõ panõb yvvii elämää¹²⁹.

Õli Palokka cyläze yhs vana meez, Mitruškass kutsuttii. Se teci inemizill pal'l'o pahhaa. Suõss eb tehny, a lehmi kottoo metsäss eb saanu. A ko menid tällee, piti antaa mittää - võtti viis rubl'a kultaa. Siz tultii lehmäd metsäss vällää.

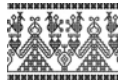
Ennee õli mokomii starikkoita. Mokomad starikad tehtii, što lehmäd jäätii mett-sää. Metsäd õltii suurõd, kuza karja cäi¹³⁰.

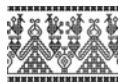

Были арбуи и зло творили. Мама отца это рассказывала. Я была ребеночком. Ну вот, она говорила, что делали много плохого. Арбуи были мужчины и были женщины. У нас в Березняках был Давытка. Он делал много плохого народу. Когда были свадьбы, другой и не знает ничего, а Давытка портит все эти свадьбы. Пары начинают плохо жить. Один Давытка был, один такой. Он захочет делать тебе зло, и околет корова.

Такая была бабка еще в Мукково, здесь, на берегу озера. Бабой Катей все звали. Туда моя мама ходила кровь пускать. Раньше доктора не было. Как заболит рука, так ходили к этой Кате пускать кровь. Топила баню, чтобы разогреть кровь. И тоже в бане пускали кровь. Кто зовет «знающими», а кто арбуями. Это словно одно слово.

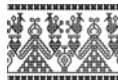

А потом на моей памяти был еще случай. Жену брата змея укусила в палец. Она за ягодами ходила. Тогда сказали: «Иди в Волково. Там у одной женщины есть змеиный позвоночник. Попроси у нее». Я сама ходила просить. Она мне дала. Мы налили немного водки туда. И протерли этим палец два раза. И воспаление прошло. И рука поправилась.

В Матовке есть один «знающий» старик, Никулой зовут. И в этом году «выкручивал» из чертова следа корову. В то место пришел, откуда корова пропала, и сказал: «Этим утром корова будет там с путами на шее». И ушел, и было так.

Если муж с женой плохо живет, тоже направлял на хорошую жизнь.

Был в Получье один старик, Митрушкой звали. Он делал людям много плохого. Волка не делал, а коров домой из леса не пускал. А если пошел к нему, нужно было дать что-то — брал пять рублей золотом. Тогда выходили коровы из леса.

Раньше были такие старики. Такие старики делали, что коровы оставались в лесу. Леса были большие, где скот ходил.

Nõitoi õli. Ko lehmä ili opõn, ili inehmiin äviib, siz näväd cääntiväd jälcäi. Se kutsuttii, što on puuttunnu pahhaa jällelee. A ku jälled cäänti, siz tuli kottoo¹³¹.

Oli ennee noitoi? Enn oli, a nytt eb oo. Soikkolaz oli noito, naizrahvaz. Meill häviz lehmä karjõssa. A kahed suudgõd käyttii ettsimäz. Eb saatu lehmä kätte, eb e saatu kätte. I taatto meni sinne noijolle. Käi, i lehmä tuli kotto. Taatta tuli, i lehmä tuli kotto. Noito käänsi jäled¹³².

Õli meez nõito. Cellee tahtõ tehä kehnuu, sellee teci. Minuu izällee pokoinikallõõ õli laskõnnu õlluusõõ i juttõõb: «Joo, joo kase stokana õlutta!» Jõi, a siz *с ума сошел*. Niku hullussamaa nõisi. Kuhhõõ puuttu, sinne johsi. Perrää siz praaviuz. Pihlaalaz õli naizikko. See praavitti, luci vetteese i antõ juvva: «Joo kase!»¹³³.

Õlõttako kuullu, što inemized tehtii suõssi? Jutõltii, što nõita teci inemizee suõssi. A rohkaap pulmijõõ aikann. Meill kassinn Rysymäell yhs tyttö pulmijõõ aikan jäi niku läsivässi. Ep kuikaa praaviunnu. Õma iässi jäi läsivässi¹³⁴.

Eellä emmää pahad sõnad kõvvii tõhozivad inehmizee päälee. Tytär uhskõrt meni cerikkoo. Cyzyb emält rahhaa: «Anna millõõ, mama, rahhaa!» — Emä cyzyb: «Mih-hee sillõõ rahhaa?» — A tämä vassaab, tytär: «Mie tahon elmie õssaa». — Emä antõ rahad, a izze cirozi: «Laa ymperi sinuu kaglaa mesto elmeitä mato!»

Vot, baba juttõõb, a ku tämä meni metsää tyvvee, mato yppi kaglaa. Õmmaa iää cäys mato kaglaz. Tämä meeb sauna pesseymää, viskaab sõvad yltä, a mato sõpõjõõ päälee. A ko nõõb sõppõõmaa, mato taaz ymperi kaglaa¹³⁵.

Ведьмы были. Если корова или лошадь, или человек пропадает, тогда они поворачивали следы. Это называли, что попал в чертов след. А если следы повернул, тогда приходил домой.

Были раньше ведьмы? Раньше были, а сейчас нет. В Сойкино была ведьма, женщина. У нас пропала корова из стада. А двое суток ходили искать. Не нашли корову, не нашли. И папа пошел к той колдунье. Сходил, и корова вернулась домой. Папа пришел, и корова пришла домой. Ведьма повернула следы.

Был мужик колдун. Кому хотел вредить, тому вредил. Моему покойному отцу напустил порчу в пиво и говорит: «Пей, пей этот стакан пива!» Выпил, а потом с ума сошел. Словно дурачком стал. Куда попадал, туда бежал. После поправился. В Пиллово была женщина. Она вылечила, заговорила воду и дала выпить: «Пей это!».

Слышали вы, что людей делали волками? Говорили, что колдун делал человека волком. А больше во время свадеб. У нас здесь в Верхних Лужицах одна девушка во время свадьбы стала словно больной. Никак не поправилась. До своей старости осталась больной.

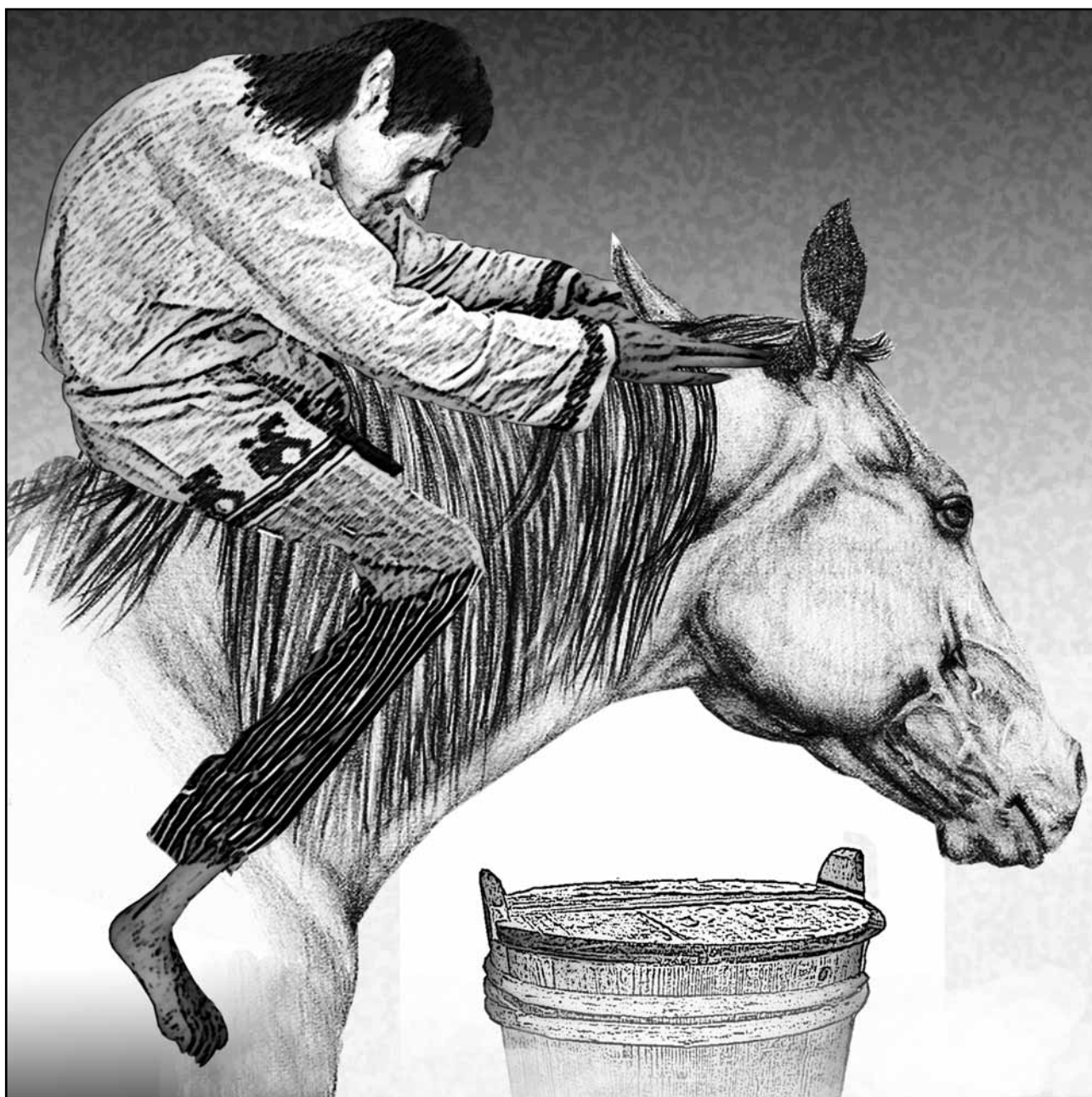

Раньше злые слова мамы очень действовали на людей. Однажды девушка пошла в церковь. Просит у мамы денег: «Дай мне, мама, денег!» — Мама спрашивает: «Куда тебе деньги?» — А она отвечает, дочка: «Я хочу бусы купить». — Мама дала деньги, а сама прокляла: «Пусть вокруг твоей шеи вместо бус змея!»

Вот, бабушка говорит, шла она к лесу, змея прыгнула на шею. Всю свою жизнь ходила, змея на шее. Она идет в баню мыться, раздевается, а змея на одежде (остается). А как станет одеваться, змея опять вокруг шеи.

Kotohaltiaad

Koto-altiaa näin. Mie makazin iezä põlua. Tuli inehmisenn. Tuli, ko tallazi siltapuita myö, prakizivad, krõpizivad kõik siltapuud. Kukalie tallaz. Naiz-eljäjä õli. Kassa piccä takanna õli. Domovikka on venäissi. A altiaz on vaissi¹³⁶.

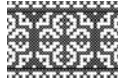
Домашние духи-«хозяева»

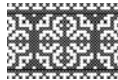
Домового духа видела. Я спала до пожара. Пришел человеком. Пришел, когда пошел по половицам, затрещали, заскрипели все половицы. Кто-то ходит. Существо женского пола было. Коса длинная позади была. Домовик это по-русски. А *алтиаз* это по-водски.

Jutõlti, što domovikk tuõb. Eb nähty. A kuultii, mitä viskaab sielt ahjoo päält maalõõ. Syyvvä böllu annõttu, tämä myytää böllu syymän. Siz suuttu i viskaz samovaraa nurkkaa¹³⁷.

Rihee haltian, tätä eb näcynny. Õli näcymättä. A yhs naizikko pelcäz ain domovikkaa. Taicin õli ahjoo päälee segattu. A taicin happenõb siel, ain teeb: «Peš, peš». A naizikko kuuntõõb: «Vet tõsi onci, domovikka!» Hyppäz johsõmaa rehessä. A paglaccennäd õltii jalgaz, a paglad õltii avõõ. Tämä ko meni, tallaz ripilää päälee. Ripil tätä lei selcää. Tämä ko toukkaz uhzõõ avõõ, nii ize hyppäz rihennettee. Uhzõõ toukkaz ciini. Paglad jätti uhzõõ väliisee. Ize lankõz maalõõ. Uhs meni ciini. Meni naapurii, nii juttõõb: «Tõsi onci, jotti on domovikka. Miä kuulin, ko puhki. Mie hyppäzin johsõmaa. Tämä minnuu lei selcää ja toukkaz maalõõ»¹³⁸.

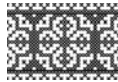
Vanad starikad pajattivad, što tuli tullõõkaa pajatti vannaikaa: «Minuu az'z'oita eläg kert!» Tuli tulõõlõõ juttõõli: «Mie põlõtaa koo!» — «A mill peremmeez od'd'ab minnuu. Minuu veššoi eb põlõtag». — «Sennee peräss mie põlõtaa, što ain minnuu tallob jalgalla!»

Vanad juttõõlivad: «Elkaa jalgaakaa tallogaa tulta!»¹³⁹

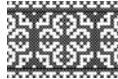

Jõka kooz on peremmeez. Kummaz on naizikko, kummaz on meez. Savvokkalaz menin sigalõõ syyvvä veemää. I seizob naizikko chešõvvõz. En tõhtinnu sigalõõ mennä syyvvä antamaa. Ämmä cyzyb: «Missi sie ed antannu sigalõõ syyvvä?». A mie tälle vassaan: «mie en tõhtinnu mennä. Siäll on naizikko chešõvvõz». Tämä millõõ pajatab: «Se on talloo perennain»¹⁴⁰.

Говорили, что домовик приходит. Не видели. А слышали, что бросает с печки на пол. Поесть не дали, не по нему была еда. Тогда рассердился и бросил самовар в угол.

Дух дома, его не видели. Был невидим. А одна женщина всегда боялась домовика. Тесто было на печи замешано. И тесто бродило там, все делало: «Пш, пш». А женщина слушает: «Ведь и точно, домовик!» Бросилась бежать из дома. А поршни были на ногах, а оборы были не завязаны. Когда она пошла, наступила на кочергу. Кочерга ударила ее по спине. Она как распахнула дверь, так сама выпрыгнула в сени. Дверь захлопнула. Оборы остались в двери. Сама упала на пол. Дверь закрылась. Пришла к соседке, так говорит: «И вправду, что домовик. Я слышала, как пыхтел. Я выпрыгнула. Он меня по спине ударил и толкнул на пол».

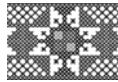
Древние старики говорили, что огонь с огнем в старые времена разговаривал: «Моих дел не трогай!» Огонь огню говорил: «Я сожгу дом!» — «А мой хозяин бережет меня. Во мне вещей не сжигает». — «Потому я сожгу, что меня все время топчет ногой».

Старые люди говорили: «Не топчите огонь ногой!»

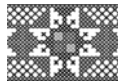

В каждом доме есть «хозяин». В каком женщина, в каком мужчина. В Савикино я пошла свинье поесть отнести. И стоит женщина посреди двора. Я не осмелилась подойти дать свинье поесть. Бабушка спрашивает: «Почему ты не дала свинье поесть?» А я ей отвечаю: «Я не осмелилась пройти. Там женщина посреди двора». Она мне говорит: «Это хозяйка дома».

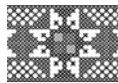
Myy cäimme ilta issumõz. Siz siell perennain meill aina juttõli, što neill mikälee ain õvvõz on. I tämä vei mejjed katsomaa. Lamppi võtõttii cättee i menimme. Siell õli õpõn õvvõz. I õpõzõõ selläz õli issunnu meez. Kane jalgad täll õltii hoikad niku cäsi-vars minuu. Myy näimme, što meez õli issunnu õpõzõõ selläz. Myy kõikii pelcäzimme. Mie jäin yhsinnää katsomaa¹⁴¹.

Tyttõ meni sauna. Pahad tultii sauna. A kukko laulo. Siz pahad vizgattii se tyttõ vällää saunass¹⁴².

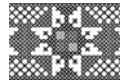
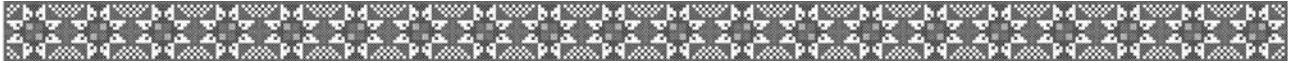
Saunaz i riigoiz on õllu pahapool. Yhs starikka pajatti. Tämä õli menny sauna. No se õli perrää laukopäivää cylvymissä. Tämä eitti makkaamaa. I vot, makkaab, i tätä nõis ripimaa. A starikka õli voimakaz. Se vassaa tälle. Tämä ku võtab pärähmääsee, tämä läpi cässii tuli vällää. Iz õli karvainõ. Nii kaugaa *барахтался*, ko häviz vällää. Vaissi kutsuttii pahapool¹⁴³.

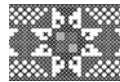
Lahsai eitytettii kõikõll viisiä: «Elkaa menkaa sauna! Saunaz on sauna makko. Ko ilma vanapia meettä, siz siel sauna makko teitä oottõõb».

Vot kõrraa õli mokoma konsti. Eelä ved bal'nitsoi bõllu, saunnaa veetii sauna. Siz ain peremmeez vai cenniid vanapiss meni tälle sinne öõssi. A siz senell kõrtaa bõllu saunnaizõõ tyvvee cenniid tullu. Meez kuhhõõ leeb õli viipynny. I vot, oomniis tullaz vaattamaa tätä. A tämä on pisetty sauna ahjoosõõ kahzii kõrroo. A lahs õli eloza. Siz vana rahvaz ain juõltii, kase pahhaa voima tämmää tõukkaz ahjoosõõ. Meilee babad kõikii pajattivad, što õli¹⁴⁴.

Мы ходили на вечерние посиделки. Тогда там хозяйка нам все говорила, что у них что-то во дворе. И она отвела нас посмотреть. Лампу взяли в руку и пошли. Там была лошадь во дворе. И на спине лошади сидел мужчина. У него ноги были тонкие, как моя рука. Мы видели, что мужик сидел на спине лошади. Мы все испугались. Я осталась одна смотреть.

Девушка пошла в баню. Черти пришли в баню. А петух запел. Тогда черти выбросили эту девушку из бани.

В бане и в ригах был черт. Один старик рассказывал. Он пошел в баню. Но это было после субботнего мытья. Он лег спать. И вот, спит, и его стал дергать (черт). А старик был сильный. Он навстречу (в ответ) ему. Он как схватил в охапку, а он (черт) сквозь руки выскочил. Сам был мохнатый. Так долго барахтался, затем исчез. По-водски называли *паханоол*.

Детей пугали по-всякому: «Не ходите в баню! В бане есть банная нежить. Как без старшего пойдете, так там банная нежить вас и ждет».

Вот однажды был такой случай. Раньше ведь больниц не было, роженицу отводили в баню. Тогда все хозяин или кто-нибудь из взрослых ходил к ней туда на ночь. А в тот раз не было никого рядом с роженицей. Муж где-то задержался. И вот утром приходит посмотреть ее. А она засунута в печь бани наполовину. А ребенок был жив. Тогда старый народ все говорил, что это злая сила кинула ее в печь. Нам бабушки все говорили, что было.

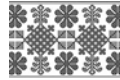

Sitä mie õõn kuullu. Sitä meilä tapahtu. Minuu õma ämmä pajatti. Tämä õli saun-
naisõnn. Ennevanassi päre veel, pärett põlõttatii. Tämä cedräz. Tätä nõisi nukuttamaa.
Lahs õli siine toož tilal. I tämä se päree sammutti, i nõisi toožõ niku nukkumaa joo.
Trap, traps. «Mitä?», — juttõõb. «I nii niku yli minuu sitä lassa tagotab. Miä kartin.
Karvainõ cäsi õli. Algin malitva lukkaa. Meni vällää». Jah! Tämä se minuu ämmä ta-
paz millõõ pajattamaa. Paha. Nii. Se õli paha¹⁴⁵.

Это я слышала. Такое у нас случилось. Моя бабушка рассказывала. Она была роженицей. В прежние времена еще лучина была, лучину жгли. Она пряла. Ее стало клонить в сон. Ребенок был тоже на постели. И она ту лучину потушила, и стала тоже словно засыпать уже. Трап, трапс. «Что?» — говорит. «И так словно через меня ребенка достает. Я дотронулась. Мохнатая рука была. Я начала молитву читать. Пошел прочь». Вот! Этот случай мне моя бабушка рассказала. Черт. Да. Это был черт.

Riigaza cuudittii. Saunad i riigaa pellättii. Kuza on sauna, siell ain cuudittii. Yhs nain jäi saunaa perrää päivää laskõumaa jumalalõõ. A tontti tõukki ahjoo, mihhee perrää päivää laskua tuli cylvemää¹⁴⁶.

Lempolaz d'ääd'ä Sergei riigaz makaz. No mitä õli, makaab vassaa ahjua. Niku matua cäjeekaa ihmaab. Nii kaugaa ihmaz, etti cäsi tuli verilee. A mitäid böllu¹⁴⁷.

Yhs meez juttõli, etti riigaz makaz, a ain parsi möö joonittõli. Tämä võtti ripilaa i juttõli: «Mie ripilaakaa annan!» Ize tuli vällää pelgoss¹⁴⁸.

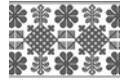

Riigaz on riiga-makko. Ain juõltii. Eellä nii pajatõttii, što vot, hot' cennee riigaz, hot' Morozovaa riigaz. Vot miä ööllä tulin möötä. I siellä cudittaab. A cettäid ebõõ oonõõlaiza, a cudittaab. Siel mokoma lomizõmin. Lomizõmin kuulu, ku miä menin möötä¹⁴⁹.

Riigaa pekko ain lutissi lassa. Ain teci pahhaa. Yhs nain *задать* meni riigaasõõ. Pissi cäjee riigaa. Riigaa emä antõ karvakkaa cäjee vassaa¹⁵⁰.

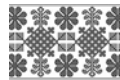
В риге «чудили». Бани и ригу боялись. Где баня, там всегда «чудили». Одна женщина осталась после заката солнца на беду. А черт затолкал в печь, куда после заката пришел париться.

В Раннолово дядя Сергей в риге спал. Ну что было, спит напротив печи. Словно змея руку сжимает. Так долго сжимала, что рука налилась кровью. А ничего не было.

Один мужик говорил, что в риге спал, а по настилу под потолком все носилось. Он взял кочергу и сказал: «Я кочергой дам!» Сам выбежал от страха.

В риге есть рижная нежить. Всё говорили. Раньше так говорили, что вот хоть в чьей-либо риге, хоть в риге Морозовых. Вот я ночью шла мимо. И там «чудит». А никого нет в постройках, а «чудит». Там такой шум. Шум был слышен, как я шла мимо.

Рижная нежить всегда ребенка сжимала. Только плохое делала. Одна женщина гадать пошла в ригу. Засунула руку в ригу. Мать риги дала мохнатую руку навстречу.

- Pellättiiko mennä pimmiäzä?
- Haltiaisii põlätti. Haltiaized oltii.
- A kuza?

— Mie kera näin haltiaiss. Myy menimmä vanepa sizoka tooma jo illall, jo illall mööhä, munii pelloilta. Eb pelloilta, a meill tarhaz oli. Nytt on meill tarhaz on täällä poolilla, a enne meill oli kallall tarhaz. I läpi kai oli siin, metsässä, kai tarhaz. I myy menimmä ottama seelt munii vällä. Jo pimmiä oli. I riie paazuhaz oli naiz-eläjä valkeiz vaattiiz. I hiussed hartioil. Noor inimäin.

Ku myy seeltä tulimma sizoka, munad lakkazimma, tulimma kottoo: «No, mikä teill? Missi tyy munia että tooned?» — «Seel oli haltian! Seel oli haltian. I ninta tulimma kottoo ilmaa munii!»

Ennee oli näd *приключения*. A missle nytt eb oo. I muisan, kui paazuha veräjä suuz seiso. Näed, niku, niku tolkuz. Nii stroinoi inimäin, noori inimäin jo. Ja suurii hiussiika. Valkia, valkia. Sizar oli vanep minnuu. Hän oli blizoruukõi. Hän pahass näki. A miä hyvvi näin.

- Tämä eb nähny?

— Tämä eb nähnyd. Miä eez johsu panin, a hän jälez pani johsu. Siz näin, naapuri siin paazuhaz¹⁵¹.

Myy oomm itse kuullud. Myy mänimmä, vanemma sisareka mänimmä syksyll myyhä. Mänimmä munii ottama tarhass vällä, jo kaivottu oli. Enne vet kaivottii kavva. Jo pimmiä oli. Munapellod oltii suured. Pal'l'o oli munii tehty. No mänimmä ottama, a seel riie, riie veräjää. Suuz on inimäin seizob. Nii, myy põlästyzimmä i tulimma vällä. Tulimma kottoo. Maam saob, se on helvetti. Vot.¹⁵²

— Боялись ли ходить в темноте?

— Духов боялись. Духи были.

— А где?

— Я тоже видела духов. Мы пошли со старшей сестрой уже вечером, уже поздно вечером, забирать картошку с поля. Не с поля, а у нас огород был. Сейчас у нас огород на этой стороне, а раньше у нас был на берегу огород. И весь был там, до леса, весь огород. И мы пошли брать оттуда картошку. Уже темно было. И в пазухе риги было женское существо в белых одеждах. И волосы на плечах. Молодой человек.

Когда мы оттуда пришли с сестрой, картошку оставили, пришли домой: «Ну, что у вас? Почему вы картошку не принесли?» — «Там был дух! Там был дух, и поэтому мы пришли домой без картошки!»

Раньше было такое приключение. А почему-то сейчас нет. И помню, как в воротах пазухи стоял. Видишь какой. Такой стройный человек, молодой человек уже. И с длинными волосами. В белом, в белом. Сестра была старше меня. Она была близорукой. Она черта не видела. А я хорошо видела.

— Она не видела?

— Она не видела. Я впереди побежала, а она следом побежала. Так я видела, там, в пазухе риги соседей.

Мы сами слышали. Мы пошли, со старшей сестрой пошли осенью поздно. Пошли забирать картошку из огорода, уже выкопали. Раньше ведь копали долго. Уже темно было. Картофельные поля были большие. Ну, пошли забирать, а там рига, ворота риги. В воротах человек стоит. Вот так, мы испугались и убежали. Прибежали домой. Мама говорит, что это черт. Вот.

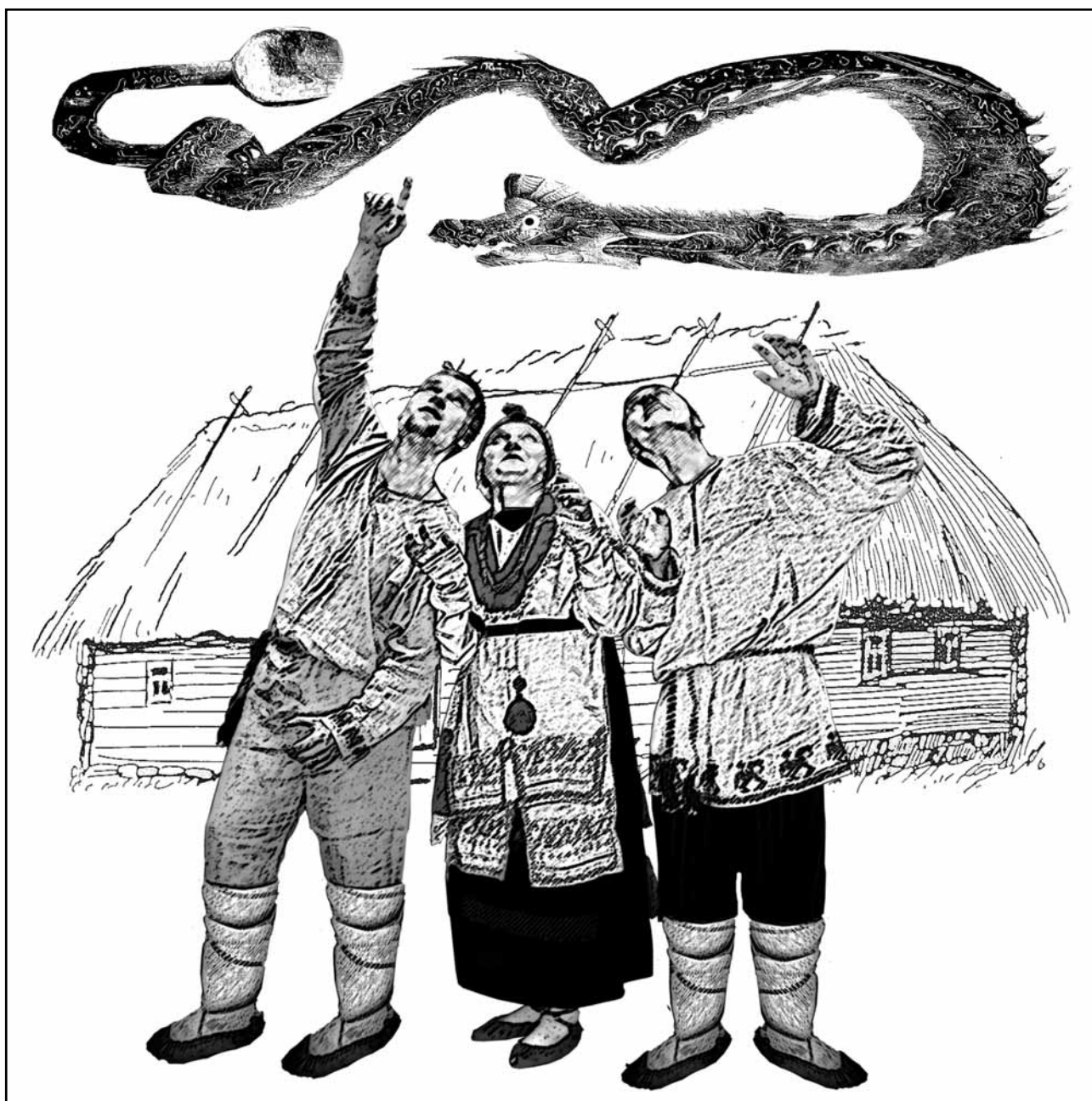
Lemmyz ja para

Lemmuz on mokoma tulimato. Tulimato tuli kukõõ munassa. Yli kõlmõõ vuuvvõõ kukkõ teeb munnaa. Siz se muna pannas kannaa allaa. I kana avvob. Seness munass tuõb mato. Siz se mato kõm vootta sillõõ toob kõikkõa. Yli kõlmõõ vuuvvõõ piäb se mato tappaa, a to põlõb koto.

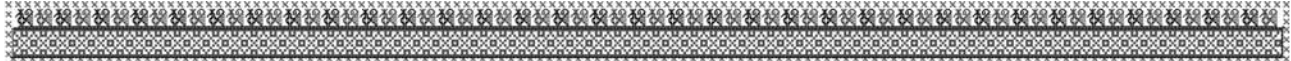
Kozlovall õli mokom mato. I tämä lentii niku niitti näd'd'ee koo päälee. Se õli kõvvii sekretnoi. Eestee uzgottii, i meill aina baba pajatti¹⁵³.

Леммюз и пара

Леммюз — такая огненная змея. Огненная змея появилась из петушиного яйца. Через каждые три года петух сносит яйцо. Затем это яйцо кладут под курицу. И курица высиживает. Из этого яйца выходит змея. Затем эта змея тебе три года приносит всякое. Через три года нужно эту змею убить, а иначе сожжет дом.

У Козлова была такая змея. И она летала, словно нитка, над их домом. Это было очень тайно. Раньше верили, и у нас все бабушка рассказывала.

Meill kassen taloz õli lemmyz. Lemmyz on mato. Tulimato lentääb niku lintti. Kukkõ teeb munnaa yli kõlmõõ vuuvvõõ. Tämä mokomaa paikkaasõõ teeb, kuza eb levvä. Eb cenniid levvä. Tämmää muna on niku linnuu muna valkõa. Nii suur on niku linnuu muna. Võta muna, panõ kannaa allaa. I kazess munass leeb mato. Kase mato leeb kõm vootta elämää. Kõm vootta toob kõikkõa dobraa. Kui eb tapa yli kõlmõõ vuuvvõõ, siz sinnuu põlõtab i koo põlõtab¹⁵⁴.

Millõõ kukkõ teci munnaa. Mie vein vohoja karjaasõõ. A kukkõ siäll «kak-kak-kak» kokutti. Miä tuõn kottoosõõ, a apilkod'd'ee pääll on muna, valkõa. Kannii suur, sõrmõõ õtsaa suurutta. Miä võtin sennee munnaa. Menin yhelee staruhallõõ. Täm millõõ i juttõõb: «Sill on pantu kana automaa põippõa. Paa kannaa allaa kase muna. Kana avvob, seness munass tuõb mato. Mitä siä tahod, sitä tämä leeb sillõõ kantamaa. Enäpää kõlmõõ vootta kase mato eb elä. Siz piäb tappaa. A ku eb tapa, tämä põlõtab koo». Cen millõõ juttõli, õli venäläin staruha. Tämä võtti rikkõ munnaa. Syämmez õli niku konnaa kul'ttsu. Vot, millõõ staruha juttõli: «Yli kõlmõõ vuuvvõõ teeb kukkõ munnaa. I vähä cen kast munnaa näeb». Nagrazimma: «Vot, kukkõ teci munnaa!»¹⁵⁵

Võin sillõõ juolla, etti mie ize näin lemmyssie, kui lenti, niku lintu yöll. Tulinõ. Siz lahkuab. Picält takan ripub piccä äntä. Vad'd'alaizõd pajattivad sitä viittä, etti tämä tuob leipeä ili mitä siel kannab. Nähtii, etti lentii¹⁵⁶.

Lemmuz cäysi yhtee talloo, kuza Tan'a on sõkkõa. Näväd eväd cenniid juõltu, a väci näci. Möö toož Kat'aakaa Petrovaakaa näimmä. Kahtõššõmõtta tunnia öötä niku mato tulin tuli. Tämä õli piccä. Övvõõsõõ tuli, lentii. Mitä vei, mitä teci, möö emm tää. Ain juõltii, što dobraa kannab¹⁵⁷.

У нас в этом доме был *леммюз*. *Леммюз* — это змея. Огненная змея летает, словно лента. Петух сносит яйцо через три года. Он в такое место сносит, где не найти. Никто не находит. Его яйцо, как яйцо птицы, белое. Такое большое, словно яйцо птицы. Возьми яйцо, положи под курицу. И из этого яйца будет змея. Эта змея будет три года жить. Три года будет приносить всякое добро. Если не убьешь через три года, тогда тебя сожжет и дом сожжет.

Мне петух снес яйцо. Я отводила коз в стадо. А петух там кудахтал «как, как, как». Я иду домой, а на опилках яйцо, белое. Такое большое, размером до конца пальца. Я взяла это яйцо. Пошла к одной старухе. Она мне и говорит: «У тебя посажена курица высиживать цыпленка. Положи под курицу это яйцо. Курица высидит, из этого яйца появится змея. Чего ты хочешь, то она будет тебе носить. Больше трех лет эта змея не живет. Затем нужно убить. А если не убьешь, она сожжет дом». Которая мне рассказывала, была русская старуха. Она взяла и разбила яйцо. Внутри была словно икра лягушки. Вот, мне старуха сказала: «Через три года петух сносит яйцо. И мало кто это яйцо видит». Мы смеялись: «Вот, петух снес яйцо!»

Я могу тебе сказать, что я сама видела *леммюза*, когда летел, словно лента ночью. Огненный. Затем растворился. Позади длинного (тела) болтается длинный хвост. Вожане рассказывали так, что он приносит хлеб или чего там носит. Видели, что летел.

Леммюз ходил в один дом, где слепая Таня. Они никому не сказали, а народ видел. Мы тоже с Катей Петровой видели. В двенадцать часов ночи словно огненная змея шла. Она была длинная. Во двор пришла, прилетела. Что принесла, что сделала, мы не знаем. Все говорили, что добро (вещи) носит.

Lemmyz antõ mõnikkaalõõ rikkahussa. Vanad uskozivad, etti kultazõõkaa ännäakaa. Täm sinne vei rikkahussa sussedalõõ. Oi, ku eglee lenti lennoz kultazõõkaa ännäakaa!¹⁵⁸

Para kutsuttii. Mõnikkaal toi dobraa. A mõnikkaalt vei viimezee poiza. Mälehtän, täti näytti millõõ yhs kõrt. Tämä lenti niku tulõkaz õli. Õli kõik tulõõ voimõz. Niku tulõõkaa lenti mokoma¹⁵⁹.

Domovikka õli koton. A veez õli haltiaz, vesi-haltiaz. Õli i mettsähaltiaz. Ennee veel jutõltii meillä: se talo eläb rikkaapassi muita. Siz jutõltii: «Sihee talloo para kannab». Vanallaikaa jutõltii: «Para kumpaa talloa suvvaab, sihee talloo toob, vai sihee talloo kannab. A kumpaa talloa eb suvva, senee taloo põlõtab». Ennee jutõltii vanad mehed¹⁶⁰.

Ennee kutsuttii para. Yhess taloss, kumpa eb näyttii, sielt võtti dobraa. A tõisõõ, kump näyttiz, sinne vei. Pimmiäll lenti. Niku tähti tokku. A nyd bõõ paraa nii mit-tää¹⁶¹.

Lemmuz, tämä õli niku lintu. Kuza tämä päivällä õli, en tääg, a õhtogonna lenteli niku lintu tullõõ viisii. Tämä kantõ kõikkõa. Kassen õli lemmuz med'd'ee cylzä¹⁶².

Леммюз носил многим богатство. Старики верили, что с золотым хвостом. Он туда относил богатство соседу. Ой, как вчера летел с золотым хвостом!

Пáра звали. Многим приносил добро (вещи). А от многих уносил последнее. Помню, тетя показывала мне один раз. Он летел, словно огненный был. Был весь в огненной силе. Словно с огнем летел — такой.

Домовик был дома. А в воде был дух, водяной дух. Был и лесной дух. Раньше еще говорили у нас: «Этот дом живет богаче других». Тогда говорили: «В тот дом *пáра* носит». В старину говорили: «*Пáра* который дом любит, в тот дом приносит, или в тот дом носит. А который дом не любит, тот дом сожжет». Раньше говорили старики.

Раньше звали *пáра*. Из одного дома, который не нравился, оттуда брал добро. А в другой, который понравился, туда относил. В темноте летал. Словно звезда падал. А сейчас нет *пáра*, ничего нет.

Леммюз, он был как птица. Где он днем был, не знаю, а вечером летал, словно птица, по-огненному. Он носил всякое. Здесь был *леммюз* в нашей деревне.

Lemmyhsed ovad mokomad saatanad. Kast ain tolkutti yhs tyttärikkõin. Tämä õli minuu sukulain, kump õli piikann. Õli piikanna, i vot tämä tääsi lemmyss. Perennain kõikk tyhjäd piimää paad pani lavvalõõ põhjad päälee. Oomniz meneb, lehmäd lyhsämättä, a piimää kõik kõhad täynää.

Tämä õli kuulu, piika se, ku paõd äcee, paõd vassaa värjää. I vot ko tuleb lyhsämää lehmää, tämä lyhzäb äcee piitä. I eb pääze lyhsämää lehmii.

Ku lemmyz toob, pääll on piimä, a all on ver.¹⁶³

Lemmyz kantõ piimää, sitä pajatattii. Kummalõõ perennaizõlõõ kantõ. Rihenettee pani paad i kantõ, täytee. Meill õli virolain trenki. Perennaa pani paad, a tämä kukõrti paad. Lemmyz tuli, a paad kukõrtõttu. I lahci sillalõõ piimää. Baabinaz õli. Tämä juttõli: «Minuu perennaizõlõõ kannab lemmyz piimää. Vot, mie kukõrtin». Lemmyz, juõllass, inemiin õli. Tämä eb tullu päivällä. Tuli cehs-õöllä. Tämä niku paha voima on¹⁶⁴.

Meil yhtee talloo ain para kanti piimää. Õltii paad pantu valmiissi. Ja sinne para kanti piimää. A näill õli trengi. Se võtti, paad pani kõik kummullaa. Para tõi piimää, a paad kõik kummullaa. Piimä meni kõik maalõõ¹⁶⁵.

— Mikä oli para?

— Oli meilläkki. Para kanto. Minuu taatta oli noor poik. Tuli kyläss. Ja yhess majass para lypsi lehmää. Uhzee ruckass tempo piimää. Siz hää läkáz kylää meehille: ”Mie näin mokomaa Osipaa taloz”.¹⁶⁶

Леммюзы — это такие черти. Это все рассказала одна девочка. Это моя родственница, которая была служанкой. Была служанкой, и вот она знала о *леммюзе*. Хозяйка поставила все пустые молочные горшки на стол дном кверху. Утром приходит, коровы не подоены, а молоком все места (горшки) полны.

Она слышала, служанка эта, когда кладешь борону, то кладешь вверх тор-машками. И вот когда придет (*леммюз*) доить корову, то подоит зубцы бороны. И не сможет доить коров.

Когда *леммюз* приносит, (то) наверху молоко, а внизу кровь.

Леммюз носил молоко, так говорили. Одной хозяйке носил. В сени ставил горшки и носил, наполнял. У нас был эстонский рабочий. Хозяйка поставила горшки, а он перевернул горшки. *Леммюз* пришел, а горшки опрокинуты. И вылил на пол молоко. В Бабино было. Он говорил: «Моей хозяйке носит *леммюз* молоко. Вот, я опрокинул». *Леммюз*, говорят, человек был. Он не приходил днем. Приходил в полночь. Он как нечистая сила.

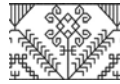
У нас в один дом все время *пáра* носил молоко. Были горшки поставлены наготове. И туда *пáра* носил молоко. А у них был рабочий. Он взял, все горшки опрокинул. *Пáра* принес молоко, а горшки все опрокинуты. Молоко все пролилось на пол.

Что такое *пáра*?

— И у нас было. *Пáра* носил. Мой папа был молодой парень. Идет из деревни. И в одном доме *пáра* доил корову. Из дверной ручки тащил молоко. Тогда он сказал деревенским мужикам: «Я видел такое в доме Осипа».

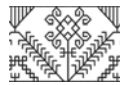

Meill kutsuttii para. Myy yhskõrt näimme. Tämä lentii. Õli niku piccä. Tulinõ i piccä õli. Õli tämä taivaall, vai yllääll lentii. Jutõltii: para kannab. Myy cäimme iltaa issumõz. Siz se nainõ pani roopaa õhtogoss ahjoo. A oomnikoss nõisi ylleelee. Kahtõ tyttöä ajõ ylleelee. Siz näytti senee paa, rooppapaa. Kõikk õli syyty. Se para sei¹⁶⁷.

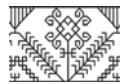
Lemmuz õli. Kase mokomad koldunad õlivad suurõd. Lensiväd, kantõvad lemmuhsõd piimää, leipää, kasta kõiccia. Tämä õli niku lintu. A takkaa õli niku pataluzikka. Tämä issuub õvvõõ, sinne kõicci jätäb, a izeg lennab poiz. Miä en tääg kuza tämä eläb. Peremmeez võtab kõicci enelee, piimäd leiväd.

Peremmeez vei roopaa sinneg. Tõinõ meez tuli da sei roopaa. Lemmuz syätyje i enäp eb tullug kasta leipää i piimää toomaa¹⁶⁸.

Myy emmäg nähnyyd lemmussa. Tantsimaa cäytii magazei ettee. Siiz näimmä. Lennab takkaa niku pataluzikka. Koominaa lennab i siält võtab leipää siiz. Leivää võtab i tõizõlõõ viib, kumpa suuri kolduna on.

Tällee piäb veejäg rooppaa. Kase kolduna i cihutab roopaa. Siz peremmehelt koldunalõõ toob leipää. Siz lennab poiz, ku eb tehtyg rooppaa¹⁶⁹.

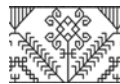
Lemmyz lentii. Kantõ kottoo. Rikkailt võtti, kantõ köyhhää talloo. Nõd'd'alõõ kantõ. Trubaasõõ laskõuz, niku tulinõ šara. Piti sööttää. Ku eb sötetty, siz põlõtti koo.

Perennain vei rooppaa tõisõõ rihhee lemmyssellee. Trenki vaattõ, etti on makuza yvä rooppa. Sei i sittu pattaa. Lemmyz tuli, vaattõ i põlõtti koo¹⁷⁰.

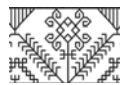

У нас называли *nápa*. Мы один раз видели. Он летел. Был такой длинный. Огненный и длинный был. Был он на небе или поверху летел. Говорили: *nápa* несет. Мы ходили на вечерние посиделки. Тогда женщина поставила кашу вечером в печь. А утром поднялась. Двух дочерей подняла. Потом показала тот горшок, горшок каши. Все было съедено. Это *nápa* съел.

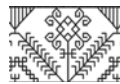
Леммюз был. Это такие колдуны были большие. Летали, носили *леммюзы* молоко, хлеб, всякое такое. Он был словно птица. А позади была, как поварешка. Он садится на двор, там все оставляет, а сам улетает. Я не знаю, где он живет. Хозяин берет все себе — молоко, хлеб.

Хозяин отнес туда кашу. Другой мужик пришел и съел кашу. *Леммюз* рассердился и больше не принес ни хлеба, ни молока.

Мы не видели *леммюза*. Танцевать ходили перед магазином. Тогда увидели. Летит, позади, как поварешка. В гумно летит, и оттуда забирает хлеб. Хлеб берет и другому относит, который (из двух) большой колдун.

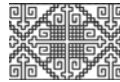
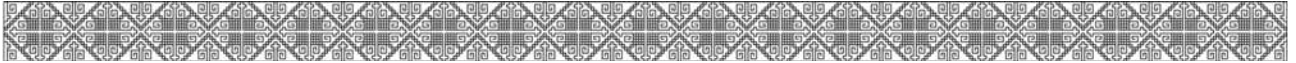
Ему (*леммюзу*) нужно относить кашу. Этот колдун и варит кашу. Тогда от хозяина к колдуну носит хлеб. И улетает, если не сделана каша.

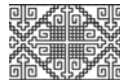
Леммюз летал. Носил в дом. От богатых брал, носил в бедный дом. Ведьме носил. В трубу спускался, словно огненный шар. Нужно было кормить. Если не накормлен, тогда сжигал дом.

Хозяйка принесла кашу в другую избу *леммюзу*. Рабочий увидел, что это вкусная хорошая каша. Съел и нагадил в горшок. *Леммюз* пришел, увидел и сжег дом.

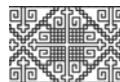
Para sihhee talloo kannab. Daaže möö'mm uskonnun. Kumpaa talloo kannab, siz tehää yvvää rooppaa. Veejää rihee pääl. Yhs võtti sei rooppaa i sihhee sittu. A siz para põlõtti koo. Taitaa tulõkkaan õli¹⁷¹.

Paraa uzgottii. Para ize synty. Paraa eb tehty. Para kantõ, mitä sai, võita i kõikkõa. Yhez taloz äviz, a tõisõõ taloo lisähyz.

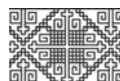
Yhez taloz perennain aina vei latilõõ syymiss. Syytti paraa. Trengi õli syynyd rooppaa vällää i õli sittunud rooppaa laatkoo. Ja para tuli. Nõisi syymää. Katsob, on sitta. Trengi vassaab: «Kas on rooppa». Trengi issuuz latii äärelee. Jalgad pani rippumaa. Ja para toukkaz tämää latilt maalõõ.

Meill ain kannii pajatõttii: «Kui pimmiä, siz näed». Pimmiäll lentäz niku tulicerä. Lahsõnn ize näin. Ämmä kal'l'u: «Tulkaa katsomaa! Para lentääb! Para lentääb!» Myy kõikii johzimme katsomaa. Niku kulta-cerä õli¹⁷².

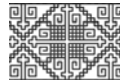
Meill jutõltii nii: «Kummaz taloz niku pal'l'o dobraa tuli yht perrää, jott niku para kanti».

Tämä siz riigaa latill syytti parraa. Vei sinne rooppaa laatkookaa. Se trengi meni, sei rooppaa vällää i sittu sinne laatkoo. Nyd tuli para, juttõõb: «Kakk!» A trengi vassaab: «Puppu». Para tuli issuuz riigaa latillõ, jalgad pani rissii. Trengi takant i toukkaz, i para tokku maalõõ. Siz issuuz trengi paraa sihalõõ. A hogõb paralõõ ain: «Võta yhs jalk! Võta tõinõ!» Para ko hyppi, võtti ciin jalgõss, ja tõmpaz trengii maalõõ¹⁷³.

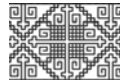

Lemmuhsõd lenteliväd mokomad. Pajattivad med'd'ee cyläzä õli starikka, tääsi mikälee. I buttobõ tällää õli lemmuz. Starikka kantõ riigaasõõ syyvväg. Tämä vei õh-tagona. A tällää õli trengi. Trengi näci, meni ööllä, sei, mitä tämä vei. A kuza õli, sinneg sittu caškaasõõ. Lemmuz tuli ööllä, sennee starikkaa väitteli akkunassa kujalõõ i vei progonalõõ. A progonalla starikalla õli suur koira kahsiõõ silmijeekaa. Koira näci i võtti lemmuhsõlta caessä poiz¹⁷⁴.

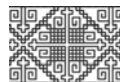
Пáра в тот дом носит. Мы даже не верили. В какой дом носит, то (там) делают хорошую кашу. Относят на чердак. Один (человек) взял, съел кашу и нагадил туда. И тогда *пáра* сжег дом. Наверно, огненным был.

В *пáра* верили. *Пáра* сам рождался. *Пáра* не сделан. *Пáра* носил, что доставал, масло и всякое. В одном доме пропадало, а в другом доме прибавлялось.

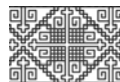
В одном доме хозяйка все время относил на настил из жердей еду. Кормила *пáра*. Рабочий съел кашу и нагадил в горшок из-под каши. И пришел *пáра*. Стал есть. Смотрит: это дерьмо. Рабочий отвечает: «Это каша». Рабочий сел на край настила. Ноги свесил. И *пáра* толкнул его с настила на землю.

У нас всё так говорили: «Как темно, тогда увидишь». В темноте летел, словно огненный клубок. Ребенком сама видела. Бабушка кричала: «Идите смотреть! *Пáра* летит! *Пáра* летит!». Мы все бежали смотреть. Слово золотой клубок был.

У нас говорили так: «В каком доме много добра прибыло — все равно, что *пáра* наносил».

Она (хозяйка) тогда на жердном настиле риги кормила *пáра*. Отнесла туда горшок с кашей. Рабочий пришел, съел кашу и нагадил в тот горшок. Вот пришел *пáра*, говорит: «Лепешка!». А рабочий отвечает: «Кашка». *Пáра* пришел и сел на жердный настил, ноги крест-накрест. Рабочий сзади толкнул, и *пáра* упал на пол. Потом рабочий сел на место *пáра*. А всё твердит *пáра*: «Возьми одну ногу! Возьми вторую!». *Пáра* как прыгнул, схватил за ногу, и толкнул рабочего на пол.

Леммюзы летали такие. Рассказывали, в нашей деревне был старик, знал что-то. И будто бы у него был *леммюз*. Старик носил в ригу пищу. Он отнес вечером. А у него был рабочий. Рабочий увидел, пошел ночью, съел, что он отнес. А где было, в ту чашку нагадил. *Леммюз* пришел ночью, старика вытащил из окна на улицу и отвел на прогон. А на прогоне у старика была большая собака с двумя глазами. Собака увидела ихватила (старика) из рук *леммюза*.

Yhez taloz oli trengi. Hän näeb aina, što perennain teeb hyvi herkkuja. Siz hän yhskert vahti, kuho se perennain paab ne hyväd herkud. Perennain vei ne hyväd herkud riihe lakka. Siz perennain tuli vällä, a se trengi mäni sinne riihe lakka, d'i sittu kase malja. Para tuli, katsob että kase maljaz on sitta koko, d'i pani riihe palama, d'i enepä eb konsakki tullud.

Para niku lintu lentib. Itsiä hänt eb näy, kipunad vaa lennettäz. Hän kannab kaikkia¹⁷⁵.

— Ölöttako parra nähny?

— Parra en ölö nähny. A õõn kuullu sitä juttua, što para kannõb. Ja siz cyzyb ain tyyd. A ku kõik täll on tehty, siz para peremmeez juttõõb: «Mee mere ranta! Tee, puno liivassa rihma!» Siz meni poiz. Nytt enäpii mokomii inemiisii böõ¹⁷⁶.

В одном доме жил рабочий. Он все время видел, что хозяйка делает хорошие угощения. Он однажды подсторожил, куда хозяйка кладет эти хорошие лакомства. Хозяйка отнесла эти хорошие угощения на чердак. Потом хозяйка ушла, а этот рабочий пошел на чердак да и нагадил в эту миску. Пришел *пáра*, смотрит, что в миска дерьма полно, да и поджег дом, и больше никогда не приходил.

Пáра словно птица летает. Самого не видно, искры лишь летают. Он носит всякое.

— Вы видели *Пáра*?

— *Пáра* я не видела. А я слышала такой разговор, что *Пáра* носит. А затем спрашивает всё работу. А когда у него всё сделано, тогда хозяин говорит *пáра*: «Иди на берег моря! Сделай, сплети из песка веревку!». Тогда уходит прочь. Сейчас больше таких людей нет.

Kalmolaizõd

Nytt enäpïi mokomii inemiisii bõõ. Nytt eb õõ i kalmonikka. Se cäi ain kalmoill¹⁷⁷.

Кладбищенские духи

Сейчас больше таких людей нет. Сейчас нет и кладбищенского духа. Этот ходил всё по кладбищу.

Miä teilee pajatan. Miä õlin severiz. Mill kooli meez. Kõõz tämä õli koolla, siz miä õlin kuhviz. A tämä õli komnattiz, makkaasõll. I vot, miä kuultaan, cenneek pajatab. Miä meen komnattiisõõ. Cyzyn tält: «Cenneek sie pajatad?» A tam millõõ vassaab: «Poigaakaa». A miä juttõõn: «Kui sie pajatad poigaakaa? Tam on koollu». A tam millõõ vassaab: «Näit on siin pal'lo». Ceeli jäi vällää. Kooli. Poika tuli võttamaa vassaa. I millõõ naizõd pajatattii : «Elä eittää tämmää tilalõõ kuus näтелиä».

Bõllu kuutta näтелиä, a miä võtin makazin. Kuileeb kalttõzin tämmää sihalõõ. A miä ležin bokall. Niku katti issuub kasse paikkaa kaglalõõ. Miä duumaan, miä tämmää tõukkaan kaglass vällää. Bõllu cettäid. A millõõ niku cäsi pantii bokkaa päälee. Mie võtin cäellä, onko karvõn vai lakkõa cäsi? A õli kehno cäsi - sõrmõd picäd, cyyned picäd. A cäsi õli sooja. A siz miä kokonõõ en tõhtinnu nõisa. Nii eittyzin¹⁷⁸.

Vot, minuu isä pajatti. Tämä õli cerikkoz storozinn. I cerikkoz i makazi. I cellää lei. Yhesää tunnia õhtagonn alkõ i nellä tunnia lõpõtti. Graafaa tytär kooli. Õli tootu cerikkoo grobaakaa. Tämä 'b pellänny. Tämmää piti kahstõõõmõtt lyvvä. Siz hoorõll buttõõ cenniid tanttsimaa nõisi. Tantsittii, tantsittii. I siz vizgattii yleelt tälle maalõõ suur lauta. Tämä yppi vaattamaa. Ei lauta bõllu, ei mitäid.

Yhskõrt cenniid cäyb cerikkua möõ. A bõlõ cetäid. Tämä lampuukaa vaatab. Tämä tahtõ cellää lyvvä. Võib õlla, što varkaad. A bõlõ cetäid¹⁷⁹.

Я вам расскажу. Я была на севере. У меня умер муж. Когда он умирал, я была на кухне. А он был в комнате, на кровати. И вот, я слышу, с кем-то разговаривает. Я иду в комнату. Спрашиваю у него: «С кем ты говоришь?» А он мне отвечает: «С сыном». А я говорю: «Как ты разговариваешь с сыном? Он умер». А он мне отвечает: «Их здесь много». Речь остановилась. Умер. Сын пришел забрать. И мне женщины говорили: «Не ложись на его постель шесть недель».

Не прошло шесть недель, а я взяла и легла спать. Как-то сдвинулась на его сторону. А я лежу на боку. Словно кошка садится в это место на шею. Я думаю, я толкну ее с шеи. Не было никого. А мне словно рука легла на бок. Я взяла рукой, мохнатая или гладкая ли рука? А была плохая рука — длинные пальцы, длинные ногти. А рука была теплая. И потом я всю ночь не смогла встать. Так испугалась.

Вот, мой отец рассказывал. Он был в церкви сторожем. В церкви и спал. И в колокол бил. В восемь часов вечера начинал и в четыре заканчивал. Дочка графа умерла. Принесли в церковь с гробом. Он не испугался. Ему надо было восемнадцать бить. Потом на хорах будто бы кто-то танцевать начал. Танцевали, танцевали. И потом бросили сверху к нему на пол большую доску. Он подбежал посмотреть. Доски не было, ничего.

Однажды кто-то ходил по церкви. А никого не было. Он с лампой посмотрел, хотел в колокол бить. Может быть, что воры. А никого не было.

Metsäähaltiaad

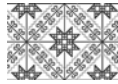
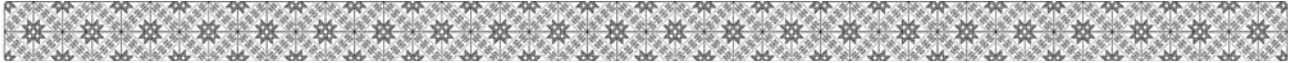

Mettsäz, kui tulõd pahapoolõõ jälciläilee, siz veeb sinnua cort täab kuhhõõ. Mattautii cyläz õli pojokkõin, tämä õli karjuššinn. Tämä puuttu tooš pahhaa jäliliilõõ. I tämä meni Nepovaasõõ faabrikalõõ. A ku meni, silmiiz näytti ain lehmii takkaa. A lehmää böllu. I vot, jälled cäänettii, i tämä cäänti. A siz tämä jo jäi yhsnäa sohhõõ. A siel sihhee aikaa õlivad man'ervat kunikaa aikann. Siz näci, što voisko on, i meni soldattid'd'ee tyvvee. Nii pääs vällää. Siel õli tuttava, õli Kattilall elänny. Se võtti tämmää i *отправил* Veimarskoisõõ¹⁸⁰.

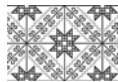
Лесные духи-«хозяева»

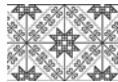
В лесу, если попадешь в чертов след, то отправит тебя черт куда знает. В деревне Матовке был мальчик, он был пастухом. Он тоже попал в чертовы следы. И ушел в Неппово на фабрику. А когда он шел, виделось все время, (что) коровы сзади. А коровы не было. И вот следы повернули, и он повернул. А потом он уже остался один в болоте. А там в то время были маневры в царское время. Тогда увидел, что это войско, и пошел к солдатам. Так и выбрался. Там был знакомый, жил в Котлах. Он взял его и отправил в Веймарн.

Mikä silmiiz näyttäyb inehmiizelee? Mill õli kahstõšsemett vootta. Mie tulin õncimassa, i vot, tulin jo nurmõõ allaa. I millõõ näyttäyz silmiiz, što eez minnua kerääjä *очутился*. Bõllu, bõllu inehmiss, i *вдруг* jõutu. Mie eittyzin. Õli jo õhtago, päivää laskõumiin. Duumazin, kui inehmiin jõutu? I äviz. Bõllu mittäid enäp. Kottoo johzin, õlin musõnnu. Kotonn cysyäs: «Mitä sie eittyzid?» Siz en võinnu juõlla järkeäss. Minuttia viis meni, siz juttõlin, miltein az'z'a õli¹⁸¹.

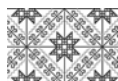

Haltiaa, jutõltii, õli mettsäzä. Kanavaa äärez nõisi maassa ylez niku inemine valkaad sõvad päällä. I siin samaz ävizi. Jutõltii, što se cuudib mettsä-altiaz¹⁸².

Yhskert mejje maama läküz: «Menimmä mettsä karpolo!» Vot, menimma karpolo hoomnikoll. Varra mänti karpolo. No vot, meemm. Soon pääl äänelt iteb inimäin. No mitä nyd? Tarviz etez mennä. Seel on marja pal'l'o. A ken se on seel? Kui sie rohid männ? Siz yhs toizell saob, što noizemm lukemaa Occea. Noizemma lukema Occea. Teemmä rissia ettee. Myy noizimma ylleell varra, i pessimättä i rissimättä tulimma mettsä. Nädku, entin väki. Nii, rissimättä tulimma mettsä. Noizimma rissimä i noizimma Occea lukema. «Ah, vot, arvazitta!», — sano i häviz.

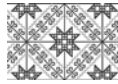
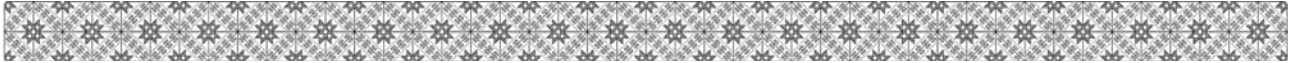
I näkiväd toož. Näkiväd! Inimäin, inimäin, naiz-eläj. Nii pitki hiussiika inimäin. Nii naiz-eläj. A siz häviz¹⁸³.

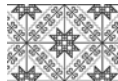
Mettsäzä õli pahhaa voima. Puuttuzid tämmää jälceese, siz menid tämmää takann kaugõss. Minuu baba pajatti. Tämä õli Järvelt. Järvigoiscyläz staruha õli yhsinää. Tämä meni mettsää. Meni obahkaasõõ i õhsy. Meni pahhaa jällelee. Kuus näтелиä õli mettsäz. Kõõz tätä levvettii, siz õli lehmää sitta põvvi täyn. Tuli kottoosõõ. Unukkõilõõ juttõõb: mie *сейчас* annan teilee valkõata bulkkaa. Nõis antamaa põvvõssa. A siäll õltii kuivad lehmää sitad. Siz tämä nõis itkõmaa. I juttõõb: «Kuus näтелиä sein lehmää sittaa. A pahhaa voima antõ millõõ bulkkaa. Kui siz puuttuzivad kane millõõ põvvõõsõõ? Minnua söötettii leivääkaa».

Staruha õli pooltõiss kuuta mettsäzä. Kotonna kaugaa eb elänny. Ciireess kooli. Pahhaa voima se on cort¹⁸⁴.

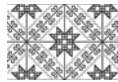

Что видится людям? Мне было двенадцать лет. Я шел с рыбалки, и вот шел уже внизу луга. И мне показалось, что впереди меня нищий очутился. Не было, не было человека, и вдруг появился. Я испугался. Был уже вечер, закат солнца. Думал, как человек появился? И пропал. Не было ничего больше. Прибежал домой, почернел. Дома спрашивают: «Чего ты испугался?» Тогда не мог сказать сразу. Минут пять прошло, тогда рассказал, как дело было.

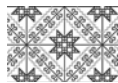

Дух, говорили, был в лесу. На краю канавы из земли стал подниматься, словно человек в белых одеждах. И тут же пропал. Говорили, что это «чудит» лесной дух.

Однажды наша мама сказала: «Пошли в лес за клюквой». Вот пошли за клюквой утром. Рано пошли за клюквой. Ну вот, идем. На болоте навзрыд плачет человек. Ну что теперь? Нужно вперед идти. Там ягод много. А кто это там? Как ты осмелишься идти? Тогда одна другой говорит, что будем читать Отче наш. Стали читать Отче наш. Крестим перед собой. Мы встали рано и, не помывшись и не покрестившись, пошли в лес. Видишь, какой прежний народ. Да, не покрестившись, пошли в лес. Стали креститься и стали Отче наш читать. «Ай, вот, догадались», — сказала и пропала.

И они видели тоже. Видели! Человек, человек, женское существо. С такими длинными волосами человек. Такое женское существо. А потом пропала.

В лесу была злая сила. Если попал в ее след, тогда пойдешь вслед за ней долго. Моя бабушка рассказывала. Она была из Бабино. В Бабино старуха одна была. Она пошла в лес. Пошла за грибами и заблудилась. Попала в чертов след. Шесть недель была в лесу. Когда ее нашли, то полная пазуха была коровьих лепешек. Пришла домой. Внукам говорит: я сейчас дам вам белой булки. Стала давать из пазухи. А там были сухие коровьи лепешки. Тогда она стала плакать. И говорит: «Шесть недель ела коровьи лепешки. А злая сила дала мне булки. Как они попали мне за пазуху? Меня кормили хлебом».

Старуха была полтора месяца в лесу. Дома долго не прожила. Вскоре умерла. Злая сила это черт.

Pahapool on syntynny mettsäz. A seneperäss, što tämä on metsää peremmeez. Mettsää meed i öhzyd. Pahapool öhzytäb. Cäyb, häyläab mettsäzä. Pahalain i pahapool juõltii. Cen õli ohsynny, tämä ohzytti. Meill yhs naizikko õli öhsynny. Tämä juttõli: «Mokomad naizõd i pahapool õlivad»¹⁸⁵.

Mettsää mened, pahhaa jällele puutud. Õli metts-emä. Kast paraiko uskuass. Mat-tautii cyläz on starikka, kumpa cäänäb jälled. Tämä on venäläin. Meill õli opõn ävinny. I Davitka cäänti jälled. Piti vijjä val'l'aat sinne.

Maa-emä, maa-isä häilääväd mettsää möö. Maa-emä, metts-emä kutsub lahsai: «Tulõ! tulõ!» Ja veeb õmmaa koo tyvvee.

Meez-eläjä on parap. Meez-eläjä jätäb. A naiz-eläjä veeb õmmaa kottoosõõ.

Meez lähsi saunaasõõ i meni tõisõõ gubern'aa. Siz cäänettii jälled. I taaz tuli kot-too¹⁸⁶.

Merellä eb viipattu. Ain mettsäz viipattii. Gribaz ciiree viippaab. A marjaz eb nii ciiree. Taitaa pahaa jällele puuttu. I viippaz. Izze taaz pääsi teelle. A Mar'o baba kahs päivää õli mettsäzä. Jumalaa böllu meezezä. A ku jumala tuli meelee, nii pääsi teelle¹⁸⁷.

— Mitä tääd pajattaa viippaamizõssa?

— Yhs staruha juttõli, pajatti, što vunukka ajõ tõisõõ cyllää tädillee mitälee cysymää. I tämä meni sinne. Meni. Ootõllaa. Eb õõ. Kuza tämä on? Siz mentii sinne cylääka ettsimää. A tämä ain meeb mettsää myy. Siz võtõttii tätä ciin. I jutõllaa tällee: «Kuhõõ sie meed?» — «A minnuu ain kutsutaa, tuõ tänne! Tuõ tänne! I miä perrää meen. Ain viippaab». Se on viippaamiin¹⁸⁸.

Черт (злая сила) родился в лесу. А потому, что он хозяин леса. В лес пойдешь и заблудишься. Черт заблудит. Ходит, бродит в лесу. *Пахалайн* и *паханоол* говорили. Кто заблудился — он (черт) заблудил. У нас одна девушка заблудилась. Она говорила: «Этакие женщины и черт были». Словно женщины они были.

В лес пойдешь, в чертов след попадешь. Была мать леса. В нее сейчас верят. В Матовке есть старик, который поворачивает следы. Он русский. У нас пропала лошадь. И Давитка повернул следы. Нужно было отнести узду туда.

Мать земли, отец земли бродят по лесу. Мать земли, мать леса зазывает детей: «Иди! Иди!» И уводит к своему дому.

Мужское существо лучше. Мужское существо оставляет. А женское существо отводит в свой дом.

Мужик пошел в баню и ушел в другую губернию. Тогда повернули следы. И опять пришел домой.

На море не «зазывало». Только в лесу «зазывали». Когда за грибами (идешь), то быстро «зазывает». А когда за ягодами, то не так быстро. Наверно, в чертов след попала. И «зазывало». Сама опять выбралась на дорогу. А баба Маша два дня была в лесу. Бога не было на уме. А как Бог пришел на ум, тогда выбралась на дорогу.

— Что ты можешь рассказать о «зазывании»?

— Одна старуха говорила, рассказывала, что внук поехал в другую деревню к тете что-то попросить. И он поехал туда. Уехал. Ждут. Нет. Где он? Тогда отправились туда деревней искать. А он все ходит по лесу. Тогда схватили его и говорят ему: «Куда ты идешь?» — «А меня всё зовут, иди сюда! Иди сюда! И я за зовом иду. Всё зазывает». Это есть «зазывание».

— Mikä on, mettsä viippaz?

— Mettsä viippaz. Meni mettsää i öhsy. Paha jälciill puuttu. Meill yhs meez öhsy, i sinne jäi.

Meillä ennee jutöltii nii: «Ku öhzyd, viskaa sõvad päält poiz, ja väänä murnippäi». Mõnikaz siz pääsi¹⁸⁹.

Ku menid mettsää, siiz ain jutöltii: «Katso! Elä tallaa pahaa jällee pääl. To paha veeb!» A ku öhsyzid, siz ain cähzittii issuussa i vajõltaa sõvad tõizippää murnippäi panna. Siz tuõd. Siz pääzed õmal teel takann.

A miä yhskert öhsyzin. Siin yli jõgõõ õli pikkarain metts. Poolaaz õlimm. Ämmä de täti tultii kottoo, a niku miä kui jäin siäl yhtee marjaa. Mie õõn tääl Kuruz. Sitä kõhtaa meil kutsuttii, Kuru, Kuruu-kuuzõzikkoz. Öhsyzin, en pääz poiz. Hot! Siin samaz ymper sitä jo, jo, meen ja kuza miä õõn õllu. Miä siitä paikkaa lähzin. Noo nytt meen kannii kõhtii. Taas tuõn sihhee kõhtaa. Tee mitä tahod! Perrää ennää, tuli hätä jo, miä õlin. Eb pääz poiz. Voo! Näed puuttuzin pahaa jällee päälee i eb laznu poiz. Tee mitä tahod. Siz perrä jo kuulõn ääli. Tultii ettsimää.

«A kuza se paha õli? Mettsäzä?» — «Paha? Paha mettsäz õli». — «Milläin tämä õli?» — «Kui? Cen tätä näci? Cenniid eb nähny. Ved e jumalaa de pahhaa cenniid eb näe. Vaa jutõllaa sitä viisii. Pahhaa inimissä ved näed. A pahhaa entä ed näe, tätä ed näe»¹⁹⁰.

— Что это, «лес зазывал»?

— Лес «зазывал». Пошел в лес и заблудился. В чертовы следы попал. У нас один мужик заблудился, и там остался.

У нас раньше говорили так: «Если заблудился, то сбрось все одежды и переверни наизнанку». Многих это спасло.

Как пойдешь в лес, тогда всё говорили: «Смотри, не наступи на чертов след. А то черт уведет!» А если заблудился, тогда велели сесть и вывернуть одежды наизнанку. Тогда выйдешь. Тогда попадешь на свою дорогу назад.

А я однажды заблудилась. Здесь через речку был маленький лесок. За брусничкой были. Бабушка и тетя вернулись домой, а я осталась в ягоднике. Я была здесь в Куру. Это место у нас так называли, Куру, в ельнике Куру. Заблудилась, не выбраться. Вокруг одного места уже хожу, и, где я была, я из этого места выходила. Но теперь иду в другие места. Опять пришла на то же место. Делай что хочешь! Тогда после этого наступил страх уже. Не выбраться. Вот! Видишь, попала на чертов след, и не отпускал. Делай что хочешь. Позже уже слышу голос. Пришли искать.

«А где этот черт был? В лесу?» — «Черт? Черт в лесу был». — «Какой он был?» — «Как? Кто его видел? Никто не видел. Ведь Бога и черта никто не видит. Лишь говорят так. Черт человека видит хорошо, а черта не видишь, его не видишь».

Vesihaltiaad

Jarvi-emä õli naizikko. Täm aina siel veez õli, ei kõõzniid tullu vällää. Cen eb tiitänny, miltein õli. Upotti rahvassa. Sinne naizõd eväd uponnuud, mehed uppozivad. Mehhii võtti aina, ja pojokkõisii.

Tuli tunni, meez meni i uppoz. Siz pyvvettii nootalla vällää. Õli taaz jarvi-emä - mehhii võtti.

Mattautill õli jarvi, siell õli meez-eläja. Naisia võtöttii. Kukkora allaa toože naisia võtöttii¹⁹¹.

Водяные духи-«хозяева»

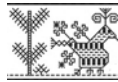
Мать озера была женщина. Она всё время там, в воде была, никогда не выходила. Никто не знал, какая была. Топила народ. Там женщины не тонули, мужчины тонули. Мужчин всегда забирала и мальчиков.

Настал час, мужчина пошел и утонул. Потом вылавливали неводом. Это была опять мать воды — мужчин забирала.

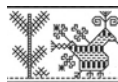
В Матовке было озеро, там был водяной. Женщин забирала. Под Куккора тоже женщин забирала.

Vesi-emä õli. Savvokkalaa jarvõz on vesi-emä. Õli suvi, nättii tätä. On noori naizikko. Tämä civvee pääl leži i suci päätä. Pää on täll niku ihmizell. A ilma jalkoit, niku kala. Kahs naizikka nättii. Ko nättii, kahs-kõm päivää meni, i kahs pojokkõiss upottii. Tämä näyttäyb, kõõz piäb tälle antaa meez. Kahs pojokkõiss võtti¹⁹².

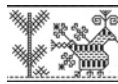

Jarvi-emä õli jarvõza. Täm upotti väccä. Savvokkalaa jarvõz õli naiz-eläjä jarvi-emä, niku inehmiin šolkkõzõz rättez õli. Kassen Syväjarvõz õli meez-eläjä jarvi-isä, šolkkõn kušakka vööl. On nätty, ku nõisi vee päälee.¹⁹³

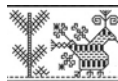

Mie õlin siell karjuššinna. Siiz naizõd siell pajattivad, što on vesihoonod, mid veeväd inemisii. Kahs lassa veetii yhell cessää. I siz nähtii. Siell on tehty jõkkõõ mokoma, kuza võtõtaa vettä. Siz sielt on nähty sitä hoonoa. Se böllu hoono. Se õli suur kala, som. Kahõsaa puudaa õli. Se vei kahs lassa. Böllu vesi-hoono¹⁹⁴.

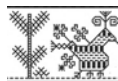

Мать воды была. В Савикинском озере есть мать воды. Было лето, видели ее. Она молодая женщина. Она на камне лежала и расчесывала голову. Голова у нее, как у человека, а без ног, как рыба. Две женщины видели. Как увидели, два-три дня прошло, и два мальчика утонули. Она показывается, когда ей нужно отдать мужчину. Двух мальчиков взяла.

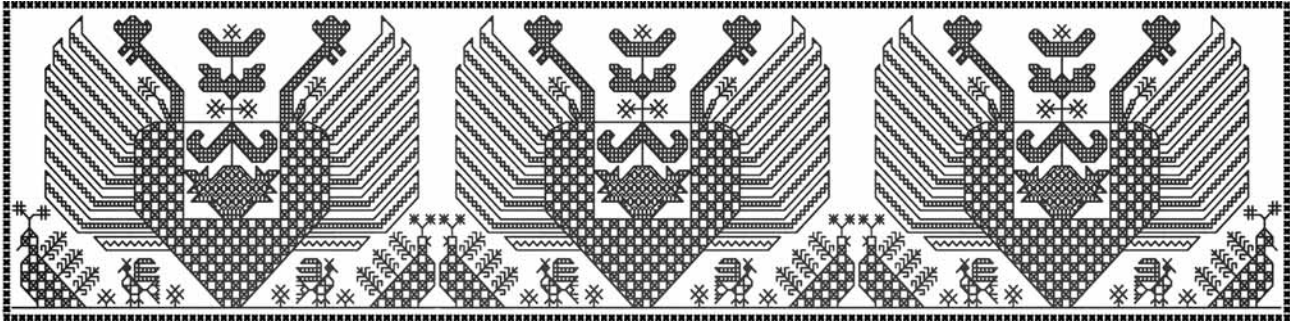

Мать озера была в озере. Она топила народ. В Савикинском озере было женское существо, мать озера, словно человек, в шёлковом платке была. Здесь, в озере Глубоком было мужское существо, отец озера, шёлковый кушак на поясе. Был виден, когда поднялся над водой.

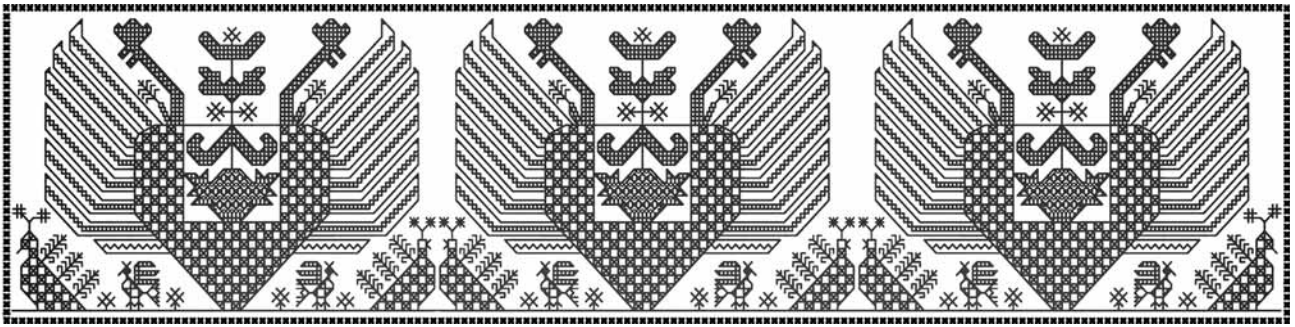
Я был тогда пастухом. Тогда женщины там рассказывали, что есть водяные черти, которые забирают людей. Двух детей забрали в одно лето. И потом видели. Там в реке было сделано такое место, где берут воду. И оттуда видно этого черта. Это не был черт. Это была большая рыба, сом. Восемь пудов был. Он унес двух детей. Не было водяного черта.

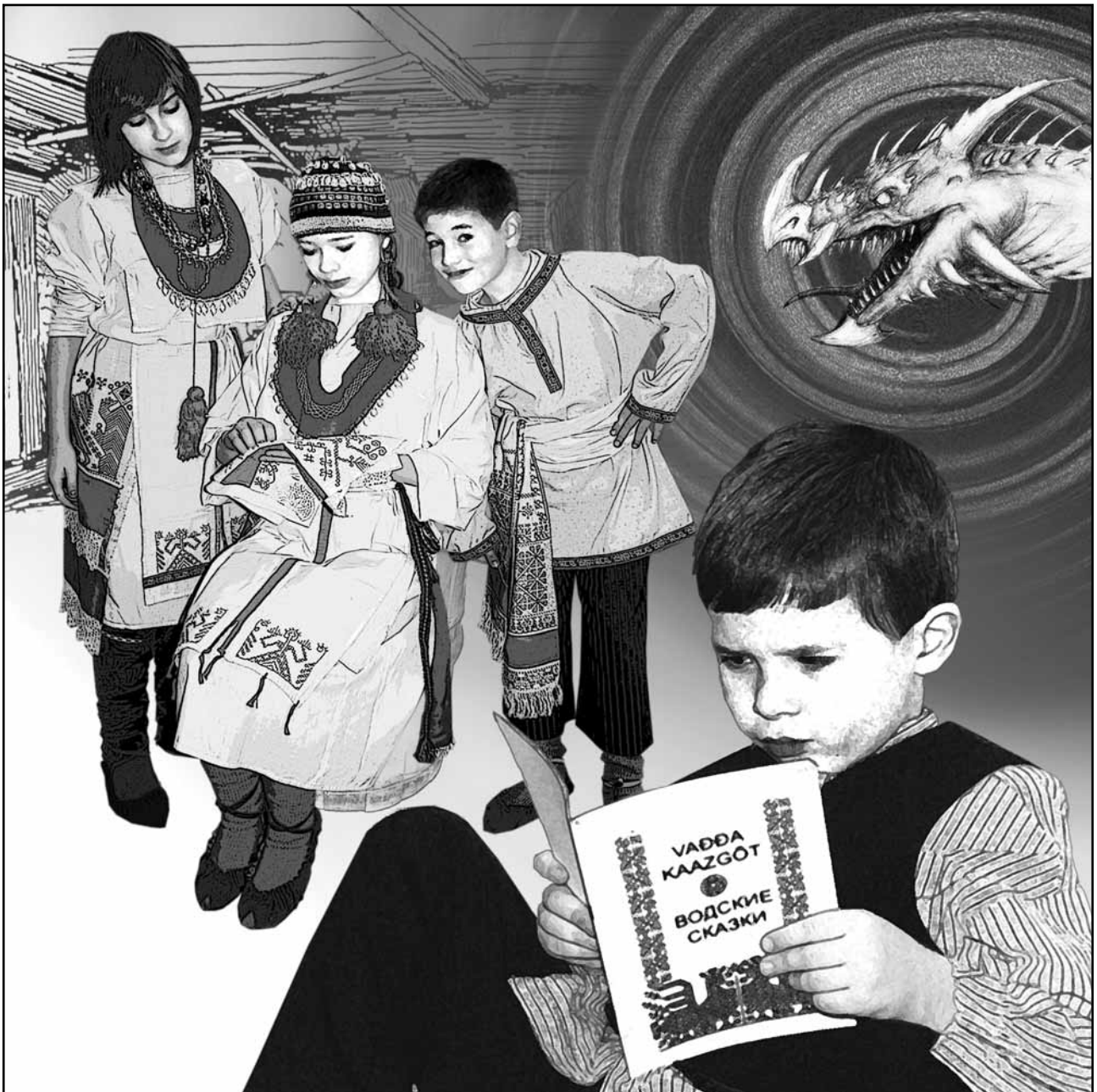

VAD'D'AA RAHVAA KAAZGAD

СКАЗКИ ВОДСКОГО НАРОДА

Ikolookka

Ikolookka vettä joob. Joob jarvõssa i meressä, kuza on kokad. Meil deda nii pajatti, što tytterikko meni kaivolõõ. Ikolookka jõi kaivossa vettä. Jõi tytterikoo yhez, pangõd i kõrõtaa. Siz kuuza onci tytterikko pankõjekaa i kõrõtaakaa.

Ikolookka on eez vihmaa¹⁹⁵.

Siista i Suma

Starikad pajattivad, što Siista jõci i Suma jõci yhess paikkaa lähteväd. Näväd kahõcezze riiteliväd, kumpa pigõpaa jõvvub mereesee. Yks juttõõb, što miä eellä jõvvuu, a tõin juttõõb, što miä eellä sinnua jõvvuu. Suma meni sinneg yhtee poolõõ, a Siista tuli tõisõõ poolõõ. Tuli tänneg. Tahtõ yllee soo mennäg mereesee, a «meree silmäd» eväd laskõnnuud. Siäll on suuri soo. Med'd'e cyllää nalla siäll on seitsee jarvõa, ain kuttsuasõ «meree silmäd». Siz cääntyje tänneg. Meni faabrikkaasõõ. Siz siält cääntyje Namasterii i Vasakkaraa. I meni siit meree.

A Suma siält meni ympärikkua. Siält meri on kaukana. Siz tuli lici faabrikkaa. A siz Siista õli jo mennyg. Tämä siz cääntyje Kattilallõ, siält Räättelää, što pigõpaa jõvvub meree. A siält jarvõd eväd laskõnnuud. Siz tämä Räätteläss cääntyje Undovaa i Vasakkaraasõõ. A siitt õli Siista mennyg. A siz jo yhezä meneväd¹⁹⁶.

Kuusi ja aapa

Nyt pajatõn aavõssõ. Mettsäz kazvi kahs puutõ — iloza kuusi i aapõ. Kuusi juttõõb aavõllõ:

— Siä duumad, što siä iloza. Miä toožõ en õõ ilka. Suvõd i talvõd ain yhtälaajin õõn.

Радуга

Радуга воду пьет. Пьет из озера и моря, где (у нее) есть концы. У нас дед так говорил, что девочка пошла к колодцу. Радуга выпила из колодца воду. Выпила девочку заодно, ведра и коромысло. Вот на Луне и есть девочка с ведрами и коромыслом.

Радуга бывает перед дождем.

Систа и Сума

Старики рассказывали, что Систа-река и Сума-река из одного и того же места текли. Они вдвоем поспорили, кто из них скорее в море попадет. Одна говорит, что я раньше попаду, а другая говорит, что я раньше тебя попаду. Сума пошла туда в одну сторону, а Систа — в другую сторону. Пришла сюда. Хотела через болото идти на море, но «морские глаза» не пустили. Там есть большое болото. Под нашей деревней есть семь озер. Всегда называли «морские глаза». Тогда поворачивает сюда. Идет к фабрике. Потом отсюда поворачивает к Монастырькам и Вассакаре. И отправилась отсюда к морю.

А Сума отсюда отправилась кругом. Отсюда до моря далеко. Потом прошла близко от фабрики. А Систа отсюда уже ушла. Она тогда повернула на Котлы, отсюда в Ряттель, чтобы скорее попасть в море, а там озера не пустили. Тогда она из Ряттеля повернула на Ундово и Вассакару. А Систа отсюда уже ушла. А потом уже вместе текут.

Ель и осина

Теперь расскажу про осину. В лесу росли два дерева — красивая ель и осина. Ель говорит осине:

— Ты думаешь, что ты красивая. Я тоже не уродливая. Зимой и летом всегда одинаковая.

Aapõ juttõb:

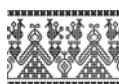
— Miä hot õõn iloza suvõll. Minu lehod õlla ilozad, õpõizõd.

— Toob sycyzy, kõik lehod lähetä silt vällä, - tälle juttõb kuusi.

A Jumal kuuli, kui nämä rijjõlla. Jumal juttõb:

— Miä nyd teen nii. Kuuzõllõ jätän õmad lehod pisselikod. A aavõllõ annan rohoizõd lehod. Siz eväd nõizõ riitõõma. Aava lehod nõissa värizemä, leeb tuultõ i eb lee tuultõ. Ain nõissa liglitemä.

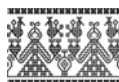
Nyt nämä eläväd yvii. Jumal lehod vajõlti. Anti tõizõd lehod¹⁹⁷.

Cirjõvõ kana

Eletti staruhõ i starikkõ. Neil õli kana cirjõvõ. Teci kultõizõ muna. Tuli iiri picceänte, veeretti muna maallõ. Ukko ja akkõ nõisti itkemä, leipä-lappia lauloma, rattad tärizemä, õpõn nõisi irnuma, lehme nõisi myykkimä, lammõz nõisi mäkkimä. Kana juttõb näile: «Elka itkõga! Miä teen tõizõ muna, cirjõva, sinisse ja rohoissõ, kõltaissõ ja kaunissõ».

Starikallõ ja staruhallõ tuli yvä meeli: saavva cirjõvõ muna¹⁹⁸.

Jänessie uuli

Õlivad kõm tyttärikkua, plettiväd kassoi i juttõlivad: «Meemmä kapussoi isuttamaa metseä i põlluo rajallõd. I nõõmma cäymeä vahtimaa, tyttärikuo unta jatkomaa». Isuttivad nämä kapussaa kõm pientäreä. Nämä nõisivad vahtimaa. I tapazivad jänessie. Nõisivad tulikkai sycälpäikaa ajamaa. Ajõvad järviessaa takaa. Tahtõ jänez hypätä vetie, a konna iezä jänessä hyppi. Jänës nõisi nii kõvii nagramaa, etti uulõd lõhkazi.

I paraika on jänessell uuli lõhci¹⁹⁹.

Осина говорит:

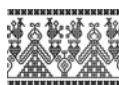
— Я хоть летом красивая. Мои листья красивые, серебряные.

— Придет осень, все листья с тебя облетят, — ей говорит ель.

А Бог слышал, как они ругаются. Бог говорит:

— Я вот что сделаю. Елке оставлю ее листья острыми. А осине дам зеленые листья. Тогда не будут ругаться. Листья осины будут дрожать, дует ветер или не дует. Всегда будут трепетать.

С тех пор они хорошо живут. Бог листья поменял. Дал другие листья.

Пестрая курица

Жили старик и старуха. Была у них пестрая курица. Снесла курица золотое яйцо. Пришла мышь — длинный хвост, уронила яйцо на землю. Дед и баба стали плакать, хлебная лопата — петь, тележки — дребезжать, лошадь стала ржать, корова стала мычать, овца стала блеять. Курица говорит им: «Не плачьте! Я снесу другое яйцо, пестрое, синее и зеленое, желтое и красное».

У старика и старухи настроение поднялось: получают они пестрое яйцо.

Заячья губа

Были три девушки, заплетали косы и говорили: «Пойдем капусту сажать на границе леса и поля. И будем ходить сторожить, девичий сон продлевать». Посадили они капусты три грядки. Стали они сторожить. И встретили зайца. Стали горящими головнями отгонять. Гнали до озера. Хотел заяц прыгнуть в воду, а лягушка перед зайцем прыгнула. Заяц стал так сильно смеяться, что губу порвал.

И теперь у зайца губа порвана.

Kissa i kukko

Elettii enne kissa i kukko. Kissa meni mettsää, a kukko jäi kottoo. Siz kissa saob kukolla: «Sinnua ko ken kutsub uulitsalla, siä elä mee!» Tuli repo ikkunaa, saob kukolla: «Kukko, tua ikkunnalla, miä sill annan herneitä». Kukko ko tuli ikkunnalla, repo otti kiini i vei kukoo mettsää. Siz kukko kil'l'ub: «Kissa Ivan, tua mill appii, repo veeb minnuu mettsää!» Kissa johsi d'i otti kukoo vällää²⁰⁰.

Lintuje ja zverije sõta

Vanaa aikka linnud i zvierid eliväd eestää yvii, sopizivad. No tuli zvieriilee paha meeli, etti mihee nämä võttavad lennolla dai maassa. Vot nämä nõisivad sõittõlõmaa i teciväd sõaa. No linnud suurõd zvierid võittivad. A nahka-iiri õli aivoo kavala. Kah-tõõppoolõõ tahto yvännä õlla. Kunni zvierid võittivad lintuit, tämä õli zvierii poolõss, a ku nõisivad linnud võittamaa, siz tämä lentii lintui poolõõ. Linnud suuttuzivad. I tämä vällää ajõvad. I nahka-iiri võib tol'koo perää päivää laskua lennellä, kõõz kuu paisab. A päiväll eb või lennellä. On ceeletty. Linnud lööväd. Tämä pelcääb neitä. Ko päivä issuub, siz lenteleb. A ko lahzõd näceväd, siiz rääkuvad: «Nahka-iiri öökakku, petoz-iiri plätakakku!»²⁰¹

Voho

Õli yhell staruhalla i starikalla voho. Staruha meni obahkaa. A starikka jäi pärevakkaa tecemeä. A staruha juttõli: «Siä syötä vohua i juota». A starikka unohti. Näeb, etti staruha tulõb kotuosõõ metsässä. Tämä võtti ruozгаа cätie, da õvvõss ajab vohuata õvvõõ tagaa. A siäll õli pikkarain õja, a tämä yli õjaa ajõ vohuo.

Кот и петух

Жили-были кот и петух. Кот пошел в лес, а петух остался дома. Кот говорит петуху: «Тебя если кто будет звать на улицу, ты не иди!» Пришла лиса к окну, говорит петуху: «Петух, выходи на улицу, я дам тебе гороха». Когда петух вышел на улицу, лиса схватила и понесла петуха в лес. Тогда петух закричал: «Кот Иван, иди ко мне на помощь, лиса несет меня в лес!» Кот прибежал да и отнял петуха.

Война птиц и зверей

В старые времена звери и птицы жили хорошо, дружно. Но пришла вдруг зверям в голову плохая мысль, что смогут они прогнать птиц с земли. И вот начали воевать и устроили войну. Но птицы большие, и они зверей победили. А летучая мышь очень хитрой была — для обеих сторон хотела хорошей быть. До тех пор пока звери побеждали птиц, она была на стороне зверей, а как начали птицы побеждать, она полетела на сторону птиц. Рассердились птицы и прогнали ее. Теперь летучая мышь может только после захода солнца летать, когда луна светит. Днем же не может — запрещено, иначе птицы побьют, она боится их. Когда солнце садится, тогда летает. А когда дети видят (ее), то кричат: «Летучая мышь — ночной колобок, обманная мышь — трусливый колобок!»

Коза

Была у одной старухи и старика коза. Старуха пошла по грибы. А старик остался корзину из щепы делать. А старуха сказала: «Накорми козу и напои». А старик забыл. Видит, что старуха идет домой из лесу. Он взял кнут в руку, да из двора гонит козу за двор. А там был небольшой ручей, и он через ручей погнал козу.

Tulõb staruha akkunnalaa. A tämä vohuo ceänti tagaaz. Staruha cyzyb voholt: «Õõtko siä syönny, Marffani, ja juonnu?» Juttõõb tällie voho: «Ylie rohuo johzin, a syvvä en saannu, a yli vie sövvin, juvva en saannu. Ku nyd õlla, kasõnn päiveä õnnõ-tuo? Ruozgall urvotõttii niku urpavitsalla. Vait kõvõpii vaivõttii mill on piccä villa, i raanoi eb näy». «A cen sinnua lei?» — «Fuoma, sidoi parta».

I sussõda õli Fuoma starikka i sidoi parta. Staruha obahkoika johsi sussõdaa. A se starikka meneb vettä tuomaa. Tulõb pankõikaa vassaa. A täm võtti parrass ciin i alkõ tällie obahkoi suhõõ tõukkia: «Syõ, lõhkõõ, älä rad'd'o minuu vohua!» A Marffa takaa reägäb: «Õma starikka lei. I slifkoi miä tällie en anna». A starikka juttõli: «Mene vanapagana! Mettsäaltiad hullussamaa pantii, tulid obahkoi suhõõ tõukkimaa. Da kõikõõ parraa verelie ratkozid. Taukõõ siä uomõnna mettsähaamoikaa yhtie!»²⁰²

Kaaska d'edazda da babass

Eliväd d'eda da baba kahõõ cezzie. Näill õli žiivattaa: opõn da kahs vohoa. D'eda uomniiz meni cyntämääsie, a baba jäi kotuosõõ riht lämmittämää, d'edalõõ syvvä cihuttamaa. A ize meni siz vohoi karjaa ajamaasõõ. Ajõ vohod karjaa, a ize meni marjaa.

D'eda tuli cyntämäss õhtagon, i baba marjass tuli õhtagon kotuo. Õtsib, õtsib vohoi i bõlõ vohoi. Tulõb kotuo da idgõb. Karu sei vohod, jätti d'edalõõ da babalõõ sor-kad da sarvõd cätiesie. Tulõb da idgõb. D'eda cyzyb: «Mitä siä idgõd?» — «Kui miä en idgõ, ko meilt karu sei vohod? Jätti vaa sorgad da sarvõd». D'eda juttõõb: «Elä idgõ. Tulõvad mustalaizõd, õsamma vohod tagaaz».

Nyd taaz eläväd d'eda da baba vanaa viisii. D'eda cäyb cyntämazä, baba cäyb marjaza, a vohod karjaza.

A nyd on lõppu cäez kazõlõõ kaazgalõõ²⁰³.

Приходит старуха к окну. А он козу повернул назад. Старуха спрашивает у козы: «Ты поела ли, Марфа, попила ли?» Отвечает ей коза: «Через траву бежала, а поесть не смогла, а через воду гребла, попить не смогла. Как теперь быть, это день такой несчастливый? Кнутом хлестали, как ветвями вербы. Только сильнее у меня болит длинная шерсть, и ран не видно». «А кто тебя бил?» — «Фома, седая борода».

А сосед был Фома-старик, и седая борода (у него). Старуха с грибами побежала к соседу. А этот старик идет по воду. Идет с ведрами навстречу. А она схватила его за бороду и начала ему грибы в рот засовывать: «Ешь, не трогай мою козу!» А Марфа сзади блеет: «Свой старик бил, и сливок я ему не дам». А старик сказал: «Уйди, старая злыдня! Лешие тебя задурили, пришла грибы в рот засовывать. Да всю бороду в кровь изодрала. Чтоб ты сдохла завтра вместе с лешими!»

Сказка о деде и бабе

Жили дед и баба вдвоем. У них были животные: лошадь и две козы. Дед утром пошел пахать, а баба осталась дома избу топить, деду есть варить. А сама затем отправилась коз в стадо выгонять. Выгнала коз в стадо, а сама пошла за ягодами.

Дед пришел с пашни вечером, и баба пришла со сбора ягод вечером домой. Ищет, ищет коз, а нет коз. Идет домой да плачет. Медведь съел коз, оставил деду с бабкой копыта да рога. Идет и плачет. Дед спрашивает: «Чего ты плачешь?» — «Как мне не плакать, если медведь съел коз? Оставил лишь копыта и рога». Дед говорит: «Не плачь. Придут цыгане, купим снова коз».

Сейчас опять живут дед и баба по-старому. Дед ходит пахать, баба ходит за ягодами, а козы в стадо.

А теперь конец этой сказке.

Med'd'ee ceeli

Minuu deeda pajatti, med'd'ee ceeli alku, kõõz bašn'a tehtii Vavilonaz. Siz õli pal'l'o väciä. Siz mikä se bašn'a tehtii, a tämä lankõz. Väci eitty, i nõistii kõikii õmaa ceeltä pajattammaa. I kazess meni inehmisiilee õma juttu. Siz eväd tõin tõissa võtõttu tolkkua. Miä cyzyn cirvessä, a millõõ antaas kirpittsa!

Se bõlõ juttu, se on istori²⁰⁴.

Kahs dovariššaa

Kahs dovariššaa puuttuzivad parvõõ. Yhs tõizõlt cyzyb: «Siä saad nii pal'l'o rahhaa, kuhõõ siä kõik paad?»

Наш язык

Мой дед говорил, наш язык начался, когда башню делали в Вавилоне. Там было много народа. Вот эту башню сделали, а она упала. Народ испугался, и все стали на своем языке говорить. И из этого получились у людей свои наречия. Не могут друг друга понять. Я прошу топор, а мне дают кирпич!

Это не байка, это история.

Два товарища

Встретились два товарища. Один у другого спрашивает: «Ты получаешь так много денег, куда ты все деваешь?»

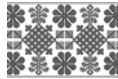

Dovarišša juttõõb: «On mill kuhõõ rahhaa panna. Yhee õzaa miä võlkoja mahzan. Tõizõõ õzaa vette viskaan. Kõlmattõmaa õzaa võlgassi annan».

A dovarišša juttõõb: «Missi siä õõd nii vohma? Parõp kopittaa raha!»

A siz se juttõõb vassaa: «Miä võlkaa mahzan — taattaa ja maamaa syytän. Tyttöjä syytän — vette viskaan. Näväd kazvavad ja mennää mehelee. Miä mittää näissä en saa. Võlgassi annan — poikii syytän. Vanõpaa poolõõ näväd minnua nõissaa syyttämää»²⁰⁵.

Kõik on minuu

Yhs meez tahtõ pal'l'o maata saavva. Täll jutõltii: «Kui pal'l'o võid johsa päiväsi?» — «Päivä nõizussa laskuussaa». Tämä johsi, päivä ain johsi. No vot päivyd jo laskiiz. Lankõz maallõ se meez i veel cäee venutti: «Kase veel on minuu!»

Kõik onci, vot i kaaska²⁰⁶.

Meez ja nain

Se on meil kaaskõ. Yhskõrt meez toob cyntemässe kotto. I naizõll eb õõ lavvallõ pantu valmessi syymän. Meez juttõb: «Mitä siä vaa teed? Miä jo imossi tyyte tein, a siäll on kõik tecemättä».

Nain juttõb: «Jah! Mill on pal'l'o veel tecemättä. Oomõnnõ oomnikossõ nõizõmmõ parvõz ylez. Miä lähen cyntemä, a siä jääd tecemä oomnikko-tõit. Esimeizessi ahjo lämmite, siz lahs syyte, leipä leivo, võita tee, sigallõ paa syvve i syymän tee. Miä toon kotto, kõik õllõis tehty!»

Tõizõl päivä oomnikossõ meez pani ahjo lämpimä, nõis leipä leipoma. Lahs nõis itkõma. Mehell cäed õlti taicinaz. Meni lassa lõõkuttõõma, lahzõ packaz taicina. Johsi, pani sigallõ syvve, lauta uhzõ unohti avõ.

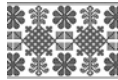

Товарищ говорит: «Есть мне куда деньги девать. Одной частью я долг плачу. Другую часть в воду бросаю. Третью часть в долг даю».

А товарищ говорит: «Почему ты такой дурак? Лучше копи деньги!»

Тогда он отвечает: «Я долг плачу — отца с матерью кормлю. Дочек кормлю — в воду бросаю. Они вырастут и выйдут замуж. Я ничего от них не получу. В долг даю — сыновей кормлю. В старости они меня будут кормить».

Все мое

Один мужик хотел получить много земли. Ему сказали: «Как много можешь пробежать за день?» — «От восхода солнца и до захода». Он бежал, весь день бежал. Но вот солнце уже опустилось. Упал на землю этот мужик и еще руку протянул: «Это еще мое!»

Все, вот и сказка!

Муж и жена

Это у нас сказка. Однажды мужик идет с пахоты домой. И у жены не было положено на стол готовой еды. Муж говорит: «Что ты только делаешь? Я уже вволю наработался, а у тебя здесь ничего не сделано».

Жена говорит: «Ах! У меня еще много не сделано. Завтра утром встанем вместе. Я пойду пахать, а ты останешься делать утренние работы. Первым делом печку истопи, потом ребенка накорми, хлеб испеки, масло сделай, поросенку положи еды и обед приготовь. Я приду домой, все было бы сделано!»

На другой день муж затопил печку, начал хлеб месить. Ребенок начал плакать. У мужика руки были в тесте. Пошел ребенка качать и измазал его тестом. Побежал поросенку еды положить — дверь в хлев оставил открытой.

Johsi rihhe, pani koorrõ suurõ puteli ja pani selcä ja nõisi taicina leipoma, jo teeb kaks tyyte kõrtaz: leipä leivob i või leeb selcäz valmiz. Sell aika sika johsi rihhe, hyppez selcä mehelle ja rikko koorrõka puteli. Koorrõ meni kõik maallõ. Lahsi idgõb, ahjo jo lämpiz, leipe jäi leipomatta, rokkõ jäi cihuttõmatta.

Nain jo toob kotto syymä. Täll on kõik tecemättä, sika rihez, maa on kõik koorrõz, lahs on taicinaz, ize on higõz ja roojõz. Nain cyzyb mehelte: «Kui näyttib õllõ pere-naisõnn?» Meez juttõn naizõllõ: «Nytte miä uzgon, jot perenaizõll on pal'l'õ tyyte, vajõltõmmõ takaz tyyd, õõ siä ize perennaisõnnõ, a miä cyntäjänne».

Siiz nõisti sopuizõssi elämä²⁰⁷.

Naizikko i meez

Naizikko õli niittämäz. No cäi, mõnta päivää cäi. A meez cyzyb: «Jook se ciiree lõpub põlto?» — «Joo ciiree».

Meez meni katsomaa. Tämä makaz, ja meez kerittsi ivusõd. Tämä nõis yleez, nõisi päätä silottamaa, a ivussii eb õõ. Siz juttõõb: «Mie-tõ õõn mie, a pää eb õõ minuu. Laa mie meen, cyzyn mehelt». Meni akkunaa: «Fooma, onks nain kotonn?». A Fooma vassaab: «Kotonn!» - «Nõh!»

Nii tämä jäi ulkkumaa²⁰⁸.

Pappi ja talopoikõ

Pappi ja talopoikõ menti suuto. Pappi luki cerikkoz jutu: «Cen annab talossõ viimise, Jumal tälle läheteb yhesä».

Прибежал в комнату, поставил сметану в большую бутылку, привязал на спину и стал тесто месить и уже делает две работы одновременно — хлеб месит и масло будет готово на спине. В это время поросенок забежал в комнату, прыгнул мужику на спину и разбил бутылку со сметаной. Сметана вся разлилась по полу. Ребенок плачет, печка уже стопилась, хлеб остался не испеченным, щи остались не сваренными.

Жена уже идет домой на обед. У него ничего не сделано. Поросенок в комнате, пол весь в сметане, ребенок в тесте, сам в поту и грязи. Жена спрашивает: «Как тебе нравится быть хозяйкой?» Муж отвечает жене: «Теперь я верю, что у хозяйки тоже много работы. Поменяемся опять работами, будь ты опять хозяйкой, а я пахарем».

С тех пор стали в согласии жить.

Жена и муж

Женщина была на жатве. Ну, ходила, много дней ходила. А муж спрашивает: «Скоро ли уже будет закончено поле?» — «Уже скоро».

Муж пошел посмотреть. Она спала, и муж отрезал волосы. Она поднялась, стала голову гладить, а волос нет. Тогда говорит: «Я-то это я, а голова не моя. Пойду, спрошу у мужа». Заглянула в окно: «Фома, дома ли жена?» А Фома отвечает: «Дома!» — «Ох!»

Так она и стала бродяжничать.

Поп и крестьянин

Поп и крестьянин пошли в суд. Поп прочитал в церкви проповедь: «Кто отдаст из дому последнее, тому Бог пошлет вдевятеро».

Ja tuli sycyzy. Pappi tuli talopoigõltõ cysymä lehmä. Ja talopoikõ anti viimize lehmä talossõ. Pappi talvõ syytti talopoigõ lehmä.

Ja tuli ceväd. Pappi laski õmad kahõsa lehmä. I talopoigõ lehme õli yhessämäz. Ja tuli ohtõgo. Talopoigõ lehme lähs õmma kotto. Ja papi lehmed menti peräz. Pappi ootõõb lehmi kotto. Eväd too. Tämä meni kattsoma talopoigõlt. Lehmed õllaci talopoigõll. Pappi juttõb: «Miä tulin võttõma lehmi kotto». Talopoikõ juttõb: «Miä en anna. Siä cerikkõz lugid: «Cen annab viimize, Jumal selle läheteb yhesä».

Perä sene pappi anti suuto. Talopoikõ ja pappi menti suuto. Suuto cysy: «Kui olti az'z'ad?» Talopoikõ pajatti. Suuto juttõli: «Talopoikõ on õika. Lehmi võtta emme saa».

Pappi eb õllu täytäläin. Anti uutõ suuto. Suuto anti kõlmõd arvua talopoigõllõ i papillõ. Esimein arvo ono: «Mikä on kõikka razvazõp maailmõz?» Tõizõl oomnikkoa menti suutõ ja cyzytä papilt: «Mikä on kõikka razvazõp?» Pappi juttõb: «Mill on sika kõikka razvazõp maailmõz». Talopoikõ juttõli: «Eb õõ sinu sika razvazõp. A on maa kõikka razvazõp. Tämä kõikkia syyteb i juutõb. I sinu siga syytti».

Siz on tõin arvo: «Mikä on selvep?» Pappi juttõb: «Mill on kõikka selvep kuvvõ voovvõ varso. Tämä on selvep kõikka». Talopoikõ juttõb: «Eb õõ varso selvep kõikka. Meeli on kõikka selvep. Paraika miä õõn kassõnõ i meeli Amerikkazõ!»

Siz kõlmaz arvo: «Mikä on kõikka naastip maailmõz». Pappi juttõb: «Minu nain on kõikka naastip maailmõz». Talopoikõ juttõb: «Eb õõ sinu nain kõikka naastip maailmõz, a on päivyd kõikka naastip mailmõz. Tämä koko maailmõz soojõtõb ja kõik tämä kazvatõb».

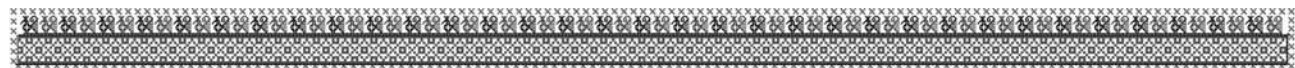
Ja nii lehmed jääti talopoigõllõ. Pappi poiz eb saanud²⁰⁹.

Kahs velliä da pappi

Õlivad kahee vellehsie, yhs õli hullu velli. Näväd leytiväd kaaznaa. Nu i hulluu lähätättii cysymää papilta vakkaa. Pappi cysy: «Mihee teilee vakkaa?» — «A dengoi mitata». Näväd tultii, nõisivad õvvõza mittaamaa. A tuli pappi värjää väliss neit vahtimaa. A se tõin velli näci, võtti senee papii da i tappõ, da i tõukkaz sillaa alaa.

Yhell päivää jo bõõ pappia cerikkoza, tõizõlla bõlõ, cysyäss: «Kuhõõ pappi sai?» A se hullu velli juttõõb: «Meillä tappõ velli papii i pani sillaa alaa». A se velli kuuli, meni vohoo lõikkaz da tõukkaz sillaa alaa.

И пришла осень. Поп пошел просить у крестьянина корову. И крестьянин отдал последнюю корову из дому. Поп зимой кормил крестьянскую корову.

И пришла весна. Поп выпустил свои восемь коров, а крестьянская корова была девятая. И наступил вечер. Крестьянская корова пошла в свой дом. И поповские коровы пошли вслед за ней. Поп ждет коров домой. Не идут. Пошел посмотреть у крестьянина, а они там. Поп говорит: «Я пришел забрать коров домой». Крестьянин: «Я не дам. Ты в церкви проповедовал: «Кто отдаст последнее, тому Бог пошлет вдесятеро»».

После этого поп подал в суд. Крестьянин и поп пошли туда. В суде спросили: «Как обстояли дела?» Крестьянин рассказал. Суд постановил: «Крестьянин прав. Коров забрать не имеем права».

Поп не был доволен. Подал в новый суд. Суд загадал три загадки крестьянину и попу. Первая загадка была: «Что жирнее всего?» На другое утро пошли в суд и у попа спрашивают: «Что всего жирнее?» Поп говорит: «У меня свинья жирнее всего на свете». А крестьянин сказал: «Не твоя свинья жирнее, а земля жирнее всего. Она всех кормит и поит. И твою свинью накормила».

Потом вторая загадка: «Что быстрее всего?» Поп говорит: «У меня быстрее всего шестилетний жеребец, он быстрее всех». А крестьянин: «Не твой жеребец всех быстрее, а мысль быстрее всего. Сейчас я здесь, а мысль моя в Америке!»

Потом третья загадка: «Что красивее всего?» Поп говорит: «Моя жена красивее всего на свете». А крестьянин ему: «Не твоя жена красивее всего на свете, а солнце. Оно всю землю обогревает и всему дает расти».

И вот коровы и остались у крестьянина. Поп назад их не получил.

Два брата и поп

Жили два брата, один был дурак. Нашли они клад. Ну, и этого дурака послали попросить у попа корзину. Поп спросил: «Зачем вам корзина?» — «А деньги мерить». Они пришли, стали во дворе мерить. А пришел поп у ворот их сторожить. А второй брат увидел, взял этого попа да и убил. И бросил в подпол.

Один день нет попа в церкви, второй нет, спрашивают: «Куда поп делся?» А этот брат-дурак и говорит: «У нас брат попа убил и положил в подпол». А тот брат услышал, пошел, козу зарезал и бросил в подпол.

Lähätättii sillaa alaa nõssamaa sitä pappia yliez. A tämä cyzyb väeltä: «Onko papilla partaa?» — «Oh siä hullu, vai part on papilla!» — «A onko papill villoi?» — «No vot mi siä hullu, villoi tahod. Nõsa tänne!»

Tämä nõssi, vaattaass, se on voho. A juõllass tälle: «Ai siä hullu ku hullu, ved on voho eb õõ pappi!» Nii sitä pappia eb i levvetty²¹⁰.

Sapožnikkõ ja kunikõz

Miä pajatõn kunikõssõ. Eli riikiz kunikõz. Ja lici kunika kottoa eli sapožnikkõ. Teci tyyte ja lauli. Kunikõz oomnikossõ varra nõizõb ylez, kuuntõõb, sapožnikkõ laulob, ja tämä naizõl pajatõb: «Mikä kas on ihmeellin inemin! Ain laulob. Izze on kõyhe, tyyte teeb yyd i päived. Ja entä veel laulõtõb!»

Yhs oomnikko kunikõz nõizõb ylez. Sapožnikkõ ain laulob. Siz tämä kutsub õmma tyyläisse ja annab tälle terve koti rahha. Ja juttõb tyyläizele: «Vee kase raha sapožnikkõl i juttõ tälle: «Naa kaned rahad võta enele, ja elä ennä laulo, eläko tee tyyte, ja vee kase märänyd koto kaugõpõlõ minu dvortsõssõ».

Sapožnikkõ rahad võtti, kõrjaz. Tuli yy. Sapožnikka eb nukuta. Rahha on pal'l'o. Paikassõ paikka rahoja kõrjab. Ain pelcäb: «Rahad vargõsõta ja minu tapõta».

Ja oomnikon nõis ylez. Pani koti rahaka ja vei kunikal takaz. Juttõb kunikal: «Õõ nii yvä, võta rahad poiz, ato sinu rahad millõ eväd anna pokkoita, enku miä saa magatõ».

Kunikõz rahad võtti poiz. Sapožnikkõ jäi elämä, tyyte tecemä, ja ette lauloma. I tänävä laulob. Ja kaaskõ lõppu²¹¹.

Karuu poika

Se on. Marjaz õli. I karu tuli. Võtti yhee naizõõ i veel õmmaa majaa. Ja siz tämä õli siäll tämäkaa kahs vootta. I täll siz õli poika karuukaa. Ja siz talvõll jeegerid saatii karuu jälled. Ja siz saatii se karu, ammuttii. Siz tämä nõisi mörnämää: «Võttagaa tämä, nain!» Se bõllu kaukan, kuza karu ammuttii.

Отправили его в подпол поднимать попа наверх. А он спрашивает у народа: «Есть ли у попа борода?» — «Вот дурак, разве у попа бывает борода?» — «А есть ли у попа шерсть?» — «Ну, вот какой ты дурак, шерсть хочешь. Поднимай сюда!»

Он поднял, смотрят — это коза. Да и говорят ему: «Ай ты, дурак так дурак, ведь это коза, а не поп!». Так попа и не нашли.

Сапожник и король

Я расскажу про короля. Жил в государстве король. Рядом с домом короля жил сапожник. Делал работу и пел. Король утром рано встает, слышит, сапожник поет, и он жене говорит: «Что за странный человек? Всегда поет. Сам бедный, работает и ночью и днем. И ему еще поется!»

В одно утро король встал. Сапожник всё поет. Тогда он зовет своего управляющего, дает ему целый мешок денег. И говорит управляющему: «Отнеси эти деньги сапожнику и скажи ему: «На эти деньги, возьми себе, не пой больше и не работай и убери этот дрянной дом подальше от моего дворца».

Сапожник деньги взял, спрятал. Пришла ночь. Сапожнику не уснуть. Денег много. С места на место деньги перепрятывает. Все боится: «Деньги украдут, а меня убьют».

Утром встал, положил мешок с деньгами на спину и отнес обратно королю. Говорит ему: «Будь добр, возьми деньги обратно, а то твои деньги мне не дают покоя. Я никак не могу спать».

Король деньги взял. Сапожник остался жить, работать и петь. И сегодня поет. Тут и сказке конец.

Медвежий сын

Итак. Пошли по ягоды. И медведь пришел. Взял одну женщину и унес в свое жилище. Он был там с ней два года. У нее там появился ребенок от медведя. Однажды зимой егеря нашли медвежьи следы. Выследили того медведя и подстрелили. И тогда он стал реветь: «Забирайте ее, женщину!» Это было недалеко, где в медведя стреляли.

Siz võtötti ne, tootii kotoo, nain i poika. A mehell õli jo tõin nain. Siz meez juttõb: «Miä rihez ellää en anna, a rihee päällä elä!» Siz poika kõvassi kazvi ciiree. Yläpool õli inemin, a alapool õli karu.

A siz kazvi ja piäb škouluu panna. A škouluz täll õli nii pal'l'o võimaa, cetä kerti, senee taaz teci vaivazõssi. A siz škouluu eb võtõtaa enäpä. Siz mitä muuta, ku piti mennä? Juttõb emälee: «Tee millõõ pal'l'o korppua, a siz miä meen kuhõõ silmäd näyttäväd». A siz tämä lähsi. I meni, enäpää poiz eb tullu.

A isäkaru nii kõvassi vahti naissa — eb laskõnnu, eb kuhhõid laskõnnu naissa. A syvvä toi puukoorii talvell, puukoorii i marjad²¹².

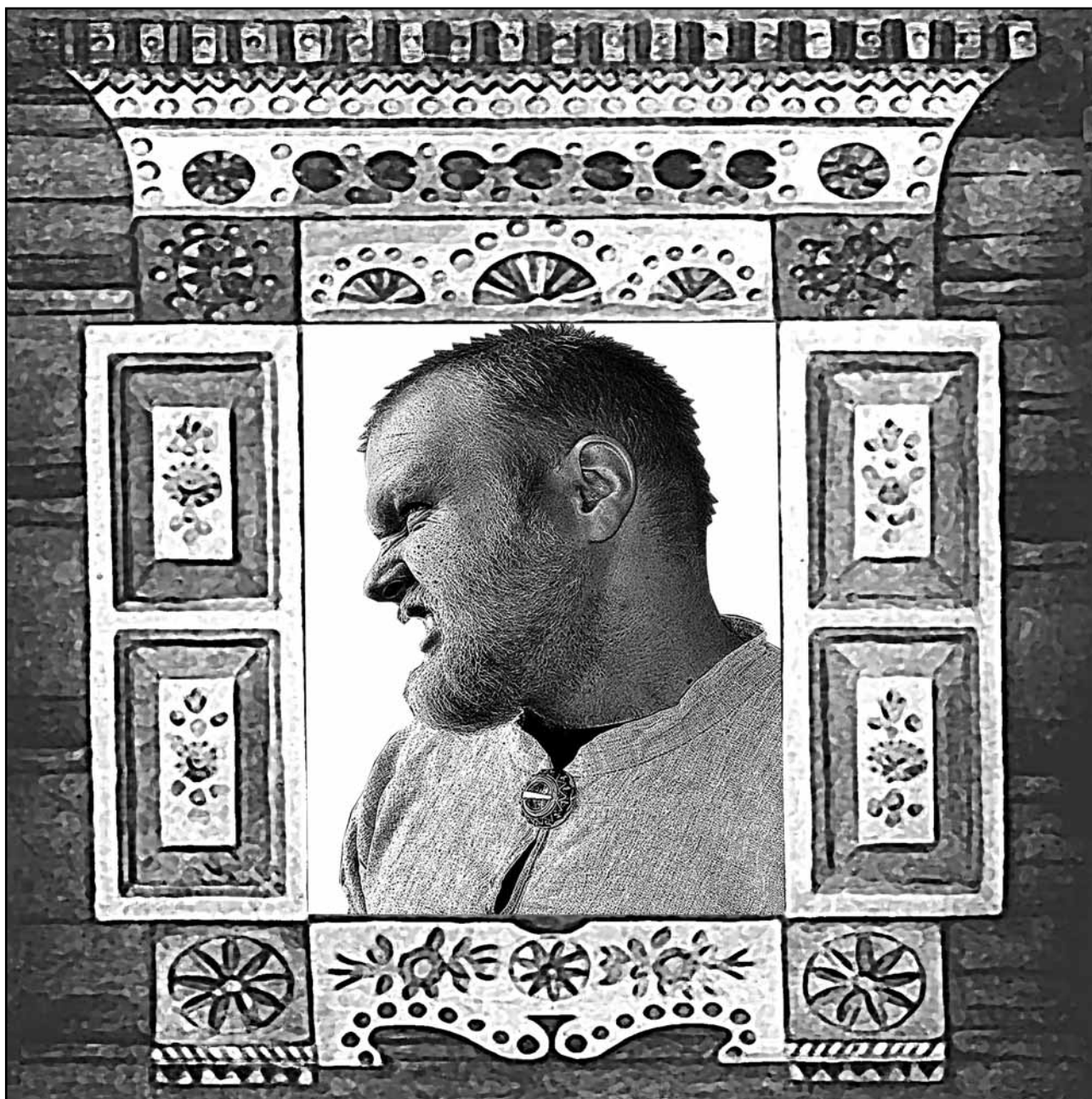

Они взяли, привели домой женщину и ребенка. А у мужа была уже другая жена. Муж и говорит: «Я в избе жить не дам, а живи на чердаке». Этот ребенок очень быстро рос. Верхняя часть была как у человека, а нижняя — как у медведя.

И вот, вырос, надо в школу определять. В школе у него так много силы, кого тронет — сразу изувечит. И тогда в школу назад не берут. Что теперь, куда идти? Говорит матери: «Сделай мне много сухарей, я пойду куда глаза глядят». Так и ушел. Обратного не вернулся.

А отец-медведь крепко смотрел за женщиной, не пускал никуда женщину. А есть приносил кору дерева зимой, кору дерева и ягоды.

Tyttärikko i iiri

Õli emintimä. Tyttärikkõizõll õli cymmie vuotta vass. A emintimeä tyttärell õli viistõššõmõtt vuotta. I tämä eb tahtonnu, etti starikaa tytär eläissi siinnä. Juttõõb stari-kallõ: «Vie õmaz tytär mettseä. Mie panõn tappura-kuontalod, i cäsi-cedräpuu, i puol sataa panõn tällie cäsi-värttäni».

Nyd starikka rakõtab ovõssa i ize idgõb. No tyttärikkõizõllõ emintimä pani kaasa apoit kapussoi, kahs pihua suurimoi, i kahs pihua ernei, viis br'ukvaa, kõm recceä, i nel-lä luukkaa, i kahs pihua javoi, i cymmie kuontalaa — i štob näteliss õlõiss cedrätty.

Starikka pani tuli-näyttimie, i cymmie buckaa päreitä, i jaššikaa spickoi. Jätti sta-rikka tyttärie mettseä zemlänkaasõõ kuontaloi cedrameä.

Tyttärikko sekaz kakkui vähäkkõizõõ, rehtelkakkui, I nõisi syõmeä. Johs pikka-rainõ iiri. I juttõli: «Anna millõ kakkua. Mie sillõõ lien kõlpuza — ed nõizõ icävõimeä, ed nõizõ itkõmaa». Antõ kakkua. Iiri pajatti: «Nyd mie sillõõ juttõõn jutuu. Tulõb õh-tagonna karu, i juttõõb: «Nõõmma pimepilkkua mäncimeä». I karu sillõõ juttõõb: «Ko tapaan ciini, siz mie sinuu syõn. A ko en tapaa, siz mie sillõõ annan kultaa-õpõata. I karjaa lehmii. I dabunii opõziita, seitsie kirstua sõpõita mõnõllaisii. I nõizõb sinua su-vaamaa emintimä». Iiri pajatti: «A mie siz tulõn, ko karu sillõõ pikkaraizõõ celleä an-nab, ko nõõtta pimepilkkua mäncimeä. A mie nõõn seinii myõ juonittõlõmaa. A karu nõõb pyytämeä. Tämä minua eb tapaa. A silmäd sivomma kõvõpii ciini rätiekaa».

Nyt tuli õhtagonn karu. A karu vet' kast eb teätänny, mitä iiri pajatti tyttärik-kõizõlõõ. Kolizõb karu uhsõõsõõ. Tyttärikkõin cyzyb: «Cen on?» — «Mie õlõn, mett-säkaru. Lazzõ minua suojõttõlõmaa: mill on aivuo cylvä». Tyttärikkõin juttõõb: «Piäb laskõa suojõttõlõmaa». Lahci. Karu tuli: «Ah! Ah! Kui yvälie sill haizõb kõikk. Kak-kui õlõd tehny?» — «Tein. Da enäpii eb jeänny. Ato õlõizin antannu i sillõõ. Da enäpeä bõlõ». Karu juttõõb: « Bõlõ, nii davai pimepilkkua mäncimeä. Eb lie sillõõ siz nii icä-vä».

No nõisõvad lukõmaa, kummall silmäd ciin panna. No yhs, kahs, kõlmõd lukõ-vad. Kummall tulõb kõlmaiz, senell i piäb silmäd ciin panna. Alkõ karu lukõa, kannii lukõa: yhs, kahs, kõlmõd. Karulõõ i silmäd ciin piti panna. Karu antõ tällie pienie cel-leä: «Sie juonittõlõ celleäkaa. Mill on silmäd ciin. Mie en näe».

Sitõ karult silmät ciini. Celleä võtti cätie. Tuli iiri. Täm iirelie kaglaa celleä sitõ. Ize meni ahjuo alaa pakuo. Vot iiri juonittõlõb siltaa myõ, lakõa myõ, seinii myõ. Karu pyyteli uomnikkuossaa. Eb i tavannu. Väsy karu mäncie, juttõõb: «Avaä silmäd avõõ. Mie sillõõ mahzan kõikk suurõõ mahzuo. Mie õlõn aivuo väsynny». A tyttärikkõin juttõõb: «Mie õlõn enäp väsynny, dai mitäid en juttõõ. I sinua pelceän». — «Älä pelceä minua. Avaä silmäd avõõ!»

Девушка и мышь

Была мачеха. Девочке было всего десять лет. А дочери мачехи было пятнадцать лет. И она (мачеха) не хотела, чтобы дочка старика жила бы здесь. Говорит старику: «Отведи свою дочку в лес. Я положу кудель и ручную прялку, и полсотни положу ей ручных веретен».

Старик запрягает лошадь, а сам плачет. Падчерице мачеха положила с собой кислой капусты, две горсти крупы и две горсти гороха, пять брюквин, три редьки и четыре луковицы, две горсти муки и десять (пучков) кудели — и чтобы за неделю было бы спрядено.

Старик положил десять светцов, и десять пучков лучины, и коробок спичек. Оставил старик дочку в лесной землянке кудель прясть.

Девочка замесила лепешек немного, блинов. И стала есть. Прибежала маленькая мышка. И сказала: «Дай мне лепешку. Я тебе пригожусь — не будешь скучать, не будешь плакать». Дала лепешку. Мышка сказала: «Теперь я тебе поведаю. Придет вечером медведь. И скажет: “Будем в жмурки играть”. И медведь тебе скажет: “Если поймаю, тогда я тебя съем. А если не поймаю, тогда я тебе дам золото-серебро. И стадо коров, и табун лошадей, семь сундуков многочисленных одежд. И будет тебя мачеха любить”». Мышка сказала: «Я тогда приду, когда медведь даст тебе маленький колокольчик, когда станете в жмурки играть. А я буду по стенам носиться. А медведь станет меня ловить. Он меня не схватит. А глаза мы завяжем покрепче платком».

Вот пришел вечером медведь. А медведь ведь не знал того, что мышка девочке рассказала. Стучит медведь в дверь. Девочка спрашивает: «Кто там?» — «Это я, лесной медведь. Пусти меня погреться: мне очень холодно». Девочка говорит: «Надо пустить погреться». Впустила. Медведь вошел: «Ах, ах, как хорошо у тебя пахнет всё. Лепешки приготовила?». «Приготовила. Да больше не осталось. А так бы дала и тебе. Да больше нет». Медведь говорит: «Нет, тогда давай в жмурки играть. Не будет тогда так скучно».

Вот начинают считать, кому глаза завязывать. Вот один, два, три считают. У кого выйдет третий, тому и нужно глаза завязывать. Начал медведь считать таким счетом: «Один, два, три». Медведю и завязали глаза. Медведь дал ей маленький колокольчик: «Ты бегай с колокольчиком. У меня глаза закрыты. Я не вижу».

Завязала (девочка) у медведя глаза. Колокольчик взяла. Пришла мышка. Она (девочка) мышке на шею привязала колокольчик. Сама спряталась под печку. Вот мышка и бегаёт по полу, по потолку, по стенам. Медведь ловил до утра. Не поймал. Устал медведь играть, говорит: «Открой глаза. Я тебе заплачу большую плату. Я очень устал». А девочка говорит: «Я больше устала и ничего не скажу. И тебя боюсь». — «Не бойся меня. Открой глаза».

Avaz silmäd avõõ. Võtti iesteä celleä iirelt cättie, i avaz karult silmäd. Siz karu juttõli: «Annan mie sillõõ dabunii opõziita, suurõõ karjaa lehmii, seitsie kirstua sõpaa, suurõõ bodžgaa kultaa, tõizõõ õpõata. Annan mie sillõõ seitsie siglaa vahciziita, i kahs kal'askaa kaunii rattaikaa. Kõltõizõõ luokaakaa opõzõd rakõtõttu lieväd». Karu meni välleä, i tällie kõikk jäiväd.

Nyt starikka, isä, meneb vaattamaa . A Mažass kutsõttii tyttärikkõiss. «Kui sie, Maša, eläd?» — «Elän, isäni, kass on minuu rikkauz. Kane on kõikk minuu. Millõõ karu antõ». Nyd meneväd izeäkaa kotuo. A näill õli koira emintimällä. I koira haukub: «Tjäf, tjäf, suur karjalehmii tulõb, i dabuni opõzii. Maša tulõb. Kultaa tuob. Õpõat tuob. Ai õnnõva armattoinõ Maša». — «A minuu Fjokla meneb, nii enäp tuob!»

Tuli Maša rihie. Lehmäd i opõzõd akkunall ovad. I kulta bockõikaa. Emintimä eb antannu Mažalõõ syvvä, a meni jo Mažaakaa mettseä näyttämeä zemlänkaa emeä tyt-tärellee, što tuožõ rikkautta saiss. No jo meniväd. Tyttärellie pani lännikko võita, suurõõ lobatkaa lihaa. Pani kukšinaa ylettä, suurõõ laadguo vorogaa, šaikaa mettä, koko värtsii javoit, kahs nippua syämmit. I jätti sinne, i tulivad välleä Mažaakaa, a Fjoklaa jätti.

Tõizõll päiveä meni vaattamaa, a tytärt i eloza bõlõ. Karu repi. A ko täm teci kak-kui, tuli iiri, cysy kakkui. Eb antannu. Tämä taicinaakaa viskaz iirtä. A tuli karu. Tämä avaz uhzõõ yvii mielii. Duumaz etti tuob pal'l'o kultaat, annab. I luci liguu, tyttärikkõin luci. Enessä alkõ: «Yhs, kahs, kõlmõd!» I piti silmäd ciin panna karu tältä. A karu nõisi pyytämeä i sei.

Emä tulõb vaattamaa tõizõll päiveä. A koira haukub väräjeä tyvenn: «Tjäf, tjöf, Fjokla on revitty, karuu revitty. Fjokla kotuo eb tulõ. Karu luud luci. Siltaa myõ leživäd».

Siltaa myõ i ovad luud²¹³.

Kahs nõitaa

Kahs nõitaa tappõlivad. Yhs juttõli: «Tee minuu karussi!» A tõin juttõli: «Tee suõssi!» Siz tõinõ pani nenää möö. Lähs veri. Tõin nenäräteekaa pyhci veree da pani räteekaa kormunaa. I juttõli: «Siä ed või millõõ nyd mitäid tehä - nyd kõik võimaa võtin vällää!»

Pulmaa aikanna pellättii nõitai. Pellättii, etti laskõvad suõssi. Viinaa annõttii nõdd'alõõ²¹⁴.

Развязала глаза. Сперва взяла у мышки колокольчик, и открыла глаза медведю. Затем медведь сказал: «Дам я тебе табун лошадей, большое стадо коров, семь сундуков одежды, большую бочку золота, вторую серебра. Дам я тебе семь сит меди, и две коляски с красными колесами. Желтыми дугами лошади запряжены будут». Медведь ушел, и ей всё осталось.

Вот старик, отец, едет смотреть. А Машей звали дочку. — «Как ты, Маша, живёшь?» — «Живу, батюшка, это мое богатство. Это всё мое. Мне медведь дал». Едут с отцом домой. А у них была собака мачехина. И собака лает: «Гав, гав, большое стадо коров идет и табун лошадей. Маша идет. Золото несет, серебро несет. Ай, счастливая сиротка Маша». — «А моя Фёкла пойдет, так больше принесет!»

Вошла Маша в избу. Коровы и лошади под окном. И с золотом бочки. Мачеха не дала Маше поесть, а пошла уже с Машей в лес показать землянку дочери своей, чтобы тоже богатство получила. Уже пришли. Дочери оставила бочонок масла, окорок мяса. Положила кувшин сливок, большую латку творога, шайку меда, целый мешок муки, две отборных связки пястей льна. Оставила там и ушли с Машей, а Фёклу оставили.

На следующий день пришла смотреть, а дочери и в живых нет. Медведь разодрал. А когда она сделала лепешки, пришла мышка, попросила лепешек. Не дала (Фёкла). Она тестом бросила в мышку. А пришел медведь. Она открыла дверь с радостью. Думала, что принесет много золота, отдаст. И посчитала, девочка посчитала. От себя начала: «Один, два, три!» И нужно было ей завязать медведю глаза. А медведь стал ловить и съел.

Мать пришла на следующий день. А собака лает у ворот: «Гав, гав, Фёкла разодрана, медведем разодрана. Фёкла домой не придет. Медведь кости пересчитал. По полу лежат».

На полу и есть кости.

Два колдуна

Воевали два колдуна. Один сказал: «Сделай меня медведем!» А другой сказал: «Сделай волком!» Тогда второй ударил ему в нос. Пошла кровь. Вторым нос платком вытер кровь да положил платок в карман. И сказал: «Ты не можешь мне ничего сделать теперь — вот всю силу я забрал!»

Во время свадеб боялись колдунов. Боялись, что превратят в волков. Вина давали колдунам.

Jyrci

Meressä nõisi mato. I cysy cylissä jōka talossa inehmizee. Vot i veetii aina sinne inehmissä. Vot siz lõppu jo näväd kōikki talopoigaa inehmized. Tuli räätō kunikkaa tyttäreellee. I tämä nii kōvassi icci kokon-öö. Omniiz piäb jo tätä vijjä. Siz tuli Jyrci õpõzõll selläz.

«Läämmä!», — juttõõb. «Elä idgõ — terve leed!»

Юрчи

Из моря встала змея. И требовала в деревне из каждого дома себе людей. Вот и уводили все время туда людей. А потом все те крестьяне кончились. Пришла очередь царской дочке. Проплакала она горько всю ночь. Наутро должны уже вести ее. Но тут прискакал Юрчи верхом на лошади.

«Пойдем», — говорит. «Не плачь — цела останешься!».

No Jyrjiikaa tyttärikko meni merree rantaa. Jyrci õli õpõzõll selläz. I vot tuli meressä mato, siz tämä tahtõ kunikkaa tyttäre võttaa. Jyrci siz tämä ampu, pysyss ampu. Vot siz kunikkaa tyttäreelle cähsi panna vöölee ciin. I siz tootii mato Leningraadaa. Siz vot, obraaza päälle risovali, mato i Jyrci. I nyd on obrazall, siinn on pantu, kui mato tapõttii²¹⁵.

Ну, вместе с Юрчи дочка пошла на морской берег. А Юрчи был верхом на коне. И вот появилась из моря змея, и захотела она царскую дочку забрать. Юрчи тогда ее и застрелил, из ружья застрелил. И приказал царской дочери привязать к поясу. А потом увезли змею в Ленинград. Потом вот, икону нарисовали, змею и Юрчи. И теперь на иконе там нарисовано, как змею убивали.

Jumal ja pahapool

Jumal i pahapool menti einä lyymä. Pahapool meni vikahtõka. Jumal meni sirpika. Nämä pal'l'o lyyti. A Jumal väsy sirpika. Meni pahapoolõllõ i juttõb:

— Davai, meemm hookama!

Eittisti makkama. A Jumal ize eb nukkunnu. A pahapool makkab. Jumal nõisi, võtti vikahtõ, lei, kunniz pahapool makaz. Lei rohkõp pahapooltõ, meni i juttõb:

— Nõizõ nyd ylez!

Pahapool nõisi ylez.

— Meemmä nyd katsoma õma tyyte, cen kui pal'l'o lei.

Menti katsoma. Katsõtti: pahapool vähep lei, a Jumal rohkõp. Pahapool juttõli Jumalallõ:

— Davai vajõltõmmõ! Siä anna millõ sirppi, a siä võta vikahtõ.

Menti lyymä. Pahapool juttõb:

— Nyd siä minnua enep ed petä!

Sirpika selcä meill nõis vaivõttõma, vot, seneperäss väci nyd sirpika niiteb ryisse, a lyvvä eined vikahtõka.

Jumal i pahapool nõisti nagrissõ cylvemä. Kazvi suurõssi nagriz. Nyd piäb nõissõ katkoma nagrissõ. Jumal juttõb:

— Kumma siä nyd võtad? Võtad siä juurõ ili ladva?

A pahapool juttõli Jumalallõ:

— Näd, miltin õõd viizõz!

Pahapool juttõli jumalallõ:

— Miä võtan ladva, a siä võta juuri.

Nõisti katkoma. Jumalallõ juurõd, a pahapoolõllõ ladvõd. A mitä? Enep eb õõ mittäid. Ladvõd, rohod sai.

Nyt pahapool juttõb Jumalallõ:

— No vot, menti nämä ryisse niitemä. Jumal juttõb:

— Migäd nyd võtad? Ladvõd ili juurõd?

— Siä kahisõ minnua pettelid, a nyd miä votan juurõd.

A Jumal võtti ladvõd. Jumal sai leivä, a pahapool sai juurõd. Seneperässe on, väci syyb Jumala leipä, Jumala vil'l'a, a pahapool cäyb mettsä myy²¹⁶.

Бог и черт

Бог и черт пошли сено косить. Черт пошел с косой. Бог пошел с серпом. Они много накосили. А Бог устал серпом косить. Пошел к черту и говорит:

— Давай пойдем отдыхать!

Легли спать. А Бог сам не спал. А черт спит. Бог встал, взял косу, косил, пока черт спал. Накопил больше черта, пришел и говорит:

— Теперь вставай!

Черт встал.

— Пойдем теперь посмотреть свою работу, кто сколько накосил.

Пошли посмотреть. Посмотрели: черт меньше накосил, а Бог больше. Черт сказал Богу:

— Давай меняться! Ты дай мне серп, а сам возьми косу.

Пошли косить. Черт говорит:

— Теперь ты меня больше не обманешь!

С серпом спина у нас стала болеть, и вот поэтому люди теперь серпом жнут рожь, а сено косят косой.

Бог и черт стали репу сеять. Выросла репа большой. Теперь надо начинать выкапывать репу. Бог говорит:

— Что ты теперь возьмешь? Корешки или вершки?

А черт сказал Богу:

— Ишь, какой умный!

Говорит:

— Возьму себе вершки, а ты бери корешки.

Стали копать. Богу корешки, а черту вершки. И что? Да ничего! Бог ест репу, а черт не ест ничего. Верхушки, траву получил.

Теперь черт говорит Богу:

— Пойдем теперь рожь косить!

Бог говорит:

— Что ты возьмешь? Вершки или корешки?

— Ты меня дважды обманул, а теперь я возьму корешки.

А Бог взял вершки. Бог получил хлеб, а черт получил корни. Поэтому люди едят божий хлеб, божьи злаки, а черт ходит по лесу.

Mustõlaizõss i maoss

No vot, tuli yhte cyllä mato lentäje. Sei kõig väe. Jätti vaa yhe starika. Vot starikk makaz yte. Oomnikollõ duumab: tuõb oomõnn i minu syyb.

Tämä lici tuli cyläse mustõlain. Meni kõik cylä läpi. Eb leytenny yhteci inimisse. Tuli viimize tallo. Katsob: viimizes taloz on yhs starikkõ. Starikkõ isub de idgõb. Mustõlain i cyzyb tält: «Mitä siä starikk idgõd?» — «A vot mitä miä idgõn. Tuli tänne mato. Syyb i minu, eb levve mittä, tämä syyb i minu». Mustõlain i juttõb starikkõllõ: «Elä idgõ, la tuõb; katsommõ juttõb cen cene syyb.

Vähänaiga nämä isutti, kuulla, lentäb mato. Mato lenti i juttõb: «Vot, yvä i on, jätin yhhe, a nytt jo on kahs, millõ leeb migäll suurussa». Mustõlain i juttõb maolõ vassa: «Ali duumad meit mõlõpiit syyvve?» Mato i juttõb: «Syyn mõlõpõd». Mustõlain i juttõb: «Tartub kurkku». Mato i juttõb: «Razve siä õõd varmõp minnua?» Mustõlain juttõb: «Duumõt piäb jot miä õõn varmõp sinnua». — «No, davaiže, ciusama ramoa, kummõll on rohkap». Mustõlain juttõb: «Davai!»

Mato võtti cive, de lutissi pihosõ. Civi meni kõig liivõssi. Mustõlain i juttõb: «Katsokk mikä siä õõd varmõ». «Katsokk miä ku lutisõn cive, nii vesi nõizõb tilkkuma». Mustõlain võtti marja uzla, ku lutissi pihosõ, значит, vesi i tilkku. Mato i juttõb: «Siä õõt hitto varmõp minnua, davai nytt, — juttõb, — myy sinuka teemme tõin tõizõ vel'l'esessi, siä leed vanõp, a miä noorõp. Nõizõmm kahõ yvi elämä». No i mustõlain juttõb: «Davai».

No mitä, mato tahob syyvve. Mato i juttõb mustõlaizõllõ: «Siäl on karjõ ärcä». — «No, mitä siz se ärc toob meile suuruss». Mustõlain meni, võtti cirvelle lõikkõz niiniä, cisko, nõisi punoma rihmaa. Isub da punob rihmaa. Mato oottõli, oottõli, eb võinnu ootõllõ. Võtti de meni ize sinne i juttõb: «Mitä siä nii kauga?» — «A vot, — juttõb, — punon rihma. Ärcä tykkyä kahtõcymmene sion de kõrrõz i toon, siiz meile tappab koko nätelissi liha». Mato syänty jo, ku tõmpõz ärjä änness yli piha i tašib. Mustõlain võtti meeb takann de nagrõb: «Millõ kanni mokomii durakkoit i piäb!»

No, liha saimmõ, piäb žaaritta. Mato lähetti mustõlaissõ vette tooma. Mustõlain võtti ärjä nahga, võtti lappia, meni leyti kaivo. Nõisi ymper kaivoa kaivoma kanava. Mato taaz oottõb, oottõb, eb võinnu ootõllõ. Taaz meni ize sinne. «Mitä siä ni kauga?» — «Da vot, — juttõb, — kaivoa kaivon ymper, koko kaivo kõrrõz toon kotto». Siz maolõ taaz tuli paha meeli. Mato ku suuttu, tõmpõz sene ärjä nahga. Cerppõz vette täynõ i tašši kotto. Mustõlain taaz meeb tyhjeltä takann da nagrõb.

О цыгане и змее

Ну вот, пришел однажды в деревню летающий змей. Съел весь народ. Оставил лишь одного старика. Старик спал ночь. Утром думает: «Придет завтра и меня съест. Он близко».

Пришел в деревню цыган. Обошел всю деревню. Не нашел ни одного человека. Пришел в последний дом. Смотрит: в последнем доме один старик. Старик сидит и плачет. Цыган и спрашивает у него: «Чего ты старик плачешь?» — «А вот чего я плачу. Пришел сюда змей, съест и меня, не найдет ничего, съест и меня». Цыган отвечает старику: «Не плачь, пускай приходит; посмотрим, — говорит — кто кого съест».

Немного они посидели, слышат — летит змей. Змей прилетел и говорит: «Вот хорошо, оставил одного, а тут уже двое, мне будет, чем поужинать». Цыган отвечает змею: «Ты думаешь нас обоих съесть?» Змей и говорит: «Съем обоих». Цыган и отвечает: «Пристанет к горлу». Змей говорит: «Разве ты здоровее меня?» Цыган отвечает: «Надо думать, что я здоровее тебя». «Ну, давай проверять силу, у кого больше». Цыган ответил: «Давай».

Змей взял камень да сжал в кулак. Камень стал весь песком. Цыган говорит: «Смотри-ка, какой ты сильный. Смотри-ка, как я сожму камень, так вода станет капать». Цыган взял горсть ягод, как сжал в кулак, вот вода и закапала. Змей и говорит: «Ты, чертяка, сильнее меня, давай теперь, — говорит, — мы с тобой станем братьями. Ты будешь старшим, а я младшим. Будем вдвоем хорошо жить». Ну и цыган говорит: «Давай».

Ну что, змей хочет есть. Змей и говорит цыгану: «Там стадо быков. Ну что, вот тот бык станет нам ужином». Цыган пошел, взял и топором срубил липу, расщепил, стал веревку плести. Сидит да вьет веревку. Змей ждал, ждал, не смог дожждаться. Взял да пошел сам туда и говорит: «Чего ты так долго?» — «А вот, — говорит, — вью веревку, двадцать быков свяжу да зараз и приведу, тогда нам хватит на целую неделю мяса». Змей рассердился уже, схватил быка за хвост через плечо и тащит. Цыган сзади идет и смеется: «Мне такие дураки и нужны!»

Ну, мясо достали, нужно жарить. Змей отправил цыгана за водой. Цыган взял бычью шкуру, взял лопату, пошел, нашел колодец. Стал вокруг колодца копать канаву. Змей опять ждет, ждет, не смог дожждаться. Опять сам идет туда. «Чего ты так долго?» — «Да вот, — говорит, — копаю колодец вокруг, целый колодец сразу принесу». Тогда у змея стало плохое настроение, змей как рассердился, схватил бычью шкуру. Зачерпнул полную (шкуру) воды и потащил домой. Цыган опять идет позади налегке и смеется.

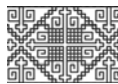

No saati liha, saati vette, piäb jo alka. Siäll om mettsez suur ulkk alkoa, kuivõ puu. Mustõlain meni, davai sitoma puitõ ladvoika yhtee. Mato taaz oottõli oottõli. Eb võin-
nu ootõllõ. Meni ize. Taaz katsob ku mustõlain siob ladvoika yhte puit. Syänty de ku
võtti suurõ vana tammõ, ladvõssõ ciini. Tõmpõz juurinõ de vei.

No vot, saati liha, saati vette, saati alkoa. Keitetti liha, tervenäize ärjä. Mustõ-
laizõlõ mato i juttõb: «Nyd davai syymä». Mustõlain syänty, juttõb: «En taho, miss siä
ed kuunõllu minnua, ed antõnnu millõ, — juttõb, — kahscymmenä ärcä toovvõ, kaivoa
vett sirkad, puit pal'l'o, ebko mittä». Mato võtti sei sene ärjä yhsinä. De eittiz makka-
ma. Makaz vähänaiga. Siz nõisti mustõlaizõka kahõ yle, rakõtõtti cyläss kõlmõd sa-
moi yvä ovõissõ, issuzivad mustõlaizõka opõizilõ pääle.

Mustõlain kuttsu tätä enellez võõrõzi. No i meeb sinne mustõlaizõlõ võõrõzi. A
mustõlaizõ lahs makkab pal'l'õz, muud pääd musad, tulla vassa de juttõvõd: «Ai,
med'd'e isä tuõb, — juttõb, — kõlmõd ovõiss eez, de mato pääle pantu». Mato i cyzyb
mustõlaizõlt: «Mitä nämä pajattõvad?» — A vot juttõb: «Nämä nyd ku tulla, kane minu
lahzõd, ku algõta sinnua, — juttõb, — kanni kulakkaill mittoa, tappõvõd». Mato ku
heitty de pakõni mettsä. Jätti mustõlaizõlõ opõizõd, jätti tälle kõig. Jätti mustõlaizõlõ
kõlmõd ovõissõ de rospuska²¹⁷.

Sõtameez

Sõtameez sluuži kahsicymmeet vootta sluužbaa, kotonn eb cäynny, i cirjaa eb
cirjuttannu kottoo. Tämä sluuži kaukaa rajoilla. I tuli tälle ostafko ja vällää lastii, a
sluuži enellee sata rubl'aa pensiä aigassaigalõd.

Tuõb tämä kotoo ööd i päivät, tuõb nätelä kahsi aikaa. Tuli yhtee cyllää, lähteä
öömõöhä. No duumaz, ajattõli tämä i lähsi menemää. Meni kahsicymmeet virssaa, joo
tuli pimmiä. Veel meni virssaa viitetõiss-cymmenee, ajattõõb ize enelläz: «Nyd jo on
poolõõtä i katsõõb, ebko näy kuza oonõhta, kuhõ näissa ookaamaa; virssaa viiteetäiss-
cymmenee jo tuli, i rohkõap, jo väsyzin». Ize ain menen etez, katson tee äärezi on aita.
Hyppäzin yli. Johtu meelee, jott vana rahvaz jutõllaa, jott kalmoi pääl on kerkia maga-
ta. La vizgahtaan cyl'l'ellää, katson — on yhsi auta avõ i ruhipuu on avvaa pääl. No siz
miä võtin sene ruhipuu, lazín autaa, ize nõizin ruhipuu syämee i cyl'l'elää i võtin mõõ-
kaa cättee i oottõõn, mitä siin leeb.

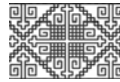

Ну, получили мясо, воду, нужно уже начинать. Там в лесу большая куча дров, сухое дерево. Цыган пошел и давай связывать деревья вместе с верхушками. Змей ждал, ждал опять. Не смог дожидаться. Пошел сам. Опять смотрит, как цыган связывает верхушки вместе с деревьями. Рассердился, да как взял большой дуб за макушку. Выдернул с корнем и понес.

Ну вот, получили мясо, воду, дрова. Сварили мясо целого быка. Цыгану змей и говорит: «Теперь давай есть». Цыган рассердился, говорит: «Не хочу, оттого что ты меня не слушал, не дал мне принести двадцать быков, колодец с чистой водой, много дров, ничего». Змей взял да и съел быка один, и лег спать. Поспал немного. Затем встал вместе с цыганом, запрягли из деревни трех самых хороших лошадей, сели с цыганом на лошадей.

Цыган пригласил его к себе в гости. Ну, и едет к цыгану в гости. А сын цыгана спит голышом, другие головы черные. Идут навстречу и говорят: «Ай, наш отец едет, — говорят, — три лошади впереди, да и змей сверху положен». Змей спрашивает у цыгана: «Что они говорят?» — А вот говорит: «Они если придут, эти мои дети, так начнут тебя, — говорит, — кулаками измерять, поколотят». Змей как испугался, да и в лес убежал. Оставил цыгану лошадей, оставил ему все. Оставил цыгану трех лошадей и телегу.

Солдат

Солдат служил 20 лет службу, домой не ходил и писем не писал. Он служил далеко на границе. И вышла ему отставка, и отпустили его, назначив пенсию 100 рублей.

Идет он домой день и ночь, идет две недели и пришел в одну деревню на ночевку. Остаться рановато. Думал, думал, пошел дальше. Прошел 20 верст, стало темно. Еще прошел 15 верст, про себя думает: «Уже полночь, нет ли где дома, где можно отдохнуть, верст 15 уже прошел, и больше, я уже устал». А сам все дальше иду, смотрю, у дороги забор, перепрыгнул и оказался на кладбище. Вспомнил, что старики говорили, что на кладбище легко спится. Прилег на бок, смотрю, одна могила открыта, и гроб на могиле. Ну, я взял этот гроб, опустил в яму, забрался в гроб, взял меч в руки, лег на бочок и жду, что дальше будет.

Ku vähä aikaa oottõlin jo tuõb mokomaa enci viihkurakaa kõhallaa avvaa pääle i cysyb: «Cen siä õõd? Nõiz vällää — miä sinuu söön!» I puhub suussa tämä silmile tulta. Sõtameez vassaab: «A mitä silla tarviz, mitä tuõn õmaa teetä möö i väsyzin, nytte sain yvää paikaa, kuza oogata. Kasee tuli eb tapa, a miä sinnua en tää. Cen siä õõd? Elä puhu tulta suussa, miä sõaz näin rohkõpi tulta». Siz nõisi ruumõ kõikõll viisi eitytämää, araganna lenteemää, karussi muuttumaa ja suõssi. Arvazi sõtameez, etti kase on ruumõ avvassa ja vassaab: «Parõp elä i eitytä minnua, miä en i pelcää, a parõp juttõõ, kuza õlid». Ruumõ näeb i nõisi cysymää: «Sõtameez, las minnua õmalõ tilalõ jo parai- kaa kukkõ laulab, miä jään maa pääle». Sõtameez juttõõb vassaa: «Enne en laze ku 'd

Через некоторое время подождал, подходит такое существо вихрем прямо к могиле и спрашивает: «Кто ты? Выходи, я тебя съем». И дует изо рта в его глаза огнем. Отвечает солдат: «Что тебе надо, я иду своей дорогой и устал, теперь нашел хорошее место, где отдохнуть. Сюда огонь не достанет, а я тебя не знаю. Кто ты? Не дуй огня изо рта, я на войне видел больше огня». Тогда тот стал его повсюду пугать: и сорокой летать сверху, и медведем оборачиваться, и волком. Догадался солдат, что это покойник из этой могилы и говорит: «Лучше не пугай меня, я не боюсь, а лучше скажи, где был?» Покойник видит и опять просит: «Солдат, пусти меня на свое место, а то сейчас петух запоеет, я останусь на зем-

juttõõ, kuza õlid». Ruumõlla eb õõ tehä mitää. Juttõõn las vaa: «Miä õlin kassen cyläzä pool virssaa maata. Siäl õllaa pulmad, miä rikkozin noorõd, tein civehshi».

Sõtameez vassaab: «Vot sinnua i las! Enne en laze ku 'd juttõõ, kui parattaa ruumõ vassaa». — «Kui miä nõizõn lankõõmaa autaa, siz lõikaa minuu silmäkankaassa tykky i paa põlõmaa i ymper neitä nooria pöörytä i nämäd siz leeväd, kui õltii». Siz nõizõb sõtameez avvassa ylez i tartub silmäkankaassa ciini, i lõikaab otsaa vällää i panõb kor-manoo; a ruumõ lankõz autaa i auta meni ciini nii kui eb i olluccii.

A sõtameez lähsi cyllää meni yhtee talloo õõhshi. Lici pulmatalloa. Naapuri nainõ juttõõb, jott meil on sõtameez õõtäb, ebko tämä tää kui parattaa. Mentii pulmaväci kutsumaa sõtameessä. Sõtameez tuli, juttõõb, jott miä õõn kuullu, kui paratõtaa, näyt-täгаа millõõ, kuza nämä magataa. Veetii sõtameessä lauttaa , kuza noorõd magattii. Võtti sõtameez kormunassa silmäkankaa tykyy i pani põlõmaa i pöörytti vyyssä pää poolõ. Meez avahtu yleez i juttõõb: «Oi kui kaukaa makazin!» Sõtameez juttõõb: «Elä eity, katso jalkoi pääle». Meez katsob: jalgad õllaa civized. Sõtameez juttõõb: «Nõiz takaz makkaamaa, miä praavitan jalgad». Siz pöörytti savvuukaa i jalgad. Siz nõistii mõlõpad ylez, ženiha i noorikkõ nõistii ylez, pantii ehteed pääle.

Meez võtti putelii cättee i nõisi poccivoittamaa. Sõtameez jõi enee vesolahsi i siz lähetaa lautass rihee, sõtameez eez, a noorõd peräss. Mentii rihee, sõtameez võtõttii ciini, kõikk suku takan, i tarittsõtaa tälle rahhaa i õlutta i viinaa. Sõtameez juttõõb: «Miä rahhaa en taho, razvi võtan rubl'a cymmene toomuzihshi, jott miä saan ize sata rubl'aa pensiä, a viinaa i õlutta miä joon. Ciittäгаа Jumalaa, jott miä arvazin, kui teilee avittaa».

No siz taaz sõtameez lähsi menemää kotopoolõõ. Meni tämä kuuta kahsi aikaa, katsob, jott õma cylä on i tunnõb õma talo. Meni naapurii ookaamaa i cysyb naapuriza: «Kui kasta cyllää kutsutaa ja kasta talloa, mikä on vassaza? Mitä kuulub ted'd'ee cyllää, ebko õõ mittää uutta mennoa?» No siz naapurii naizikko juttõõb, jott kassen naapuriz on starikka kuus näтелиä kooli i eväd saa rihessä vällää. Siz sõtameez juttõõb: «Laa miä meen näile õõhshi». Sõtameez meni cysyzi näile õõhshi.

Võtõttii vassaa velläd i mind'äd, pantii õhtogõizõlõ. Ize idgõtaa. Nõis söömää. I med'd'ee velläle õhtogõissa annab. Sõtameez juttõõb: «Miä õõncii ted'd'ee vellä». Siz vel'l'ä juttõõb: «Med'd'ee taatto on koollu kuus näтелиä, emmä saa rihessä vällää». Sõtameez juttõõb: «La miä meen tämääkaa makkaamaa». Meni eittiz lavõzõlõ, pää pani izää-kaa yhtee,mõõkkaa võtti cättee. Poole õõ aikana nõizõb isä ylez issumaa i cysyb: «Ivan! Siä õõd?» — «Miä». — «Kussa sinnua Jumala jõvvutti kotopoolõõ, miä sinnua oottõõn kuvvõiz näтели. Lähemmä siz nyd pulmaa, paraikaa tuõb karetti akkuna allõ. Siä yppää karettii, a miä perässä yppään. Karetti ku sõizottaab, siä siz yppää taaz vällää i mene pul-mataloo ahjo pääle (siältä sinnua cenniid eb näe) i katso mitä möö teemmä».

ле». Солдат ему в ответ: «Раньше не пущу, пока не скажешь, где был». Покойнику делать нечего: «Ладно, скажу. Я был в деревне, полверсты отсюда. Там идет свадьба. Я испортил молодых, превратил их в камень».

Солдат отвечает: «Вот тебя и пусти! Не пущу раньше, пока не скажешь, как исправить то, что ты натворил». — «Как я буду падать в яму, ты срежь кусочек от моего савана и зажги его, и обведи вокруг молодых. Тогда они станут такими же, как были». Встает солдат из ямы, хватает за покрывало, отрезает кусок савана и кладет в карман. Покойник упал в яму, яма закрылась, как будто и не было ее.

А солдат пошел в деревню, попросился на ночлег в один дом по соседству со свадебным домом. Соседка говорит, что у нее солдат ночует, не знает ли он, как беде помочь. Пошел свадебный народ звать солдата. Солдат пришел, говорит: «Слышал я, как помочь. Покажите, где они спят». Отвели солдата в хлев, где спали молодые. Взял солдат из кармана кусочек савана, зажег и обвел мужчину от пояса до головы. Мужчина проснулся и говорит: «Ой, как долго я спал!» Солдат говорит: «Не пугайся, посмотри на свои ноги». Мужик смотрит, а ноги у него каменные. «Ложись опять, я помогу ногам». Обернул дымом ноги мужчине. Тогда оба встали, жених и молодуха, одели наряды.

Мужик взял бутылку в руки и стал солдата угощать. Выпил солдат, стал веселым, тогда пошли из хлева в комнату, солдат впереди, молодые за ним. Как в комнату вошли, окружили солдата родственники, предлагают ему денег, пива и вина. «Я денег не хочу, разве взять рублей 10 на гостинцы, потому что я сам 100 рублей пенсии получаю, а вот вина и пива выпью. Благодарите Бога, что я догадался, как вам помочь».

И опять пошел солдат в сторону дома. Шел он месяца два. Наконец пришел в свою деревню и свой дом узнал. Зашел к соседу отдохнуть и спрашивает: «Как эту деревню называют и этот дом, который напротив? Что слышно в вашей деревне, нет ли какой новости?» Тогда жена соседа говорит: «У этих соседей есть старик. Шесть недель как умер, а похоронить не могут». — «Пойду к ним на ночь». И попросился к ним ночевать.

Встретили его братья и невестки. Дали ему поужинать. Сами плачут. Начал солдат есть и братьев угощает. Потом говорит: «Я и есть ваш брат». Тогда один из братьев ему рассказал: «Наш отец умер шесть недель назад, не можем его из комнаты вынести». — «Я пойду с ним спать». Пошел солдат, прилег на лавочку, голову положил с отцом рядом, меч взял в руки. В полночь отец встал: «Иван, ты это?» — «Я». «Откуда тебе господь направил домой прийти? Я тебя шестую неделю жду. Пойдем теперь на свадьбу. Сейчас приедет карета. Ты прыгни в карету, а я потом прыгну. Когда карета остановится, выйди из нее и иди в свадебный дом на печь. Там тебя никто не увидит и смотри, что мы сделаем».

Pulmaväci kõikk issutaa lavvaa takan, viinaa i õlutta juvvaa i laulõtaa. Noorõd issuvad lavvaa takan akkunaa kõhal i suuta annõtaa. Tultii karettissa paha väci, i nõistii muttimaa i võtõttii tehtii noorõd suõhsi i lastii akkunassa vällää, mettsää, i ize mentii vällää. Sõtameez kaaz meni karettii i lähettii menemää. Viis minuttia mentii i karetti sõizottaz. Sõtameez yppäz karettissa vällää i meni rihee issuz lavõzõlõ. A isä peräss, isä cyzyb: «Veelko sillõ pulmad näyttiz?» Sõtameez juttõõb: «Õikõõ yvässi näyttiz: kui kaugaa nee nyd leeväd sutõn noorõd, i veelko näitä saab parattaa?» Isä juttõõb: «Saab». Sõtameez juttõõb: «A kui saab?» — «Mikä pappi näitä vihci, senee papii lehmä piäb tappaa i nahka põlõttaa i tuhgad akkunass laskõa kujalõ, siz nämä tullaa takaz, kui õltii isuttii pulma-aikan».

Siz sõtameez cyzyb izältä: «Veelko sinnua saab kazetta riihessä vällää?» A isä juttõõb: «Saab». — «A kui saab?» — «Piäb etsiä mussa katti i mussa kukkõ i piccä kasikaz, õttsa yhsi katilõ jalkaa sittoa ciini, a tõinõ õttsa kukõlõ jalkaa, a chehsipaikka millõ jalkaa, siz piäb kal'l'ua: «Tiiis da briis!» Siz nämä lähteväd menemää, jott pää mahaa eb tappaa niku õpõtõttu. I kukkõ laulo, izä takas kooli».

Oomnikol nõis sõtameez ylez, juttõõb vellile: «Menkaa, ettsikaa mussa katti i mussa kukkõ i piccä kasikaz, nõizõmma veemää isää autaa». Yhsi vellä meni kattia toomaa, tõinõ kukkõa i mind'ä kasikassa toomaa. Siottii kasikaz chehsipaikassa izäle jalkaa a yhsi õttsa kukõlõ, a tõinõ katile. Siz kal'l'ub: «Tiiis da briis!» Lähettii menemää nii jott eb pää mahaa tavannu kalmoilõssaa. I lastii autaa, i aapõin vad'd'a torkettii rintoi pääle, i veel siäl vingahti avvaz. Siz tultii kottoo. Sõtameez juttõõb: «Eb enäp takaz tuõ! A miä nyd lähen pulmia praavittamaa, kummad ruumõ on rikkonnu».

Meneb nätelii, tõizõõ cyzytteeb: «Kuza on pulmad rikottu i suõhsi tehty?» Väci jutõllaa, siälciil cyläzä. Sõtameez meni sihee cyllää i sihee talloo, cyzyb vanalt mehelt: «Mitä sillõ kuulub mitä siä tuskaad?» Vana meez vassaab: «Miä en tuskaa, ku milla yhsi poika õli i secii tehtii suõhsi pulma-aikan?» A sõtameez juttõõb: «Veelko siä tahod, jott nämä tultais kottoo i pravihuttais?» Isä juttõõb: «Tahon». No sõtameez juttõõb: «Elä tuskaa, pravitan. Mene õsa papilta lehmä, anna nii pal'l'o rahaa, mitä vaa cyzyb pappi».

Isä õssi lehmää papilta i tõi kottoo. Sõtameez nylci nahgaa i põlõtti i tuhgad laski akkunass kujalõ. I suõd joossaa yhsi eez tõinõ takan akkunass rihee i muuttustii inemizehsi, kui õltii noorõn pulmii aikan. Noorikkõ i meez kummartastii sõtamehele jalkaa: «Siä nyd õõd parõpi isä meile kui õma». Nõistii elämää parvõza i leipää söömää.

I miä siäl õlin, õlutta jõin. Ussei möö tilkkua suhõõ eb tavannu. Kaask on kõikk i pajattaa eb õõ mittää²¹⁸.

Свадебные люди все сидят за столом, вино и пиво пьют и поют. Молодые сидят за столом у окна и целуются. Вдруг видит солдат, что вышли из кареты плохие люди, стали колдовать, превратили молодых в волков, выпустили их из окна в лес, а сами ушли. Солдат тоже сел в карету, поехали. Пять минут ехали, и карета остановилась у родного дома. Выпрыгнул солдат из кареты, зашел в комнату, сел на лавку, смотрит, а отец уже дома. Отец спрашивает: «Тебе свадьба понравилась?» — «Очень понравилась! Как долго будут молодые волками, и можно ли им помочь?» — «Можно!» — «А как можно?» — «Какой поп их венчал, того попа корову нужно убить, а шкуру сжечь и пепел пустить из того окна на улицу. Тогда они снова станут такими, как были и сидели во время свадьбы».

Тогда солдат спрашивает у отца: «Теперь можно тебя из этой комнаты вынести?» Отец говорит: «Можно». — «А как можно?» — «Надо найти черную кошку и черного петуха и длинную палку. Один конец привязать к ногам кота, другой — к ногам петуха, а середину палки к моим ногам, а потом надо крикнуть: «Жис да брис!» Тогда они понесут меня на кладбище так, чтобы моя голова земли не доставала, как научены. И как петух пропоет, отец снова умрет».

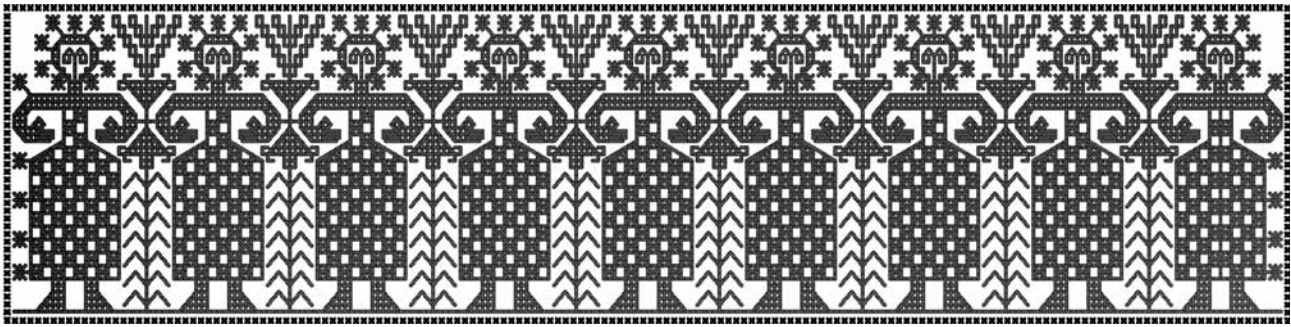
Утром солдат встал, говорит братьям: «Идите, найдите черную кошку и черного петуха и палку — будем отца хоронить». Один брат пошел за котом, другой — за петухом, а невестка — за палкой. Привязали палку посередине к ногам отца, один конец — к ногам петуха, другой конец — к ногам кота. Крикнули: «Жис да брис!» Отправили (отца) на кладбище так, что бы голова до земли не доставала. И спустили в яму, и кол осиновый поставили на грудь, и еще колом грудь проббили. Потом пришли домой. Солдат говорит: «Теперь не вернется! А я теперь пойду свадьбу исправлять, которую покойник расстроил».

Неделю искал, спрашивал: «Где свадьба испорчена, и молодые волками сделаны?» Народ говорит, что в такой-то деревне. Пошел солдат в эту деревню и в этот дом и спрашивает у старого мужика: «Что у тебя слышно? Что ты грустишь?» Отвечает старик: «Как мне не грустить? У меня один сын был, и того сделали волком во время свадьбы». Тогда солдат спрашивает: «А ты еще хочешь, что бы они вернулись домой и исправились?» Отец говорит: «Хочу!» Солдат говорит: «Не грусти, исправлю. Иди, купи у попа корову, Дай столько денег, сколько он попросит».

Отец корову купил, привел домой. Солдат снял шкуру с коровы, сжег и золу пустил из окна на улицу. И бегут волки один впереди другого за окном дома, и превратились в людей, какими были молодыми во время свадьбы. Поклонились молодая и муж солдату в ноги: «Ты теперь нам лучший отец, чем родной». Стали жить вместе и хлеб есть.

И я там был, пиво пил, по усам капало, в рот не попало. Сказка кончилась, и говорить больше нечего.

ССЫЛКИ

¹ В 2003 г. Обществом водской культуры было выпущено неофициальное издание, а затем в 2004 г. книга была издана официально, но малым тиражом в 200 экземпляров: *Vadða kaazgöt — Водские сказки*. СПб., 2004.

² Об истории и культуре воды см.: *Конькова О.И.* Водь. Очерки истории и культуры. СПб., 2009. 252 с.

³ В раздел «Сказки» также вошли сказки, опубликованные в книге «*Vadða kaazgöt — Водские сказки*». СПб., 2004.

⁴ *Grünthal R.* Liivistä liiviin. Itämerensuomalaiset etnonymit // *Castrenianum toimetiteita*. 51. Helsinki, 1997.

⁵ *Рябинин Е.А.* Об исследовании средневековых могильников води в Ленинградской области // *Известия Академии наук ЭССР. Общественные науки*. 1987. № 4. С. 408–411.

⁶ *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов*. М.; Л., 1950. С. 17.

⁷ Там же. С. 28.

⁸ Там же. С. 150.

⁹ *Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв.* / Сост. Я.Н. Щапов. М., 1977. С. 150.

¹⁰ *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов*. М.; Л., 1950. С. 89, 95.

¹¹ Там же. С. 154.

¹² *Спицын А.А.* Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л.К. Ивановского // *Материалы по археологии России*. СПб., 1896. № 20. С. 48–52; *Глазов В.Н.* Архив Института истории материальной культуры РАН. Ф. 1. 1903 г. Д. 49; Отчет о раскопках В.Н. Глазова у дер. Мануйловой Ямбургского уезда 1905 г. // *Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества*. Т. VII. Вып. 1; *Ryabinin E.A.* The Chud of the Vodskaja Ryatina in the Light of New Discoveries // *Fennoscandia Arcaeologica*. 4. 1987. P. 87–104; *Рябинин Е.А.* Финно-угорские племена в составе Древней Руси. СПб., 1997.

¹³ *Новгородские писцовые книги*. Т. III: Переписная оброчная книга 1500 года (первая половина). СПб., 1868.

¹⁴ *Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года*. Тетрадь XXXVII. С.-Петербургская губерния. СПб., 1903. Табл. XIII. С. 92, 93.

¹⁵ *Trefurt Fr.-L.* Von den Tschuden // *Gadebusch Fr.* Versuche in der livländischen Geschichtskunde und Rechtsgelehrsamkeit. I Band. Riga, 1783.

¹⁶ *Öpik E.* Vadjalastest ja isuritest XVIII saj. lõpul. Etnograafilisi ja lingvistilisi materjale Fjodor Tumanski Peterburi kubermangu kirjelduses. Tallinn, 1970. Lk. 54.

¹⁷ *Köeppen P.* Erklärender Text zu der ethnographischen Karte des St. Petersburger Gouvernements. SPb., 1867; *Кеппен П.* Водь и Вотская пятина // *Журнал министерства народного просвещения*. Июнь. СПб., 1851. ЦОС. Отд. II, кн. 1. С. 41–67; Отд. II, кн. 2. С. 100–146.

¹⁸ Названия населенных пунктов сначала приведены в водском звучании, а в скобках — в форме современного наименования деревень в соответствии с данными: *Административно-территориальное деление Ленинградской области: Справочник*. Л., 1990.

- ¹⁹ *Köeppen P.* Erklärender Text zu der ethnographischen Karte des St. Petersburger Gouvernements. SPb., 1867. В. 1–38.
- ²⁰ Полное собрание русских летописей. Т. 13:1. Патриаршая или Никонова летопись. СПб., 1904. С. 299.
- ²¹ *Schlegel Chr. J.* Reise von St.-Petersburg nach dem Pleskowschen Gouvernement im Monat Julius 1815. Meiningen, 1831. В. 37.
- ²² *Моора Х.А., Моора А.Х.* Из этнической истории води и ижоры // *Slaavi-läänemeresoome suhete ajaloost*. Из истории славяно-прибалтийско-финских отношений. Tallinn, 1965. Lk. 63.
- ²³ *Kettunen L., Posti L.* Näytteitä vatjan kielestä // *Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia* 63. Helsinki, 1913.
- ²⁴ Всесоюзная перепись населения 1926 года. Народность и родной язык. М., 1928. С. 12.
- ²⁵ *Tsvetkov Dm.* Vadjalased // *Eesti keel*. IV. Tallinn, 1925.
- ²⁶ *Золотарев Д.А.* У ижор // Труды Ленинградского общества изучения местного края. Л., 1927. Т. I.
- ²⁷ Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. М., 2004.
- ²⁸ Об истории и культуре води см.: *Конькова О.И.* Водь. Очерки истории и культуры. СПб., 2009. 252 с.
- ²⁹ *Паллас П.* Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницей Высочайшей Особы (императрицей Екатериной II). 1787. Т. 1. 1789. Т. 2.
- ³⁰ *Õpik E.* Vadjalastest ja isuritest XVIII saj. lõpul. Etnograafilisi ja lingvistilisi materjale Fjodor Tumanski Peterburi kubermangu kirjelduses. Tallinn, 1970. Lk. 165–189.
- ³¹ *Ленсу Я.Я.* Материалы по говорам води // Западнофинский сборник. Л., 1930. С. 201–305.
- ³² *Vadja keele sõnaraamat*. 3. Tallinn, 1996. Lk. 199.
- ³³ *Kettunen L.* Vatjan kielen äännehistoria. Helsinki, 1930.
- ³⁴ *Видеман Ф.И.* О происхождении и языке вымерших ныне курляндских кривинов. СПб., 1872.
- ³⁵ *Tsvetkov D.* Vähäize juttua vad'd'älaisiss. Eesti keel. 1931. S. 57–66.
- ³⁶ *Kettunen L.* Vatjan kielen äännehistoria. Helsinki, 1930. S. 172.
- ³⁷ *Адлер Э.* Водский язык // Языки народов СССР. Т. 3. Финно-угорские и самодийские языки. М., 1966; *Лаанест А.* Водский язык // Языки мира. Уральские языки. М., 1993.
- ³⁸ *Posti L., Suhonen S.* Vatjan kielen Kukkosin murteen sanakirja. Helsinki, 1980.
- ³⁹ *Хейнсоо Х.* Водь и ее этнокультурное состояние // Прибалтийско-финские народы. История и судьба родственных народов. Ювяскюля, 1995. С. 174.
- ⁴⁰ *Adler E.* Vadjalaste endisajast. Idavadja murdetekste. Tallinn, 1968.
- ⁴¹ *Ahlqvist A.* Wotisk grammatik jemte språkprof och ordförteckning // *Acta Societatis Scientiarum Fennicae*. V. I. Helsingforsiae, 1856.
- ⁴² *Ariste P.* Vadja keele grammatika. Tartu, 1948.
- ⁴³ *Лаанест А.* Водский язык // Языки мира. Уральские языки. М., 1993.
- ⁴⁴ *Ленсу Я.Я.* Материалы по говорам води // Западнофинский сборник. Л., 1930. С. 262.
- ⁴⁵ *Mustonen O. A. F.* Muistoonpanoja Vatjan kielestä. Virittäjä, 1883.
- ⁴⁶ *Tsvetkov Dm.* Vatjan kielen Joenperän murteen sanasto. Toim. Johanna Laakso. *Lexica Societatis Fenno-Ugricae*, 25. Kotimaisten kielten tutkimus-keskuksen julkaisuja, 79. Helsinki, 1995.
- ⁴⁷ *Tsvetkov Dm.* Vadja keele grammatika. Koostanud ja toimetanud Jüri Viikberg, Tallinn, 2008.
- ⁴⁸ *Vadja keele sõnaraamat*. 1–5. Tallinn, 1990–2006.
- ⁴⁹ См., например: *Adler E.* Vadjalaste endisajast. Idavadja murdetekste. Tallinn, 1968; *Ariste P.* Vadja muistatusi // *Emakeele Seltsi Toimetised*. 13. Tallinn, 1979; *Он же.* Vadja muistendeid // *Emakeele Seltsi Toimetised*. 12. Tallinn, 1977; *Он же.* Vadja pajatusi // *Emakeele Seltsi Toimetised*. 18. Tallinn, 1982; *Он же.* Vadja rahvakalender. Tallinn, 1969; *Он же.* Vadja rahvalaulud ja nende keel // *Emakeele Seltsi Toimetised*. 22. Tallinn. 1986, Lk. 89–99; *Он же.* Vadja rahvaluule võlus // *Saaremaast Sajaanideni ja kaugemaalegi*. Tallinn, 1970; *Он же.* Vadjalane kätkest kalmuni // *Emakeele Seltsi Toimetised*. 10. 1974; *Ariste P.* Vadjalaste laule // *Emakeele Seltsi Toimetised*. 3. Tallinn, 1960; *Он же.* Vatjalaisten loitsuista // *Kaleveleseuran Vuosikirja*. 54. Porvoo-Helsinki, 1974. S. 46–59.
- ⁵⁰ Диссертация М.З. Муслимова «Языковые контакты в Западной Ингерманландии (нижнее течение реки Луги)» была защищена в 2005 г.
- ⁵¹ Например: *Агранат Т.Б.* Западный диалект водского языка. Унифицированное описание диалектов уральских языков. М.; Гронинген, 2007; *Маркус Е.Б.* Типология морфемного варьирования (на материале морфонологических систем говоров водского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006;
- ⁵² *Tsvetkov D.* Vähäize juttua vad'd'älaisiss. Eesti keel. 1931. S. 57–66.
- ⁵³ Загадка записана в дер. Мати (Маттия) в 1927 г.: *Ленсу Я.Я.* Материалы по говорам води // Западнофинский сборник. Л., 1930. С. 267.

- ⁵⁴ Поговорка записана в дер. Куккози (Куровицы) в 1927 г.: *Ленсу Я.Я.* Материалы по говорам води // Западнофинский сборник. Л., 1930. С. 296.
- ⁵⁵ *Këppen П.* Хронологический указатель материалов для истории инородцев Европейской России. СПб., 1861. С. 81–82.
- ⁵⁶ *Шаскольский И.П.* Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII–XIII вв. Л., 1978. С. 208.
- ⁵⁷ *Këppen П.* Водь и Вотская пятина // Журнал министерства народного просвещения. 1851. Июнь. LXX. Отд. II, кн. 1. СПб. С. 60, 62.
- ⁵⁸ *Кочкуркина С.И., Спиридонов А.М., Джаксон Т.Н.* Письменные известия о карелах. Петрозаводск, 1990. С. 64.
- ⁵⁹ *Там же.* С. 64–72.
- ⁶⁰ *Там же.* С. 67–72.
- ⁶¹ *Zeträus L., Porthan H.G.* Einiges über die Sitten der Wotländer // Allgemeine Geographische Ephemeriden XII. B. VI Stück December 1803. Weimar. B. 688–693.
- ⁶² *Ленсу Я.Я.* Материалы по говорам води // Западнофинский сборник. Л., 1930. С. 217–218.
- ⁶³ *Ariste P.* Vadja rahva usundist // Virittäjä. 1932. S. 131; *Ariste P.* Vadja muistendeid // Emakeele Seltsi Toimetised. 12. Tallinn, 1977. Lk. 126–139.
- ⁶⁴ *Kettunen L., Posti L.* Näytteitä Vatjan kielestä. Suomalais-ugrilaisen seuran toimituksia LXIII. Helsinki, 1932. S. 68; *Ariste P.* Vadja muistendeid // Emakeele Seltsi Toimetised. 12. Tallinn, 1977. Lk. 138; *Ariste P.* Emä ja isä vatjan kansanuskossa // Kalevalanseuran Vuosikirja. 1958. S. 30–32.
- ⁶⁵ *Ariste P.* Emä ja isä vatjan kansanuskossa // Kalevalanseuran Vuosikirja. 1958. S. 36; Vadja keele sõnaraamat. 3. 1966. Lk. 255–256.
- ⁶⁶ *Ariste P.* Vadja muistendeid // Emakeele Seltsi Toimetised. 12. Tallinn, 1977. Lk. 130–134.
- ⁶⁷ *Ariste P.* Emä ja isä vatjan kansanuskossa // Kalevalanseuran Vuosikirja. 1958. S. 32.
- ⁶⁸ *Ленсу Я.Я.* Материалы по говорам води // Западнофинский сборник. Л., 1930. С. 216–217.
- ⁶⁹ *Ariste P.* Emä ja isä vatjan kansanuskossa // Kalevalanseuran Vuosikirja. 1958. S. 32–33.
- ⁷⁰ *Seilenthal T.* Vadja meccäläin ja nurmelain // Emakeele Seltsi Aastaraamat. 14–15. 1968–1969. Lk. 171–172.
- ⁷¹ *Ariste P.* Emä ja isä vatjan kansanuskossa // Kalevalanseuran Vuosikirja. 1958. S. 33–34.
- ⁷² *Ariste P.* Vadja muistendeid // Emakeele Seltsi Toimetised. 12. Tallinn, 1977. Lk. 140–151.
- ⁷³ *Seilenthal T.* Vadja meccäläin ja nurmelain // Emakeele Seltsi Aastaraamat. 14–15. 1968–1969. Lk. 171–172.
- ⁷⁴ *Ariste P.* Vatjalaisten vesiämmä // Virittäjä. 69. 1965. S. 430–431.
- ⁷⁵ *Ariste P.* Vadja rahva usundist // Virittäjä. 1932. S. 131.
- ⁷⁶ *Ariste P.* Vadja lemmüz // Virittäjä. 1943. S. 302–310; *Ariste P.* Vadja muistendeid // Emakeele Seltsi Toimetised. 12. Tallinn, 1977. Lk. 103–115.
- ⁷⁷ *Ariste P.* Vadja rahva usundist // Virittäjä. 1932. S. 131–133.
- ⁷⁸ *Ariste P.* Vadja muistendeid // Emakeele Seltsi Toimetised. 12. Tallinn, 1977. Lk. 116–122.
- ⁷⁹ *Ibid.* Lk. 123–125.
- ⁸⁰ *Кочкуркина С.И., Спиридонов А.М., Джаксон Т.Н.* Письменные известия о карелах. Петрозаводск, 1990. С. 61, 64–65.
- ⁸¹ *Ariste P.* Vatjalaisten čivirdukko // Kotiseutu. 1965. S. 156.
- ⁸² *Ленсу Я.Я.* Материалы по говорам води // Западнофинский сборник. Л., 1930. С. 216–217.
- ⁸³ *Там же.* С. 217–218, 221–222, 254.
- ⁸⁴ *Ariste P.* Vadja rahva usundist // Virittäjä. 1932. S. 130.
- ⁸⁵ *Ibid.* S. 131.
- ⁸⁶ *Öpik E.* Vadjalastest ja isuritest XVIII saj. lõpul. Etnograafilisi ja lingvistilisi materjale Fjodor Tumanski Peterburi kubermangu kirjelduses. Tallinn, 1970. Lk. 113.
- ⁸⁷ *Ariste P.* Vadja muistendeid // Emakeele Seltsi Toimetised. 12. Tallinn, 1977. Lk. 63–64, 70.
- ⁸⁸ *Ленсу Я.Я.* Материалы по говорам води // Западнофинский сборник. Л., 1930. С. 303–304.
- ⁸⁹ *Lukkarinen J.* Järvikoisin kylän uhripaikat Inkerissä // Suomen museo. 1910. S. 64.
- ⁹⁰ *Ariste P.* Vadja rahva usundist // Virittäjä. 1932. S. 131.
- ⁹¹ *Ariste P.* Vadja muistendeid // Emakeele Seltsi Toimetised. 12. Tallinn, 1977. Lk. 58–59.
- ⁹² *Ariste P.* Vadja rahva usundist // Virittäjä. 1932. S. 135–136.
- ⁹³ *Öpik E.* Vadjalastest ja isuritest XVIII saj. lõpul. Etnograafilisi ja lingvistilisi materjale Fjodor Tumanski Peterburi kubermangu kirjelduses. Tallinn, 1970. Lk. 108–109.

- ⁹⁴ *Mälik V.* Vadja vanasõnad. Tallinn, 1976.
- ⁹⁵ Из личной беседы с Оудекки Фигуровой из дер. Райо (Межники) в 1976 г.
- ⁹⁶ Из личной беседы с Оудекки Фигуровой из дер. Райо (Межники) в 1976 г.
- ⁹⁷ *Ariste P.* Vadja muistendeid // Emakeele Seltsi Toimetised. 12. Tallinn, 1977.
- ⁹⁸ *Ahlqvist A.* Wotisk grammatik jemte språkprof och ordförteckning // Acta Societatis Scientiarum Fennicae. V. I. Helsingforsiae, 1856.
- ⁹⁹ *Mustonen O.A.F.* Muistoonpanoja vatjan kielestä // Virittäjä I. Porvoo, 1883. S. 144-188.
- ¹⁰⁰ *Setälä E.N.* Vatjan kieltä. Helsinki, 1924.
- ¹⁰¹ *Kettunen L., Posti L.* Näytteitä vatjan kielestä. Helsinki, 1924; *Они же.* Lukukappaleita vatjan kielen opiskelijoille. Helsinki, 1932.
- ¹⁰² *Ленсу Я.Я.* Материалы по говорам води // Западнофинский сборник. Л., 1930. С. 201–305.
- ¹⁰³ *Ariste P.* Vadja muinasjutte. Tallinn, 1962.
- ¹⁰⁴ *Mägiste J.* Woten erzählen. Wotische Sprachproben // Suomalais-ugrilaisen Seuran toimituksia 118. Helsinki, 1959.
- ¹⁰⁵ Szabó L. Vót szövegek Mati faluból. Nyelvtudományi Közlemények. Budapest. 1961.
- ¹⁰⁶ Указатели «международных» сказочных сюжетов см.: *Aarne A.* Verzeichnis der Märchentypen // Folklore Fellows Communications. 1910. № 10; *Aarne A., Thompson S.* The Types of the Folktale // Folklore Fellows Communications. 1961. № 184.
- ¹⁰⁷ *Пронн В.Я.* Фольклор и действительность. М., 1976. С. 86–87.
- ¹⁰⁸ Огру (Агриппина) Нестерова, 86 лет; дер. Луудитса (Лужицы), запись 1965 г.: *Ariste P.* Vadja muistendeid. Tallinn, 1977. Lk. 11.
- ¹⁰⁹ Кико (Григорий) Георгиев, род. в 1892 г.; дер. Луудитса (Лужицы), запись 1970 г.: *Ariste P.* Vadja muistendeid. Tallinn, 1977. Lk. 7.
- ¹¹⁰ Оудэки (Евдокия) Фигурова, род. в 1891 г.; дер. Райо (Межники), запись 1970 г.: *Ariste P.* Vadja muistendeid. Tallinn, 1977. Lk. 8.
- ¹¹¹ Александр Андреев, 79 лет; дер. Ичяпяйвя (Иципино), запись 1942 г.: *Ariste P.* Vadja muistendeid. Tallinn, 1977. Lk. 10.
- ¹¹² Ольга Иванова, 75 лет; дер. Мати (Маттия), запись 1966 г.: *Ariste P.* Vadja muistendeid. Tallinn, 1977. Lk. 8.
- ¹¹³ Иво Леонтьев, род. в 1898 г.; дер. Луудитса (Лужицы), запись 1974 г.: *Ariste P.* Vadja muistendeid. Tallinn, 1977. Lk. 9.
- ¹¹⁴ Соло (Соломонида) Кузьмина, 68 лет; дер. Лемпола (Раннолово), запись 1942 г.: *Ariste P.* Vadja muistendeid. Tallinn, 1977. Lk. 11.
- ¹¹⁵ Соло (Соломонида) Кузьмина, 68 лет; дер. Лемпола (Раннолово), запись 1942 г.: *Ariste P.* Vadja muistendeid. Tallinn, 1977. Lk. 11.
- ¹¹⁶ Ольга Иванова, 73 года; дер. Мати (Маттия), запись 1964 г.: *Ariste P.* Vadja muistendeid. Tallinn, 1977. Lk. 12.
- ¹¹⁷ Ольга Иванова, 75 лет; дер. Мати (Маттия), запись 1965 г.: *Ariste P.* Vadja muistendeid. Tallinn, 1977. Lk. 12.
- ¹¹⁸ Иван Моисеев, 61 год; дер. Кырвыгтула (Корветино), запись 1942 г.: *Ariste P.* Vadja muistendeid. Tallinn, 1977. Lk. 13.
- ¹¹⁹ Мария Боранова, род. в 1896 г.; дер. Мати (Маттия), запись 1966 г.: *Ariste P.* Vadja muistendeid. Tallinn, 1977. Lk. 12.
- ¹²⁰ Мария Боранова, род. в 1896 г.; дер. Мати (Маттия), запись 1974 г.: *Ariste P.* Vadja muistendeid. Tallinn, 1977. Lk. 60.
- ¹²¹ Феня Федулова, род. в 1904 г.; дер. Куккузи (Куровицы), запись 1974 г.: *Ariste P.* Vadja muistendeid. Tallinn, 1977. Lk. 61.
- ¹²² Тимофей Морозов, 67 лет; дер. Мати (Маттия), запись 1942 г.: *Ariste P.* Vadja muistendeid. Tallinn, 1977. Lk. 68-69.
- ¹²³ Мария Николаева, 84 года; дер. Суур-Ытса (Котлы, Большой конец); запись 1942 г.: *Ariste P.* Vadja muistendeid. Tallinn, 1977. Lk. 63.
- ¹²⁴ (Пётра) Пётр Боранов, 54 года; дер. Мати (Маттия), запись 1942 г.: *Ariste P.* Vadja muistendeid. Tallinn, 1977. Lk. 63.

- ¹²⁵ Ольга Иванова, 74 года; дер. Мати (Маттия), запись 1965 г.: *Ariste P. Vадja muistendeid*. Tallinn, 1977. Lk. 64.
- ¹²⁶ Александр Андреев, 79 лет; дер. Ичяпяйвя (Иципино), запись 1942 г.: *Ariste P. Vадja muistendeid*. Tallinn, 1977. Lk. 67.
- ¹²⁷ Мария Боранова, род. в 1896 г.; дер. Мати (Маттия), запись 1957 г.: *Ariste P. Vадja muistendeid*. Tallinn, 1977. Lk. 70.
- ¹²⁸ Феня Федулова, род. в 1904 г.; дер. Куккузи (Куровицы), запись 1973 г.: *Ariste P. Vадja muistendeid*. Lk. 85.
- ¹²⁹ Иван Морозов, 56 лет; дер. Мати (Маттия), запись 1942 г.: *Ariste P. Vадja muistendeid*. Tallinn, 1977. Lk. 71.
- ¹³⁰ Кико (Григорий) Георгиев, род. в 1892 г.; дер. Луудитса (Лужицы), запись 1968 г.: *Ariste P. Vадja muistendeid*. Tallinn, 1977. Lk. 75.
- ¹³¹ Иван Моисеев, 61 год; дер. Кырвыттула (Корветино), запись 1942 г.: *Ariste P. Vадja muistendeid*. Tallinn, 1977. Lk. 82.
- ¹³² Феня Федулова, род. в 1904 г.; дер. Куккузи (Куровицы), запись 1973 г.: *Ariste P. Vадja muistendeid*. Tallinn, 1977. Lk. 84.
- ¹³³ Александра Морозова, 89 лет; дер. Мати (Маттия), запись 1942 г.: *Ariste P. Vадja muistendeid*. Tallinn, 1977. Lk. 85.
- ¹³⁴ Надёжа (Надежда) Леонтьева, род. в 1898 г.; дер. Лиивчюля (Пески), запись 1973 г.: *Ariste P. Vадja muistendeid*. Tallinn, 1977. Lk. 87.
- ¹³⁵ Ольга Иванова, 73 года; дер. Мати (Маттия), запись 1964 г.: *Ariste P. Vадja muistendeid*. Tallinn, 1977. Lk. 58.
- ¹³⁶ Соло (Соломонида) Кузьмина, 68 лет; дер. Лемпола (Раннолово), запись 1942 г.: *Ariste P. Vадja muistendeid*. Tallinn, 1977. Lk. 127.
- ¹³⁷ Оудэки (Евдокия) Фигурова, род. в 1891г.; дер. Райо (Межники), запись 1967 г.: *Ariste P. Vадja muistendeid*. Tallinn, 1977. Lk. 129.
- ¹³⁸ Матъё (Матрёна) Герасимова, дер. Ёыгыпэря (Кракольё): *Ariste P. Vадja Muinasjutte*. Tallinn, 1962. Lk. 102–103.
- ¹³⁹ Захар Алексеев, 76 лет; дер. Ичяпяйвя (Иципино), запись 1942 г.: *Ariste P. Vадja muistendeid*. Tallinn, 1977. Lk. 138.
- ¹⁴⁰ Соло (Соломонида) Кузьмина, 75 лет; дер. Лемпола (Раннолово), запись 1966 г.: *Ariste P. Vадja muistendeid*. Tallinn, 1977. Lk. 128–129.
- ¹⁴¹ Мария Царькова, 76 лет; дер. Луудитса (Лужицы), запись 1964 г.: *Ariste P. Vадja muistendeid*. Tallinn, 1977. Lk. 129.
- ¹⁴² Оудэки (Евдокия) Фигурова, род. в 1891г.; дер. Райо (Межники), запись 1964 г.: *Ariste P. Vадja muistendeid*. Lk. 130.
- ¹⁴³ Игнатий Смирнов, 58 лет; дер. Кырвыттула (Корветино), запись 1942 г.: *Ariste P. Vадja muistendeid*. Lk. 130–131.
- ¹⁴⁴ Мария Боранова, род. в 1896 г.; дер. Мати (Маттия), запись 1965 г.: *Ariste P. Vадja muistendeid*. Tallinn, 1977. Lk. 131.
- ¹⁴⁵ Надёжа (Надежда) Леонтьева, род. в 1898 г.; дер. Лиивчюля (Пески), запись 1974 г.: *Ariste P. Vадja muistendeid*. Tallinn, 1977. Lk. 133.
- ¹⁴⁶ Неизвестный информант, дер. Мати (Маттия), запись 1942 г.: *Ariste P. Vадja muistendeid*. Tallinn, 1977. Lk. 130.
- ¹⁴⁷ Мария Николаева, 84 года; дер. Суур-Ытса (Котлы, Большой конец), запись 1942 г.: *Ariste P. Vадja muistendeid*. Tallinn, 1977. Lk. 134.
- ¹⁴⁸ Мария Николаева, 84 года; дер. Суур-Ытса (Котлы, Большой конец), запись 1942 г.: *Ariste P. Vадja muistendeid*. Tallinn, 1977. Lk. 134.
- ¹⁴⁹ Мария Боранова, род. в 1896 г.; дер. Мати (Маттия), запись 1957 г.: *Ariste P. Vадja muistendeid*. Tallinn, 1977. Lk. 134.
- ¹⁵⁰ Фёкла Васильева, род. в 1887 г.; дер. Ичяпяйвя (Иципино), запись 1942 г.: *Ariste P. Vадja muistendeid*. Tallinn, 1977. Lk. 135.
- ¹⁵¹ Феня Федулова, род. в 1904 г.; дер. Куккузи (Куровицы), запись 1973 г.: *Ariste P. Vадja muistendeid*. Tallinn, 1977. Lk. 136.

- ¹⁵² Феня Федулова, род. в 1904 г.; дер. Куккузи (Куровицы), запись 1974 г.: *Ariste P. Vadja muistendeid*. Tallinn, 1977. Lk. 137.
- ¹⁵³ Ольга Иванова, 67 лет; дер. Мати (Маттия), запись 1959 г.: *Ariste P. Vadja muistendeid*. Tallinn, 1977. Lk. 104.
- ¹⁵⁴ Ольга Иванова, 75 лет; дер. Мати (Маттия), запись 1966 г.: *Ariste P. Vadja muistendeid*. Tallinn, 1977. Lk. 104.
- ¹⁵⁵ Ольга Иванова, 73 года; дер. Мати (Маттия), запись 1964 г.: *Ariste P. Vadja muistendeid*. Tallinn, 1977. Lk. 105.
- ¹⁵⁶ Акулина Атолайина, 57 лет; дер. Пуммала (Пумалицы), запись 1942 г.: *Ariste P. Vadja muistendeid*. Tallinn, 1977. Lk. 105.
- ¹⁵⁷ Ольга Иванова, 73 года; дер. Мати (Маттия), запись 1964 г.: *Ariste P. Vadja muistendeid*. Tallinn, 1977. Lk. 106.
- ¹⁵⁸ Александра Осипова, 64 года, род. в дер. Пондизы (Понделово); дер. Мати (Маттия), запись 1958 г.: *Ariste P. Vadja muistendeid*. Tallinn, 1977. Lk. 106.
- ¹⁵⁹ Мария Царькова, 67 лет; дер. Луудитса (Лужицы), запись 1957 г.: *Ariste P. Vadja muistendeid*. Tallinn, 1977. Lk. 106.
- ¹⁶⁰ Михаил Пименов, 70 лет; дер. Луудитса (Лужицы), запись 1960 г.: *Ariste P. Vadja muistendeid*. Tallinn, 1977. Lk. 107.
- ¹⁶¹ Оудэки (Евдокия) Фигурова, род. в 1891г.; дер. Райо (Межники), запись 1964 г.: *Ariste P. Vadja muistendeid*. Tallinn, 1977. Lk. 107.
- ¹⁶² Захар Андреев, 76 лет; дер. Ичяпяйвя (Иципино), запись 1942 г.: *P.Ariste. Vadja muistendeid*. Lk. 107.
- ¹⁶³ Мария Николаева, 84 года; дер. Суур-Ытса (Котлы, Большой конец), запись 1942 г.: *Ariste P. Vadja muistendeid*. Lk. 108.
- ¹⁶⁴ Авдотья Онуфриева, 92 года, родом из Ярвигойсчюля (Бабино); дер. Мати (Маттия), запись 1942 г.: *Ariste P. Vadja muistendeid*, Tallinn. Lk. 108.
- ¹⁶⁵ Иван Леонтьев, род. в 1898 г.; дер. Луудитса (Лужицы), запись 1969 г.: *Ariste P. Vadja muistendeid*. Tallinn, 1977. Lk. 109.
- ¹⁶⁶ Феня Федулова, род. в 1904 г.; дер. Куккузи (Куровицы), запись 1973 г.: *Ariste P. Vadja muistendeid*. Tallinn, 1977. Lk. 109.
- ¹⁶⁷ Мария Царькова, 76 лет; дер. Луудитса (Лужицы), запись 1964 г.: *Ariste P. Vadja muistendeid*. Tallinn, 1977. Lk. 110.
- ¹⁶⁸ Фёкла Васильева, род. в 1887 г.; дер. Ичяпяйвя (Иципино), запись 1957 г.: *Ariste P. Vadja muistendeid*. Tallinn, 1977. Lk. 110.
- ¹⁶⁹ Фёкла Васильева, род. в 1887 г.; дер. Ичяпяйвя (Иципино), запись 1971 г.: *Ariste P. Vadja muistendeid*. Tallinn, 1977. Lk. 111.
- ¹⁷⁰ Анна Исаева, 55 лет; дер. Кырвыттула (Корветино), запись 1942 г.: *Ariste P. Vadja muistendeid*. Tallinn, 1977. Lk. 111-112.
- ¹⁷¹ Огру (Агриппина) Нестерова, 82 года; дер. Луудитса (Лужицы), запись 1960 г.: *Ariste P. Vadja muistendeid*. Tallinn, 1977. Lk. 112.
- ¹⁷² Оудэки (Евдокия) Фигурова, род. в 1891г.; дер. Райо (Межники), запись 1966 г.: *Ariste P. Vadja muistendeid*. Tallinn, 1977. Lk. 112.
- ¹⁷³ Оудэки (Евдокия) Фигурова, род. в 1891г.; дер. Райо (Межники), запись 1967 г.: *Ariste P. Vadja muistendeid*. Tallinn, 1977. Lk. 113.
- ¹⁷⁴ Александр Андреев, 79 лет; дер. Ичяпяйвя (Иципино), запись 1942 г.: *Ariste P. Vadja muistendeid*. Tallinn, 1977. Lk. 113-114.
- ¹⁷⁵ *Kettunen L., Posti L. Näytteitä vatjan kielestä // Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia. LXIII. Helsinki, 1932. S. 179.*
- ¹⁷⁶ Надёжа (Надежда) Леонтьева, род. в 1898 г.; дер. Лиивчюля (Пески), запись 1973 г.: *Ariste P. Vadja muistendeid*. Tallinn, 1977. Lk. 114-115.
- ¹⁷⁷ Надёжа (Надежда) Леонтьева, род. в 1898 г.; дер. Лиивчюля (Пески), запись 1973 г.: *Ariste P. Vadja muistendeid*. Tallinn, 1977. Lk. 114-115.
- ¹⁷⁸ Ольга Иванова, 75 лет; дер. Мати (Маттия), запись 1966 г.: *Ariste P. Vadja muistendeid*. Tallinn, 1977. Lk. 120.

- ¹⁷⁹ Илья Николаев, 54 года; дер. Суур-Ытса (Котлы, Большой конец), запись 1942 г.: *Ariste P. Vadja muistendeid*. Tallinn, 1977. Lk. 117.
- ¹⁸⁰ Игнатий Смирнов, 59 лет; дер. Кырвыттула (Корветино), запись 1942 г.: *Ariste P. Vadja muistendeid*. Tallinn, 1977. Lk. 70-71.
- ¹⁸¹ Иван Боранов, 56 лет; дер. Мати (Маттия), запись 1942 г.: *Ariste P. Vadja muistendeid*. Tallinn, 1977. Lk. 141.
- ¹⁸² Кико (Григорий) Георгиев, род. в 1892 г.; дер. Луудитса (Лужицы), запись 1966 г.: *Ariste P. Vadja muistendeid*. Tallinn, 1977. Lk. 141.
- ¹⁸³ Феня Федулова, род. в 1904 г.; дер. Куккузи (Куровицы), запись 1973 г.: *Ariste P. Vadja muistendeid*. Tallinn, 1977. Lk. 142.
- ¹⁸⁴ Ольга Иванова, 75 лет; дер. Мати (Маттия), запись 1965 г.: *Ariste P. Vadja muistendeid*. Tallinn, 1977. Lk. 143-144.
- ¹⁸⁵ Ольга Иванова, 75 лет; дер. Мати (Маттия), запись 1966 г.: *Ariste P. Vadja muistendeid*. Tallinn, 1977. Lk. 144.
- ¹⁸⁶ Анна Исаева, 55 лет; дер. Кырвыттула (Корветино), запись 1942 г.: *Ariste P. Vadja muistendeid*. Tallinn, 1977. Lk. 145.
- ¹⁸⁷ Матрёна Агафонова, род. в 1907 г.; дер. Луудитса (Лужицы), запись 1973 г.: *Ariste P. Vadja muistendeid*. Tallinn, 1977. Lk. 146.
- ¹⁸⁸ Дуня Трофимова, род. в 1908 г.; дер. Луудитса (Лужицы), запись 1973 г.: *Ariste P. Vadja muistendeid*. Tallinn, 1977. Lk. 146.
- ¹⁸⁹ Надёжа (Надежда) Леонтьева, род. в 1898 г.; дер. Лиивчюля (Пески), запись 1973 г.: *Ariste P. Vadja muistendeid*. Tallinn, 1977. Lk. 146-147.
- ¹⁹⁰ Надёжа (Надежда) Леонтьева, род. в 1898 г.; дер. Лиивчюля (Пески), запись 1974 г.: *Ariste P. Vadja muistendeid*. Tallinn, 1977. Lk. 147.
- ¹⁹¹ Авдотья Ануфриева, 92 года; дер. Ярвигойсчюля (Бабино), запись 1942 г.: *Ariste P. Vadja muistendeid*. Tallinn, 1977. Lk. 153-154.
- ¹⁹² Ольга Иванова, 75 лет; дер. Мати (Маттия), запись 1966 г.: *Ariste P. Vadja muistendeid*. Tallinn, 1977. Lk. 154.
- ¹⁹³ Анна Исаева, 55 лет; дер. Кырвыттула (Корветино), запись 1942 г.: *Ariste P. Vadja muistendeid*. Tallinn, 1977. Lk. 155.
- ¹⁹⁴ Кико (Григорий) Георгиев, род. в 1892 г.; дер. Луудитса (Лужицы), запись 1966 г.: *Ariste P. Vadja muistendeid*. Tallinn, 1977. Lk. 158.
- ¹⁹⁵ Ольга Иванова, дер. Мати (Маттия): *Tõid Eestii filoloogialalt*, IV. Tartu, 1974.
- ¹⁹⁶ Александр Андреев, 79 лет; дер. Ичяпяйвя (Иципино), запись 1942 г.: *Ariste P. Vadja muinasjutte*. Tallinn, 1962. Lk. 106.
- ¹⁹⁷ Ольга Иванова, дер. Мати (Маттия): *Tõid Eestii filoloogialalt*, IV. Tartu, 1974.
- ¹⁹⁸ Матьё (Матрёна) Герасимова, 64 года; дер. Ыыгыпэря (Кракольё), запись 1947 г.: *Ariste P. Vadja muinasjutte*. Tallinn, 1962. Lk. 104-105.
- ¹⁹⁹ Соло (Соломонида) Кузьмина, 68 лет; дер. Лемпола (Раннолово), запись 1942 г.: *Ariste P. Vadja muinasjutte*. Tallinn, 1962. Lk. 26.
- ²⁰⁰ *Kettunen L., Posti L. Näytteitä vatjan kielestä // Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia LXIII*. Helsinki, 1932. S. 5.
- ²⁰¹ Соло (Соломонида) Кузьмина, 68 лет; дер. Лемпола (Раннолово), запись 1942 г.: *Ariste P. Vadja muinasjutte*. Tallinn, 1962. Lk. 5.
- ²⁰² Соло (Соломонида) Кузьмина, 68 лет; дер. Лемпола (Раннолово), запись 1942 г.: *Ariste P. Vadja muinasjutte*. Tallinn, 1962. Lk. 39.
- ²⁰³ *Kettunen L., Posti L. Näytteitä vatjan kielestä // Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia LXIII*. Helsinki, 1932. S. 93.
- ²⁰⁴ Ольга Иванова, дер. Мати (Маттия): *Ariste II*. Водская этнология II. С. 67.
- ²⁰⁵ Мико (Михаил) Пименов, 70 лет; дер. Луудитса (Лужицы), запись 1961 г.: *Ariste P. Vadja muinasjutte*. Tallinn, 1962. Lk. 84-85.
- ²⁰⁶ Анна Михайлова, дер. Луудитса (Лужицы): *Mägiste J. Woten erzählen. Wotische Sprachproben*. Helsinki, 1959.
- ²⁰⁷ Мико (Михаил) Пименов, 70 лет; дер. Луудитса (Лужицы), запись 1961 г.: *Ariste P. Vadja muisteneid*. Tallinn, 1977. Lk. 81-82.

²⁰⁸ Матъё (Матрёна) Герасимова, дер. Ёыгыпэря (Кракольё): *Ariste P. Vadja muinasjutte*. Tallinn, 1962. Lk. 103.

²⁰⁹ Мико (Михаил) Пименов, 70 лет; дер. Луудитса (Лужицы), запись 1961 г.: *Ariste P. Vadja muinasjutte*. Tallinn, 1962. Lk. 83.

²¹⁰ *Kettunen L., Posti L. Näytteitä vatjan kielestä // Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia LXIII*. Helsinki, 1932. S. 30-31.

²¹¹ Мико (Михаил) Пименов, 70 лет; дер. Луудитса (Лужицы), запись 1961 г.: *Ariste P. Vadja muinasjutte*. Tallinn, 1962. Lk. 78-79.

²¹² Паро Дмитриева, 71 год; дер. Луудитса (Лужицы), запись 1967 г.: *Ariste P. Vadja muistendeid*. Tallinn, 1977. Lk. 15.

²¹³ Соло (Соломонида) Кузьмина, 68 лет; дер. Лемпола (Раннолово), запись 1942 г.: *Ariste P. Vadja muinasjutte*. Tallinn, 1962. Lk. 22-24.

Ariste P. Vadjalane kätkest kalmuni. Emakeele Seltsi Toimetised. 10. Tallinn, 1974. 10.

²¹⁴
²¹⁵ Авдотья Онуфриева, 92 года; дер. Мати (Маття), запись 1942 г.: *Ariste P. Vadja muinasjutte*. Tallinn, 1962. Lk. 43.

²¹⁶ Ольга Иванова, дер. Мати (Маття): *Tõid Eestii filoloogialalt*. IV. Tartu, 1974.

²¹⁷ *Kettunen L., Posti L. Näytteitä vatjan kielestä // Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia LXIII*. Helsinki, 1932. S. 127-131.

²¹⁸ *Mustonen O. A. F. Muistoonpanoja Vatjan kielestä*. 1. *Kielennäytteitä // Virittäjä*. Helsinki, 1883. S. 145-149.

*Академическая научно-популярная серия
«ФОЛЬКЛОР КОРЕННЫХ НАРОДОВ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ»*

ПРЕДАНИЯ И СКАЗКИ ВОДСКОГО НАРОДА

Научно-популярное издание

Составитель О.И. Конькова
Редактор М.А. Ильина
Редактор водских текстов М.З. Муслимов
Компьютерный макет Натальи Пашковской

Подписано в печать 10.09.2009.
Формат 60×84/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Усл. п. л. 16,7. Уч.-изд. л. 18.
Тираж 1000 экз. Заказ № 654.

РИО МАЭ РАН
199034. Санкт-Петербург, В.О., Университетская наб., 3

Отпечатано в ООО «Издательство «Лема»
199034. Санкт-Петербург, В.О., Средний пр., 24